

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Российский центр науки и культуры в Гомеле

Главное управление идеологической работы, культуры и по делам
молодежи Гомельского областного исполнительного комитета

100 лет Российской революции: подведение итогов

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2017

УДК 94(470+571)"1917"

100 лет Российской революции: подведение итогов : сборник научных статей / редкол.: Г. А. Алексейченко (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – 137 с. – ISBN 978-985-577-365-9

В сборник, подготовленный в рамках сотрудничества между ГГУ им. Ф. Скорины и Российским центром науки и культуры в Гомеле, включены научные статьи, освещающие круг актуальных проблем истории Российской революции 1917 г. на общегосударственном и региональном уровне, а также в широком международном контексте. Особое внимание уделено новейшим научным подходам и оценкам драматических революционных событий, их последствий и влияния на исторические судьбы народов.

Издание адресовано историкам, политологам, педагогам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией при участии издательства.

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Редакционная коллегия:

Г. А. Алексейченко (гл. ред.), Н. Н. Мезга, О. Г. Ященко,
С. А. Черепко, С. Ф. Веремеев

Рецензенты:

кандидат исторических наук Л. С. Скрыбина,
кандидат исторических наук В. П. Пичуков

ISBN 978-985-577-365-9

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2017

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАРОДОВ

УДК 94(470+571)"1917": 330. 342.41

С. Б. Жихарев

Гомель, УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины»

СТРАТЕГИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ (ЭКОНОМИКА РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА)

Ослабление позиций России в военно-политической сфере и на международной арене после проигранной Крымской войны (1853–1856 гг.), ставшее следствием ее прогрессирующего отставания от наиболее развитых стран Западной Европы, требовало от политической элиты выработки стратегии дальнейшего развития страны. В статье анализируется взятый Россией за основу догоняющий тип экономического развития. Автор отмечает, что, несмотря на обозначившиеся к 1913 г. позитивные сдвиги, отставание России от стран-лидеров не было устранено. В конечном счете, именно такая стратегия привела к революционной катастрофе 1917 г. и смене общественного строя.

К середине XIX века в экономическом развитии Российской империи стали нарастать признаки прогрессирующего отставания от наиболее развитых стран Западной Европы. Наглядным проявлением несоответствия имперских амбиций правящей элиты реальному уровню промышленного, а значит и военно-технического потенциала страны, вследствие тормозящего влияния на экономику как внутренних, так и внешних факторов, замедлявших ее развитие, стало поражение России в Крымской войне от коалиции раннеиндустриальных держав (Англия и Франция). Ослабление позиций России в военно-политической сфере и на международной арене (после Парижского мира страна выбыла из числа великих держав и вполне могла стать объектом экспансии более развитых стран), а также острая необходимость решения уже назревших проблем, требовали от властной элиты выработки стратегии дальнейшего развития страны. Таким образом,

военно-политическая уязвимость страны и вполне реальная угроза потери суверенитета создали очередной, уже второй по счету в российской истории, начиная с первой четверти XVIII века (эпоха петровских преобразований), прецедент догоняющего развития, направленного на сокращение накопившегося отставания с ушедшими вперед раннеиндустриальными странами.

В реальности такой тип развития основывается на выполнении правительством целой системы взаимосвязанных мер, включающих в себя, как отмечает российский исследователь В. Т. Рязанов, «<...> повторение ранних этапов, пройденных странами-лидерами, но с более короткими сроками за счет форсирования роста. Кроме того, он опирается на заимствование готовых и отработанных технологий, форм хозяйствования, экономических институтов, когда предпочтение отдается всеобщему и универсальному в хозяйственном развитии» [1, с. 366]. При практическом применении программы догоняющего развития «основная надежда связана с тем, что накопленный международный опыт хозяйствования, возможность получения содействия и помощи со стороны наиболее богатых стран, привлечение иностранных инвестиций – все это явится достаточным для проведения крупных системных изменений в народном хозяйстве, для адаптации к мировому рынку и в конечном итоге приведет к ускорению развития экономики» [1, с. 367].

К началу Первой мировой войны политика правительства по модернизации экономики вывела Россию на пятое место в мире по объему промышленного производства и на второе место после Соединенных Штатов Америки по годовым темпам роста промышленной продукции на душу населения. При этом главная особенность экономического курса была связана с государственным вмешательством в хозяйственную жизнь страны. По поводу прямого государственного вмешательства в воспроизводственный процесс С. Ю. Витте еще в бытность, в должности министра финансов отмечал: «Мероприятия, предпринимаемые правительством в целях воздействия на развитие отечественной промышленности и торговли, имеют в настоящее время для России гораздо более глубокое и широкое значение, нежели когда-либо ранее... Благодаря такому преобразованию основных экономических интересов страны каждое более или менее крупное мероприятие правительства влияет на жизнь всего народно-хозяйственного организма. Покровительство, оказанное отдельной отрасли промышленности, новая железная дорога, изыскание новой почвы для применения народного труда – все подобные хотя бы и частичные или местные меры затрагивают, тем не менее весь строй

сложившихся отношений, колеблют установившееся равновесие. Каждая правительственная мера в области торгово-промышленной политики воспринимается ныне почти всем экономическим организмом, и она влияет на ход его дальнейшего развития» [2, с. 158].

С 1870-х годов по 1913 год включительно Россия демонстрировала самую высокую в Европе динамику увеличения промышленного производства (в среднем 5 % в год). По этому показателю Россия опережала не только раннеиндустриальные страны, но даже Германию и Австро-Венгрию, взявшие на вооружение, как и Россия, стратегию догоняющего развития [3, с. 54].

За этот период в стране возникло много новых предприятий в сфере промышленности, транспорта, в финансовой сфере (сеть банков), развивалось предпринимательство, создавались акционерные общества. Осуществлялся курс на развитие передовых промышленных отраслей, ускоренный рост перерабатывающей промышленности. Добыча нефти в России с 1894 по 1914 г. увеличилась на 65 %, производство чугуна – на 50 %, железа и стали – на 224 % [4, с. 27]. Происходило внедрение новых технологий с содействием капитала таких иностранных фирм, как «Эрикссон», «Сименс и Гальске», «Вестингауз». В целом доля иностранного капитала в российской экономике достигала 36 %.

В Западной Европе под влиянием успехов России, заговорили о «русском чуде». Французский экономист Эдмон Тери в книге «Россия в 1914 году» писал: «...ни один из европейских народов не достигал подобных результатов... К середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовых отношениях» [5, с. 43]. Накануне Первой мировой войны Россия представляла собой крупномасштабный, внешне успешный образец государственного капитализма. Своим размахом он впечатлял союзников России по Антанте и тревожил германцев. С нескрываемыми опасениями по поводу быстрого роста русской экономической мощи в 1913 году имперский канцлер Бетман-Гольвег заметил: «будущее принадлежит России...» [6, с. 24]. Стороннему наблюдателю могло показаться, что перед российской экономикой, находившейся на подъеме, открывались блестящие перспективы.

С положительными прогнозами современников во многом совпадают и оценки некоторых зарубежных ученых, специально занимавшихся экономической историей пореформенной России в сопоставлении с хозяйственной динамикой целого ряда других стран. Так, по мнению американского экономиста П. Грегори «темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX вв. Россия принадлежала к группе

стран с наиболее развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция» [7, с. 64].

Однако оптимистичные прогнозы оказались преждевременными. И здесь напрашивается известный афоризм Станислава Ежи Ленца о том, что «в действительности все не так, как на самом деле». И действительно, несмотря на успехи догоняющей модернизации в России в начале XX в. проблема технико-экономического отставания страны от основных европейских держав не была решена. Так, в 1913 г. российская промышленность давала только 20 % национального дохода страны. Для сравнения отметим, что только в Румынии и Болгарии этот показатель был равен 15 %. В отличие от России в Великобритании и Германии на долю промышленности приходилось в 1910–1913 гг. соответственно 43 и 44,7 % национального дохода.

Страна продолжала оставаться в подавляющей части сельской, аграрной, крестьянской. Преобладали поселения, относимые официально или по административному статусу к городам, а по своей экономической структуре принадлежавшие к полусельским населенным пунктам. К 1914 г. только 14,6 % населения Российской империи составляли горожане. Но даже в больших и средних индустриальных центрах (насчитывалось максимум два десятка) свыше половины жителей – это вчерашние крестьяне родом из деревни, сохранявшие с ней прочные социально-экономические и иные связи.

В структуре занятости населения преобладали виды деятельности в сфере сельского и лесного хозяйства. Лишь 22 % населения были заняты вне аграрного сектора. В развитых странах Западной Европы в начале XX в. доля занятых вне сельского хозяйства превышала половину всего самодостаточного населения (например, в Великобритании – 90 %).

Что же касается доходов на душу населения, то по этому показателю Россия отставала от стран Западной Европы в 2,5–4 раза, находясь на уровне балканских стран и Румынии и немного превосходя такие окраины Австро-Венгрии, как Галиция и Буковина.

Доля России в мировом промышленном производстве в 1913 г. была более чем скромной и достигала лишь 5,3 %. В 1912 г. национальный доход на душу населения в России составлял 110 рублей золотом. Однако от Германии она отставала почти в три раза, от Англии в 4,5 раза, от США – почти всемерно. Еще заметнее выглядит разрыв между Россией и ведущими экономическими странами по такому показателю как ВВП на душу населения. Так, если в 1880 году в России он составлял 224 доллара США, в 1913 году ВВП вырос до 345 долларов, то в Англии данный показатель в 1880 г. 680 долларов, к 1913 году – 1 070 долларов; во Франции соответственно 464 и 670 долларов,

а в США в 1913 году ВВП на душу населения достиг 1350 долларов [1, с. 368].

Таким образом, стратегия догоняющего развития не смогла разрешить свою ведущую экономическую задачу – устранить отставание России от стран-лидеров. При этом реализация данной модели не только сопровождалась откатами, рецидивами консерватизма, но и во многом провоцировала социальную напряженность и политические потрясения, а также военные поражения (в Русско-японской и Первой мировой войнах). В конечном счете, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и смене общественного строя.

Список использованных источников и литературы

1. Рязанов, В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. / В. Т. Рязанов. – СПб.: Наука, 1998. – 796 с.
2. Волков, В. В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX – начале XX века / В. В. Волков. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. – 184 с.
3. Красильщиков, В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В. А. Красильщиков. – М.: «РОССПЭН», 1998. – 264 с.
4. Сенявский, А. С. Индустриальная модернизация в России: теоретические проблемы / А. С. Сенявский // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всерос. науч. конф., г. Саранск, 20–21 июня 2007 г. / МГУ им. Н. П. Огарева; отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев. – Саранск: Изд. центр историко-социол. ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – 616 с.
5. Братченко, Т. М. От протоиндустриализации к раннеиндустриальной модернизации дореволюционной России / Т. М. Братченко, А. С. Сенявский // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всерос. науч. конф., г. Саранск, 20–21 июня 2007 г. / МГУ им. Н. П. Огарева; отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев. – Саранск: Изд. центр историко-социол. ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – 616 с.
6. Джонсон, Пол Современность. Мир с Двадцатых по Девяностые годы / Пол Джонсон. – М.: Издательство «Анубис», ТОО «ВИЛАД», 1995. – Ч. 1. – 527 с.
7. Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки / П. Грегори. – М.: «РОССПЭН», 2003. – 256 с.

А. М. Бабков

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

**БЕЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ПРОБЛЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАЗМЕЩЕНИЯ (1915–1917)**

Раскрывается концепция регистрации беженцев, практика ее организации и сложности проведения. Рассмотрена роль Татьянинского комитета и других государственных и общественных организаций по учету и размещению беженцев. Предпринята попытка установить локализацию белорусских беженцев и их численность по губерниям Российской империи.

Проблема беженства в годы Первой мировой войны в последнее время вызывает большой интерес у историков. Однако малоисследованным остается вопрос о численности, национальном составе, географии размещения беженцев Беларуси в Российской империи. Во многом это объясняется тем, что до Первой мировой войны не существовало массового беженства, поэтому отсутствовал опыт и методика его учета. К тому же регистрацией беженцев занимались разные общественные и национальные организации. Официальные данные эвакуированного населения учитывали, как правило, беженцев, которым оказывалась социальная помощь. Возможность выделения белорусских беженцев в национальную группу появилась только после Февральской революции 1917 г.

Первые попытки учета массового потока беженцев были приняты Всероссийским Земским Союзом (ВЗС) и Всероссийским Союзом Городов (ВСГ). 7–8 сентября 1915 г. они учредили отдел по устройству беженцев, который занимался сбором данных о перемещении беженцев и предоставлял их в Особое совещание по устройству беженцев при МВД Российской империи. Однако в своей деятельности Земгор столкнулся с противодействием правительства и вскоре приостановил статистические работы.

Ведущая роль в регистрации беженцев перешла к Комитету «Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны» (Татьянинский комитет), который являлся крупнейшей общественной организацией по оказанию помощи беженцам. Он пользовался

правительственной поддержкой, получал государственные субсидии, часть финансовых поступлений давали всероссийские сборы пожертвований и частные взносы. Татьянанский комитет учредил губернские отделения в прифронтовых белорусских губерниях. По закону «Об обеспечении нужд беженцев» (30 августа 1915 г.) и согласно «Руководящих положений по устройству беженцев» (2 марта 1916 г.) Татьянинскому комитету поручалось оказание временной помощи беженцам как лицам, пострадавшим от военных действий [1, л. 225].

4 сентября 1915 г. при Татьянинском комитете был учрежден Особый отдел по регистрации беженцев под председательством В. Н. Комарницкого. В качестве исполнительного органа при нем создавалось Центральное Всероссийское бюро по регистрации беженцев. 19 сентября 1915 г. Татьянинский комитет сообщил председателю ВЗС Г. Е. Львову об учреждении Центрального Всероссийского бюро по регистрации беженцев, главной задачей которого являлась помощь беженцам в розыскании потерянных ими родственников. 12 октября заместитель председателя Татьянинского комитета А. Б. Нейдгарт обратился к Г. Е. Львову с предложением о сотрудничестве с органами ВЗС на условиях разделения между ними функций по учету беженцев. Первоначально Татьянинский комитет намеревался заняться розыском потерявшихся членов семей беженцев, особенно детей, а функции сплошной регистрации беженцев передать ВЗС и ВСГ [2, с. 201].

26 ноября 1915 г. на заседании Особого Совещания по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел Российской империи А. М. Хвостова был рассмотрен вопрос о регистрации беженцев. С целью установления их численности и географии размещения в эвакуации, а также недопущения дублирования регистрации беженцев различными общественными организациями, которые финансировались государством, Особое Совещание передало функции учета беженцев Татьянинскому комитету. Губернаторам и градоначальникам рекомендовалось оказывать всемерное содействие Татьянинскому комитету при проведении учета осевших на местах беженцев [3, л. 32]. Распоряжение министра внутренних дел о передаче Татьянинскому комитету полномочий по регистрации беженцев было крайне негативно воспринято Всероссийскими Земским и Городским Союзами. Они стали добиваться пересмотра данного вопроса Особым Совещанием по устройству беженцев. Формальным основанием для этого являлось отсутствие на заседании совещания представителей ВЗС и ВСГ, которые были лишены возможности представить свои разъяснения о проделанной работе по первичной регистрации

беженцев. Еще в августе 1915 г. отдел по устройству беженцев ВЗС и ВСГ разработал программу учета беженцев на железнодорожных станциях при отправке их во внутренние губернии Российской империи, а также установил карточную систему регистрации потерявшихся беженцев [2, с. 183]. Согласно их сведениям, на 1 июня 1916 г. количество беженцев насчитывало 2 757 735 человек. Около 47,1 % от общего количества беженцев составляли жители Беларуси, в т.ч. выходцы из Гродненской губернии – 38 % [5, с. 19].

Массовое перемещение беженцев из районов боевых действий и прифронтовых губерний в тыл достигло максимума в сентябре-октябре и завершилось в ноябре-декабре 1915 г. Российская империя была разделена на 12 регионов по устройству беженцев внутри страны. Для упорядочения действий в каждом из них была утверждена должность Главноуполномоченного по устройству беженцев внутри империи [6, л. 2].

Особый отдел по регистрации Татьянинского комитета производил учет осевших беженцев на тех же принципах, на которых проводилась всеобщая перепись населения с тем отличием, «что в ней не проводился принцип однодневности и регистрация велась по двум категориям: осевших беженцев и вновь прибывающих» [7, л. 68]. На места были разосланы анкетные материалы для регистрации 4 млн. беженцев.

По запросу Особого отдела по регистрации беженцев Татьянинского комитета губернаторы и градоначальники предоставили 20 декабря 1915 г. предварительные сведения о регистрации беженцев, за исключением Смоленской губернии, нескольких уездов Орловской губернии, Якутской, Камчатской, Сахалинской губерний и областей Сибири и Закавказья. По их сведениям, общее количество беженцев составляло 2 706 309 человек. Больше всего беженцев осело в Екатеринославской и Московской губерниях, особенно в г. Москве и Петрограде, а также в губерниях, прилегающих к фронту, что объясняется желанием беженцев находиться ближе к родным местам постоянного жительства с надеждой быстрее возвратиться домой. Всего в четырех белорусских губерниях находилось 232 108 беженцев. Минская губерния среди 45 губерний европейской России занимала восьмое место по их численности (107 058 человек). В Могилевской губернии размещалось 72 120 беженцев, в Витебской – 52 930. В результате процент размещенных беженцев по отношению к постоянно проживавшему населению в Минской губернии составлял 3,56, в Могилевской – 2,92 и Витебской – 2,71. Всего в 45 губерниях европейской России находилось 2 496 640 беженцев, в Сибири – 78 531, Средней Азии – 111 408, Предкавказье – 19 730 [8, с. 47–52].

Татьянинский комитет уделил большое внимание розыску потерявшихся в пути членов семей беженцев, их детей. До начала 1916 г. в Центральное Всероссийское бюро поступили сведения о 12 тыс. потерянных детей. Была организована перепись детей беженцев в 61 детском приюте и убежище. В результате было зарегистрировано 2 089 потерянных детей из семи северо-западных губерний, что составляло 73 % их общего количества. Среди них из Виленской губернии – 399 детей, Гродненской – 249, Витебской – 164 и Минской – 102 [9, сс. 9, 18, 22, 25].

В начале 1916 г. значительно увеличилась численность беженцев в Минской губернии. По сведениям Минского губернского отделения Татьянинского комитета на 20 марта в Минской губернии находилось уже 122 332 беженца, в т.ч. 30 329 мужчин, 43 165 женщин и 48 838 детей. В самом Минске численность беженцев составляла 24361 человек, а в Минском уезде – 9 411. Наибольшая численность беженцев осела в Слуцком уезде – 16 998, Игуменском – 13 008, Пинском – 11 084 [10, с. 140–141].

На 1 июля 1916 г. в Центральное Всероссийское бюро по регистрации беженцев поступили полные сведения о расселении беженцев только по 22 губерниям и частичные данные по 16 губерниям Российской империи, охватившие 1 368 254 беженцев, что составляло 45 % их общей численности. Согласно им, количество беженцев из пяти северо-западных губерний составило 463 175 человек, т.е. около третьей части всех беженцев. Наибольшее количество беженцев являлись выходцами из Гродненской губернии (280 634), Виленской (82 016), Минской (70 805) и совсем незначительное число из Могилевской губернии (3 439). Иллюстрацией географии размещения белорусских беженцев во внутренних губерниях России может послужить распределение беженцев из наиболее пострадавшей от войны Гродненской губернии. Основная масса беженцев Гродненской губернии (244 151 человек) из зарегистрированных к тому времени 280 634 разместились в 28 губерниях европейской России. Наибольшее их количество осело в Калужской губернии (50 026), Рязанской (31 787), Пензенской (20 209), Саратовской (15 972) и других центральных губерниях России [11, с. 8–9].

Основные мероприятия по учету беженцев проводились Особым отделом по регистрации беженцев Татьянинского комитета в течение полугода и завершились в мае 1916 г., а обработка полученных статистических материалов продолжалась до конца года. По итогам губернских сведений на 1 января 1917 г. было зарегистрировано 2 837 411 беженцев (всего на 1 ноября 1916 г. на территории Российской империи

находилось 3 573 471 беженец). И хотя опубликованные Татьянинским комитетом сведения не являются полными и окончательными, но представленные в них статистические данные позволяют составить более полную картину численности и размещения беженцев из белорусских губерний в Российской империи. При анализе статистического материала Татьянинского комитета не учтены сведения о беженцах из белорусских губерний Виленской губернии, что увеличит общую цифру беженцев из Беларуси.

Как показывают статистические данные таблицы 1 [12, с. 13–15], наибольшая численность беженцев из четырех белорусских губерний осела в Центральной России и Поволжье. Беженцы численностью от 20 до 85 тысяч человек разместились в Тамбовской, Калужской, Уфимской, Саратовской губерниях. В ряде губерний были превышены запланированные показатели приема беженцев в несколько раз, как, например, в Саратовской губернии, где численность беженцев к концу 1916 г. увеличилась в два раза и составила 142 064. В Калужской губернии уже в сентябре 1914 г. количество беженцев достигло 50 тыс. человек, и дальнейший прием был прекращен в связи с планировавшимся переводом в Калугу Ставки Верховного главнокомандующего. Тем не менее, в конце 1915 г. количество беженцев в Калужской губернии увеличилось до 65 тыс. человек. Наибольшая их концентрация наблюдалась в Козельском, Мещовском и Жиздринском уездах. Только в Мещовском уезде было размещено свыше 10 тыс. человек, среди которых преобладали белорусы – 61,3 % [13, с. 143–144]. Беженцы численностью от 10 до 20 тыс. человек осели в 11 российских губерниях: Орловской, Петроградской, Владимирской, Воронежской, Московской и др. Орловский губернатор с начала массового движения беженцев делал попытку направить их в другие губернии, ссылаясь на «бездорожье и бесхлебье» западных своих уездов. В феврале 1916 г. уполномоченному Западного фронта с большим трудом удалось согласовать размещение на Орловщине 12,5 тыс. беженцев Витебской губернии. Менее чем 5 тыс. беженцев проживало в семи северо-западных губерниях России. В остальных губерниях России численность беженцев составляла по несколько сотен человек. В целом, наибольшее число беженцев из Беларуси разместилось в Тамбовской губернии (85 433), наименьшее – Архангельской (251). В свою очередь, в прифронтовых белорусских губерниях в конце 1916 г. осело 74 698 беженцев в большинстве выходцев из польских губерний – Люблинской, Ломжинской и Сувалкской. Из них в Минской губернии – 50 576, Могилевской – 17 072, Витебской – 7 050 [14, с. 14–15].

Таблица 1 – Количество беженцев Беларуси в губерниях европейской России (по данным Татьянинского комитета на 1.01.1917 г.)

№ №	Губернии размещения (русские)	Губернии выхода (белорусские)				Всего
		Гродненская	Минская	Витебская	Могилевская	
Численность беженцев от 85 до 20 тыс.						
1	Тамбовская	74 428	10 508	455	42	85 433
2	Самарская	61 242	6 097	452	56	67 847
3	Калужская	47 385	1 299	176	30	48 890
4	Уфимская	39 481	5 495	379	38	45 393
5	Саратовская	35 826	4 844	781	36	41 877
6	Казанская	35 542	1 062	413	28	37 045
7	Оренбургская	32 916	3 470	251	7	36 644
8	Рязанская	29 404	2 124	164	20	31 712
9	Пензенская	23 324	5 438	425	15	29 200
10	Донское войско	23 651	29	454	1 672	25 897
11	Нижегородская	13 524	4 147	2 907	73	206 651
12	Симбирская	19 050	1 399	526	8	20 973
Численность беженцев от 20 до 10 тыс.						
13	Орловская	12 277	4 795	2 027	58	19 157
14	Петроградская	8 809	3 199	6 852	80	18 940
15	Владимирская	11 631	4 316	518	45	16 510
16	Воронежская	13 756	1 471	199	47	15 473
17	Московская	10 025	2 043	2 238	81	14 387
18	Тульская	8 183	2 500	1 111	87	11 881
19	Пермская	7 216	3 335	1 183	71	11 805
20	Ярославская	6 415	2 036	2 976	54	11 481
21	Тверская	6 075	2 923	2 296	53	11 347
22	Смоленская	6 909	2 748	397	3	10 057
Численность беженцев от 5 до 2 тыс.						
23	Курская	3 074	1609	546	63	5 292
24	Новгородская	3 390	454	1 070	17	4 931
25	Псковская	1 227	126	1 992	16	3 361
26	Костромская	1 313	397	841	77	2 628
27	Астраханская	2 106	274	35	22	2 437
28	Вологодская	416	378	1 048	25	1 867
29	Вятская	1 070	164	252	9	1 495

В годы войны не только русские губернии стали местом временного размещения белорусских беженцев. Значительное их количество оказалось в девяти украинских губерниях, несмотря на то, что Украина была предназначена для размещения беженцев из района Юго-Западного фронта. Как показывает таблица 2 [2, с. 172], в конце 1916 г. из четырех белорусских губерний там находилось 91 357 беженцев.

Больше всего белорусских беженцев осело в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Екатеринославль являлся распределительным пунктом для беженцев, следовавших в южные губернии, многие из которых оседали в губернии, что привело к ее переполнению людскими контингентами. Наиболее интенсивное движение белорусских беженцев на Екатеринославском распределительном пункте наблюдалось в октябре 1915 г. Хроника событий выглядит следующим образом: 26 октября в Екатеринославле находились один вагон беженцев из Минской губернии и три вагона из Гродненской губернии, которые направлялись в Херсон, а также шесть вагонов беженцев из Гродненской губернии, следовавших в Одессу, которых железнодорожные власти отказывались отправлять по месту назначения. В тот же день в Екатеринославль прибыло еще 1 119 беженцев, которые были отправлены в Новомосковск, Мариуполь, Феодосию и Пензу. 27 октября в Екатеринославль прибыло еще 16 вагонов беженцев из Гродненской, Виленской, Холмской и Волынской губерний; а 28 октября – 24 вагона с беженцами из Минской и Волынской губерний. По данным украинского исследователя Л. Н. Жванко, в наиболее заселенной беженцами Харьковской губернии самыми многочисленными национальными группами беженцев являлись выходцы из Польши (32 %), Беларуси и Литвы (29 %), Прибалтийских губерний (26,3 %), остальные – Западной Украины [2, с. 172].

Таблица 2 – Количество беженцев Беларуси в украинских губерниях (по данным Татьянинского комитета на 1.01.1917 г.)

Наименование губернии выхода	Наименование губернии размещения									
	Екатеринославская	Харьковская	Черниговская	Херсонская	Полтавская	Таврическая	Киевская	Волынская	Подольская	Всего
Гродненская	19 923	20 879	5 544	6 380	2 050	3 700	2 470	504	203	61 653
Минская	6 685	4 712	5 089	2 397	2 598	882	920	965	9	24 257
Витебская	1 362	1 878	134	402	355	101	112	748	2	5 094
Могилевская	108	58	88	28	30	9	32	–	–	353
Всего	28 078	27 527	10 855	9 207	5 033	4 692	3 534	2 217	214	91 357

В целом, к началу 1917 г. в Российской империи осело 879 169 беженцев из четырех белорусских губерний. Из них в губерниях

европейской России – 822 499 человек, причем в европейской части России беженцы из Беларуси были сосредоточены в 48 губерниях. Самую многочисленную группу белорусских беженцев составили переселенцы из Гродненской губернии (690 178 человек), Минской – 140 783, а наименьшую из Могилевской губернии – 3 330 [17]. Значительно меньшее число белорусских беженцев оказалось в азиатской части Российской империи, которая географически находилась далеко от фронта. Наиболее существенная группа белорусских беженцев была вывезена в Западную Сибирь, южная часть которой в территориально-административном отношении входила в состав Томской губернии, а Томск стал губернским распределительным пунктом для беженцев, оседавших в губернии на жительство, а также для следовавших через нее далее на восток. В начале 1917 г. в Сибири находилось 35 297 белорусских беженцев, большинство из которых были выходцами из Гродненской губернии (29 878 человек). Современный российский исследователь А. С. Щетинина создала базу данных беженцев Западной Сибири в годы войны, в которой учтено 6 079 беженцев Томской губернии. Проанализировав социальный портрет беженцев, она установила, что большинство их являлись выходцами из Гродненской губернии. Что касается других регионов Российской империи, то самые малочисленные группы белорусских беженцев оказались в Средней Азии (13 783) и на Кавказе (7 588) [18, с. 179].

Что касается размещения беженцев в Беларуси, то на к. 1916 – нач. 1917 гг. в Минской, Виленской, Витебской, Могилевской губерниях общая их численность составляла 275 985 человек. Самой большой этнической группой беженцев являлась польская, численность которой составляла 106 198 человек (37 %). Белорусы, русские, украинцы (всех записывали русскими) составляли следующую по количеству группу беженцев – 101 587 человек (36 %). Евреев-беженцев в четырех белорусских губерниях было 48 895 человек (17 %). Остальные беженцы являлись литовцами (7 598 человек), латышами (1 859 человек) и др. – 1 935 человек, составляли 10 % от общей численности зарегистрированных [19, с. 13].

По данным современных польских исследователей М. Мондика, М. Коженевского, Д. Тарасюка, в первом квартале 1917 г. в четырех белорусских губерниях находилось 252 497 польских беженцев, из них 122 500 в Минской губернии [20, с. 32–35].

Революции 1917 г. в России существенно изменили ситуацию в беженском вопросе. После Октябрьской революции прежняя государственно-общественная организация беженского дела в течение нескольких месяцев была полностью ликвидирована. Начались гонения

на Татьянинский комитет и другие беженские общественные и национальные организации. Осенью 1917 г. значительное количество беженцев самовольно двинулось на Родину.

В целом, несмотря на кажущееся размещение беженцев Беларуси почти в каждой губернии Российской империи, их расселение не всегда нарушало связь между жителями уездов и даже односельчанами, которые часто оказывались поселенными вместе или рядом. Более полные сведения о количестве и размещении белорусских беженцев в регионах России и Украины предстоит получить в ходе дальнейшего исследования демографических последствий войны для Беларуси. Наиболее часто приводится информация о 1,5 млн. беженцев из Беларуси [21, с. 42–43].

Список использованных источников и литературы

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2020. – Оп. 1. – Д. 131.
2. Жванко, Л. М. Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914–1918 рр.): монографія / Л. М. Жванко, арк. нац. акад. – Х. : ХНАМГ, 2010. – 360 с.
3. РГВИА. – Ф. 13273. – Оп. 1. – Д. 23.
4. Мікалаевіч, А. Беженцы першай сусветнай вайны / А. Мікалаевіч // Спадчына. – 1994. – № 3. – С. 16–21.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 13273. – Оп. 1. – Д. 76.
6. РГВИА. – Ф. 13273. – Оп. 1. – Д. 37.
7. Отчет о деятельности Особого отдела Комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. – Петроград, 1916. – С. 47–57.
8. Отчет о деятельности Особого отдела Комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. – Петроград, 1916. – С. 47–57.
9. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сб. док. / сост. : В. В. Врублевский [и др.] ; ред. кол. В. И. Адамушко (пред.) [и др.]. – Мн. : Беларусь, 2014. – 355 с.
10. Известия Комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. – 1916, 1 июля, № 4.
11. Известия Комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. – 1917, 1 января, № 15.
12. Белова, И. Б. Беженцы из Западных территорий в Центральной России (по материалам Калужской и Орловской

губерний) / И. Б. Белова // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность. – Витебск, 2008. – 240 с.

13. Известия Комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. – 1917, 1 января, № 15.

14. Известия Комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. – 1917, 1 января, № 15.

15. Щетинина, А. С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920 гг.) / А. С. Щетинина // Известия АлтГУ. – 2007. – № 4(2). – С. 177–182.

16. Лапановіч, С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і недзяржаўных арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 гг.) : автореф. дисс...канд. ист. наук / С. Ф. Лапановіч. – Мн., 2002. – 19 с.

17. Korzeniowski M., Madzik M., Tarasiuk D. Tulaczy los. Uchodzczy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej swiatowej / M. Korzeniowski, M. Madzik, D. Tarasiuk. – Lublin, 2007. – 237 s.

18. Карнялюк, Віталь. Гістарычная дэмаграфія першай сусветнай вайны: бежанства з заходніх губерняў Расійскай імперыі (1914–1917 гг.) / Віталь Карнялюк // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 1999. – Т. 12. – 22–32 s.

УДК 94 (476.2)

Р. Р. Лазько

Гомель, УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”

БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛЬНЫ РУХ І БАЛЬШАВІЦКІЯ ЎЛАДЫ ПАСЛЯ РАЗГОНУ ЎСЕБЕЛАРУСКАГА З’ЕЗДА (1917)

У артыкуле зроблена спроба асвятліць свайго роду “шэрую зону” ў гісторыі беларускай дзяржаватворчасці, якая выяўляецца пасля разгону Ўсебеларускага з’езда ў канцы 1917 г. Асноўная ўвага надаецца разгляду адносін паміж беларускімі арганізацыямі і бальшавіцкімі ўладамі Заходняй вобласці і фронту.

У беларускай гістарыяграфіі беларускай дзяржаўнасці склалася даволі спрошчаная схема таго перыяду, які пачаўся з разгону заходняфронтаўскімі бальшавікамі Ўсебеларускага з’езда і закончыўся абвяшчэннем Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР). Гэтую схему

можна выкласці ў некалькіх сказах: Усебеларускі з’езд прыняў рашэнне аб стварэнне Беларускай аўтаномнай рэспублікі ў межах Расійскай Федэратыўнай Дэмакратычнай Рэспублікі; быў разогнаны да завяршэння сваёй работы, але Рада з’езда, сабраўшыся падпольна, даручыла створанаму ёю Выканкаму з’езда абвясціць Рэспубліку як толькі з’явіцца для гэтага магчымасць. Праз два дні пасля ўцёкаў большавікоў з Мінска, 21 лютага 1918 г., Выканкам выканаў гэта даручэнне, а праз месяц Рада з’езда, абвясціўшы сябе Радай БНР, мадыфікавала яго, дэклараваўшы аб разрыве дзяржаўных сувязей з Расіяй.

Сёння вышэй прадстаўленая схема нараджэння БНР не задавальняе не толькі старых цынікаў, якім “за дзяржаву крыўдна” (гэтай дзяржавай была Савецкая Расія), але і тых нешматлікіх даследчыкаў, якія ўсё яшчэ ўсур’ёз цікавяцца гэтай тэмай, разумеючы яе сувязь з працэсам сённяшняй дзяржаватворчасці. Існаванне гэтай спрошчанай, павярхоўнай, незадавальняючай схемы магчымае да часу, пакуль даследаванне ўсіх этапаў беларускай дзяржаватворчасці, уключаючы і перыяд з канца 1917 і пачатку 1918 г., не будзе пастаўлены на максімальна трывалы грунт крыніц – слядоў гістарычнага працэсу, па якіх магчыма прасачыць яго логіку і разам з тым яго складанасць і супярэчлівасць. Якраз у гэтым накірунку ідуць намаганні аўтара артыкула.

Назаўтра пасля разгону

Разгон Усебеларускага з’езда, прадстаўнічасць якога, яго сапраўды народны характар усведамлялі самі мінскія большавіцкія ўлады, учыніўшыя гэты гвалт [гл.: 1], прывёў да карэннай змены адносін паміж абодвума ўдзельнікамі гэтага канфлікту. Прычым, калі гаварыць аб органах савецкай улады, то тут перамены адбыліся як на мясцовым узроўні, так і на ўзроўні петраградскага цэнтру. У якім накірунку пойдучь гэтыя змены, можна было зразумець ужо па першай сітуацыйнай рэакцыі абодвух бакоў на мінскую драму, што адбылася 18 снежня. Заходнефронтаўскія ўлады пачалі з таго, што паспрабавалі манапалізаваць у сваіх руках інфармацыю аб разгоне з’езда, зразумела, для таго, каб навязаць грамадству сваю інтэрпрэтацыю гэтай падзеі. Адрозна ж пасля разгону, а 5-й гадзіне раніцы, Саўнаркам Заходняй вобласці і фронта накіраваў на ўрадавы тэлеграф тэлефонаграму, у якой забараняў на працягу 24 гадзін прымаць і перадаваць любыя паведамленні агульна-палітычнага характару, акрамя паведамленняў з подпісамі і пячаткай Саўнаркама. Асобна падкрэслівалася, што “забараняецца перадача любых (“всёякіх”) звестак аб беларускім з’ездзе і беларускай Радзе”.

Парушальнікам распараджэння пагражалі карай “па ўсёй строгасці ваенна-рэвалюцыйнага часу” [2]. Зарэзерваваўшы сабе 24 гадзіны часу, Саўнаркам адразу ж прыступіў да фарміравання вобразу разагнанага з’езда як варожага савецкай уладзе. 19 снежня “Советская правда” апублікавала кароткае паведамленне (якое, між іншым супярэчыла яе ранейшым характарыстыкам з’езда), у якім асноўным матывам яго разгону называла жаданне яго ўдзельнікаў “стварыць у краі сепаратна-паралельную нацыяналістычную ўладу і непадпарадкаванне існуючай уладзе Саветаў” [3, 19 декабря]. Праз два дні тая ж газета апублікавала афіцыйнае паведамленне Саўнаркама Заходняй вобласці і фронту, у якім давалася разгорнутая характарыстыка з’езда як нацыяналістычнага і контррэвалюцыйнага, наносіўшага шкоду рэвалюцыі на Заходнім фронце. Саўнаркам прызнаваў, што з’езд выказаўся “ў прынцыпе за Савецкую ўладу і за прызнанне яе ў Расіі, а таксама за ўстанаўленне кантакту з гэтай цэнтральнай рускай уладай”, але не прызнаў органаў савецкай улады, створанай у Заходняй вобласці і на Заходнім фронце. “Замест гэтых органаў Савецкай улады з’езд прапанаваў стварыць асобы цэнтральны орган, да якога пераходзіць уся ўлада на фронце і ў краі, орган, вылучаны гэтым з’ездам, з’ездам не рабочых і сялянскіх дэпутатаў, а чыста нацыяналістычных арганізацый” [3, 21 дек.]. За гэта ён і быў распушчаны, як сцвярджалася ў паведамленні.

Акцэнтацыя заходнефронтаўскімі большавіцкімі органамі ў першых пасляз’ездаўскіх дакументах пагрозы страты ўлады ў краі была разлічана на мабілізацыю сваіх прыхільнікаў перад абліччам гэтай пагрозы з боку беларускага нацыяналізму. Але для масаў беларускіх сялян і нават лепш інфармаванага мяшчанства яна мала што гаварыла, акрамя таго, што з’явіўся іншы прэтэндэнт на ўладу ў краі, які аспрэчвае яе ў большавікоў. На гэтую, большую частку, карэннага насельніцтва краю была разлічана звычайная хлусня, да якой апусціўся Саўнаркам у сваім паведамленні ад 22 снежня, імкнучыся давесці, што ў складзе дэлегатаў з’езда пераважалі “напалавіну сацыялістычныя і чыста буржуазныя элементы”, кадэты (на слыху было абвяшчэнне ленінскім Саўнаркамам кадэтаў партыяй “ворагаў народа”). “З’езд быў распушчаны пры яўным спачуванні гэтаму рабочай і сялянскай часткі яго ўдзельнікаў, якія выказаліся за поўную падтрымку ўжо існуючай тут Савецкай улады”, – сцвярджаў Саўнаркам [3, 21 дек.], і выказаў упэўненнасць, што ўвесь беларускі народ, “сапраўдны працоўны народ”, падтрымае створаныя з яго ўдзелаў органы ўлады.

На тую меншасць патрыятычнай беларускай інтэлігенцыі, ваеннаслужачых, якія нават пасля халоднага начнога душа,

атрыманага 18 снежня, не пазбавіліся ілюзіяй аб магчымасці добрасумленнага супрацоўніцтва з бальшавікамі, было разлічана запрашэнне выбраць і дэлегаваць у “Цэнтральны орган краёвай улады” (відавочна, Аблвыканзах) прадстаўнікоў сваіх арганізацый [4, с. 341]. Гэта быў адзіны пазітыўны элемент у рэакцыі бальшавіцкіх уладаў вобласці на Ўсебеларускі з’езд пасля яго разгону, і відавочна не выпадковы, паколькі меў свае наступствы. Да іх мы яшчэ звернемся. А пакуль абмяжуемся сцвярджэннем, што поспех канфрантацыйнай у цэлым пазіцыі бальшавіцкіх уладаў у адносінах да беларускіх арганізацый пасля разгону з’езда залежаў не толькі ад практычных дзеянняў гэтай улады, развіваўшых той палітычны крок, якім быў акт разгону, але ў немалай ступені і ад дзейнасці саміх беларускіх арганізацый у новых для іх умовах.

Тут неабходна заўважыць, што рэакцыя саміх удзельнікаў з’езда на яго разгон не была настолькі маналітнай, адзінай, як пазіцыя заходнефронтаўскіх бальшавікоў. Як напісаў пазней удзельнік з’езда Зм.Жылуновіч, “дачаснай сьмерць з’езду на нейкі момант ашаламіла ўсіх дэлегатаў, без разбору іх палітычнага напрамку. Сябры левага блёку, недаваўшыся разам з другімі разыйціся, былі заарыштаваны і гэтым сканфужаны, нават разлаваны. Да прадстаўнікоў мясцовай менскай улады паднялася варожасць” [5, с. 169]. Тым не менш, нават пасля гэтага гвалту частка “левых” удзельнікаў з’езду некаторы час яшчэ цешыла сябе ілюзіяй, што адбылося прыкрае і выпадковае непаразуменне, якое магчыма выправіць. З гэтай мэтай дэпутаты-маракі П. Вярбіцкі, А. Дулін, В. Муха пад раніцу таго ж дня паспяхаліся да Ландара з пытаннем аб прычынах роспуску з’езда і з просьбай вызваліць арыштаваных. Мэты не дасягнулі па прычыне, якую назваў Ландар, відавочна, палічыўшы, што яна будзе зразумелай для яго наведвальнікаў: ён, Ландар, атрымаў паведамленне дэлегата з’езда П. Караткевіча, што з’езд гатовы аб’явіць Беларускаю дэмакратычную рэспубліку [6, л. 24]. Дык, маўляў, што ж заставалася рабіць Саўнаркаму?

Пасля гэтай заявы Ландара (хадайнікі далажылі аб ёй Раде з’езда) нават самыя наіўныя з беларускіх дзеячаў павінны былі зразумець, што бальшавікі добраахвотна не саступяць уладу ў Мінску. Склалася простая альтэрнатыва: змірыцца з гэтым, прыняць прапанаваную ролю малодшых партнёраў, або змагацца ўсімі даступнымі спосабамі з “чужаніцамі” – заходнефронтаўскімі бальшавікамі. Адпаведна з гэтай альтэрнатывай паскорылася фарміраванне двух накірункаў у беларускім нацыянальным руху – нацыянал-камуністычнага і нацыянал-дэмакратычнага. Асяродкам

фарміравання першага з іх станавіліся петраградскія беларускія групы, другі будзе фарміравацца ў Мінску.

Гэта ідэйна-палітычнае і нават псіхалагічнае размежаванне заняло пэўны час і завяршылася ўжо ў новых умовах, этапамі фарміравання якіх стануць акупацыя немцамі Мінска і ўсёй Цэнтральнай Беларусі, а затым і абвешчэнне Беларускай Народнай Рэспублікі. А ў першыя дні пасля разгону з'езда яго ўдзельнікі, за выключэннем асобных адшчапенцаў (той жа Караткевіч), захаваўшы адзінства, і дружна і гучна пратэставалі супраць учыненага гвалту. Пры гэтым сярод пратэстоўцаў былі і беларускія сацыял-дэмакраты з Петраграда і Нарвы, якія яшчэ восенню дэкларавалі сябе як прыхільнікі РСДРП(б), а яе ЦК ўважалі за сваю вышэйшую інстанцыю. Аднак не гэтыя пратэсты асабіста ўдзельнікаў разагнанага з'езда забяспечылі ім пачэснае месца ў найноўшай беларускай гісторыі. Гістарычнае значэнне мела іх энэргічная дзейнасць, пачатая ў першыя ж гадзіны пасля разгону, і накіраваная на тое, каб не змарнаваць даробак з'езда як выразніка волі беларускага народа, умацаваць забяспечаную агульнанародным прадстаўніцтвам легітымнасць дзяржаватворчай дзейнасці беларускіх нацыянальных арганізацый і прадоўжыць яе ў новых ускладненых умовах. У гэтай дзейнасці магчыма выдзяліць тры накірункі: нарматыўна-актавы, інфармацыйна-прапагандысцкі і падрыхтоўка ўзброенай сілы, з якіх першыя два аб'ектыўна сумяшчаліся, бо асноўным прадметам інфармацыйнай дзейнасці беларускіх арганізацый якраз і служылі акты, што прымаліся імі.

Большасць беларускіх гісторыкаў пачынаюць разгляд сітуацыі ў беларускім руху, якая склалася пасля разгону Ўсебеларускага з'езду, з пастановы яго Савета, прынятай удзень 18 снежня. Аднак гэта быў не першы дакумент беларускага нацыянальнага руху на новым яго этапе. Сам з'езд, у апошнія хвіліны яго дзейнасці, у момант паміж дзвюма атакамі на дэлегатаў атрада Рамнёва, прыняў рэзалюцыю пратэсту [7, с. 150; 8, с. 59], якая была ўключана ў пратакол з апісаннем разгону з'езде. Аформлены ў той жа дзень пратакол быў надрукаваны тыпаграфскім спосабам (назва друкарні, што зразумела, не ўказана) і заканчваецца словам: “Подлинный под- писали члены Президиума и Совета” [съезда] [9, арк.7].

Рэзалюцыя з'езда, стаўшая вядомай дзякуючы названаму пратаколу, уключае прэамбулу, у якой выказваецца “глыбокае абурэнне” гвалтоўнымі дзеяннямі “так званага” Савета народных камісараў Заходняй вобласці ў горадзе Мінску”, і два асноўныя пункты. Працытуем іх цалкам на мове дакумента: “1) Довести до

сведения всех граждан России, центрального правительства, всех республик Российской Федерации о грубом насилии над свободным белорусским народом, который завоевал и имеет право наравне с другими народами России на самоопределение. 2) Не признавать власть насильников и призвать весь белорусский народ вступить на путь открытой и решительной борьбы с представителями этой власти в городе Минске” [9, арк.7].

Працытаваная рэзалюцыя патрабуе наступнага каментару: першае, яна сведчыць пра тое, што ў экстрэмальнай сітуацыі ўдзельнікі з’езда, перш за ўсё, яго лідары, не згубілі галавы і дзейнічалі як адказныя прадстаўнікі свайго народа, імкнучыся забяспечыць працяг даручанай ім справы. Гэтым яны ў нейкай ступені кампенсавалі сваю палітычную наіўнасць і звычайную беларускую неабачлівасць, якая праявілася ў незабяспячэнні надзейнай аховы з’езда.

Другі момант больш важны. У святле прыведзенай рэзалюцыі, пацверджанай 18 снежня агульным сходам удзельнікаў разгнанага з’езда, з’яўляецца відавочным, што ўся наступная дзейнасць Рады з’езда, іншых беларускіх арганізацый, накіраваная на абарону права беларускага народа на самавызначэнне, адпавядала не толькі духу, ідэалогіі Ўсебеларускага з’езда, але і была рэалізацыяй яго прамой фармальнай дырэктывы (“не прызнаваць улады гвалтаўнікоў...”). Менавіта ў гэтым ключы і неабходна іх разглядаць.

Пры гэтым гісторыка не павінна бянтэжыць адсутнасць поўнага пратакола, стэнаграмы прайшоўшага 18 снежня сходу дэлегатаў Усебеларускага з’езда. Гісторыя – не бюро даведак, дзе ёсць гатовыя адказы на ўсе пытанні. Вось і ў гэтым выпадку: няма нават звестак аб колькасці прысутных на сходзе, тым болей – аб яго персанальным складзе. Адзін з яго ўдзельнікаў пазней успамінаў: “Калі я 31 (18 старога стылю) снежня прыйшоў у клуб чыгуначнікаў (Лібава-Роменскай чыгункі – Р.Л.), дык шмат дэлегатаў было ўжо там. Хутка знайшлася і рэшта. Пачалося паседжаньне” [7, с.151]. Зразумела, яго ўдзельнікаў не магло быць столькі ж, як на плянарных пасяджэннях з’езда да яго разгону, але і не жменька, калі для яго правядзення спатрэбілася памяшканне клуба ці дэпо. Важна іншае. Фактычны працяг работы Ўсебеларускага з’езда 18 снежня, а праз стварэння ім органы і ў наступныя дні, сведчыць пра тое, што беларускі рух вырываўся з агульна-расійскай рэвалюцыйнай плыні, выйшаў са стадыі дазволенага і магчымага ў межах гэтай плыні і выйшаў у стадыю неабходнага і магчымага толькі ў межах самастойнай беларускай гістарычнай плыні. Ён даспяваў, каб у поўнай меры стаць

нацыянальна-рэвалюцыйным. Такі характар мелі рашэнні як самога сходу дэлегатаў Усебеларускага з'езда 18 снежня, так і створанага ім органа – “Часовай Краёвай Улады”, функцыі якой сход даручыў Савету з'езда. На яго быў ускладзены таксама абавязак сабраць і разаслаць усе матэрыялы (“труды”) з'езда “ва ўсе воласці, саветы, іншыя дэмакратычныя арганізацыі, на фронт”, а таксама апублікаваць іх у газетах [8, с. 59].

Атрымаўшы статус часовай краёвай улады, Савет з'езда правёў два дакументальна пацверджаныя пасяджэнні, 18 і 21 снежня [10, с. 78]¹. На першым з іх Савет, канстатаваўшы разгон З'езда, прызнаў сябе яго выканаўчым органам, на якім ляжыць абавязак правядзення ў жыццё ўсіх рашэнняў і пастановаў з'езда. Дзеля гэтага былі намечаны захады, выкладзеныя ў наступных пунктах:

“3. Пополнить Совет съезда делегатами от землячеств и других групп, делегировавших своих представителей со съезда в Совет и предоставить право отвода, отзыва и кооптации.

4. Областной комитет при Всероссийском Совете Крестьянских депутатов, Московская Исполнительная Комиссия, Великая Белорусская Рада, Временное Краевое Бюро и т.п. организации немедленно прекращают свое существование и передают все свои дела и принадлежащее им имущество в распоряжение Совета.

5. Центральная Войсковая Рада существует как подчиненный орган Съезда.

6. 2-й Всебелорусский съезд созывается в самый кратчайший срок.

7. В целях увеличения авторитетности Совета и преемственности работ президиумом Совета должен быть президиум съезда, пополненный одним товарищем председателя и двумя секретарями” [8, с. 60].

Тэкст прыведзенай рэзалюцыі сведчыць аб імкненні Савета забяспечыць аўтарытэтнасць і эфектыўнасць сваіх рашэнняў. Між іншым, на гэта быў спецыяльна нацэлены апошні пункт рэзалюцыі, якім ўводзілася яшчэ адна лінія яго сувязі са з'ездам, акрамя самога Савета, у выглядзе прызнання прэзідыумам Савета прэзідыума з'езда,

¹ Удзельнік з'езду Макар Краўцоў сцвярджае, што Рада з'езду засядала вельмі часта ў розных частках горада” (Краўцоў Макар. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі // Спадчына. 1998. № 1. С.78). Аднак факты іншых пасяджэнняў Рады гісторыкамі не выяўлены. Верагодна, што Краўцоў меў на ўвазе пасяджэнні Выканкама Рады, створанага ёю 21 снежня.

дзеля чаго ён быў расшыраны на аднаго намесніка старшыні і двух сакратароў.

На гэтым, аднак, арганізацыйная дзейнасць Савета з'езда не спынілася і 21 снежня, як намі адзначалася, была прынята яго новая пастанова, прадыхаваная, з аднаго боку, ціскам новых абставін, што склаліся пасля разгону з'езда, а з другога – усведамленнем членамі Савета задач на бліzkую перспектыву, якія паўсталі перад імі як выканаўцамі волі з'езду. Ужо ў яе прэамбуле з'яўляюцца новыя элементы: Савет адзначае, што атрымаў ад Першага Ўсебеларускага з'езда *ўсю ўладу ў Беларусі* (а не толькі абавязак выконваць яго рашэнні, як гаварылася ў пастанове ад 18 снежня); далей, што атрымаў *яе часова, да слікання ім жа, Саветам, Другога Ўсебеларускага з'езда*, або, калі сабраць яго не ўдасца, то да Ўстаноўчага Беларускага сходу. Дзеля рэалізацыі гэтага даручэння з'езда Савет пастанавіў:

а) Прызнаць сябе такой часовай уладай;

б) “Дополнить свой состав представителями крестьян, рабочих и солдат пропорционально их численности и пропорциональным прелставительством национальных меньшинств края в лице их социалистических партий.

в) Немедленно выделить из своего состава “Исполнительный Комитет 1-го Всебелорусского съезда” – о чем и довести до сведения центрального правительства России, всех Республик Российской федерации и граждан Белоруссии.

2. г) Совет обязывает Исполком принять на себя функции Исполнительной власти в Белоруссии в момент, когда назревают к тому события и будет реальная сила для гарантии существования этой власти.

д) Орган власти должен быть однородно-социалистический: от большевиков до народных социалистов включительно, созданный из среды крестьян, солдат и рабочих или их представителей, стоящих на платформе 1-го Всебелорусского съезда.

е) Название Временной власти: “Правительство Народных Комиссаров”,

ж) Временное Правительство Народных Комиссаров в Белоруссии ответственно перед Советом, существует до 2-го Всебелорусского съезда (а в том случае, ежели таковой не сможет состояться не по вине Совета, то до Учредительного Белорусского собрания), которому оно дает отчёт о своей деятельности и слагает перед ним свои полномочия.

з) Временное Правительство Народных Комиссаров Белоруссии обязывается исполнять все постановления 1-го Всебелорусского съезда и Совета Съезда.

и) Войсковая Рада немедленно принимает все меры к организации белорусской национальной армии на широко демократических началах и по определенному выработанному плану, утвержденному Советом Съезда.

к) Местонахождение Исполкома до объявления власти в настоящее время не подлежит оглашению и устанавливается им самим.

л) Исполкому поручается немедленно заняться белорусизацией Советов на местах” [11, арк. 31–33].

Для больш яснага разумення значэння гэтай пастановы неабходна звярнуць увагу на яе палажэнне, сфармуляванае ў пункце 1в. З аднаго боку, яго ўвядзенне выклікана неабходнасцю стварыць больш кампактны, чым сам Савет [12, с. 152], орган, здольны дзейнічаць ва ўмовах падполля і безграшоўя. Гэты орган быў названы Выканаўчым камітэтам Першага Ёсебеларускага з’езда (а не яго Савета), і ўключаў 17 чалавек. Персанальны склад яго быў прапанаваны Я. Варонкам [10, с. 78], адным з 27 арыштаваных падчас разгону дэлегатаў з’езда, вызваленых раніцай 18 снежня. Але быў яшчэ адзін матыў стварэння гэтага органа, які ясна прачытваецца ў сямі пунктах другога раздзела пастановы. У іх пералічваліся заданні, якія Саветам даручаліся новаму аператыўнаму органу, і ўсе яны сведчаць аб тым, што на Выканаўчы камітэт ускладвалася місія ўзяцця ўлады ў краі, калі для гэтага будуць існаваць неабходныя ўмовы. Выканкаму з’езда разам з ЦБВР належала заняцца фарміраваннем гэтых умоў: першаму – беларусізацыяй саветаў, а Вайскавай Радзе – арганізацыяй беларускага нацыянальнага войска па плану, “зацверджанаму Саветам З’езда”^{*2}. Была лаканічна прапісана таксама ідэалагічная платформа будучай беларускай улады: ёй належала быць “аднародна-сацыялістычнай ад большавікоў да народных сацыялістаў уключна”, створанай з асяроддзя сялян, салдат і рабочых або іх прадстаўнікоў, якія стаялі на платформе Першага Ёсебеларускага з’езда. Гэта значыць, беларускія дзеячы рэаніміравалі на беларускім грунце ідэю, якую большавікі адхілілі падчас фарміравання свайго ўрада ў Петраградзе. Заўважым: у абедзвюх пастановах Савета з’езда, у адрозненне ад пастановы самога З’езда (яе першы пункт), нічога не гаварылася аб адносінах з агульнарасійскай уладай, што можна патлумачыць, па-першае,

* Аб існаванні такога плана на той момант нічога не вядома.

неяснасцю на той момант пазіцыі цэнт-ральных уладаў адносна разгону Ўсебеларускага з'езда. Па-другое, аўтары пастановы разумна ўхіліліся ад пагрозы аднаўлення спрэчкі па пытанні незалежнасці Беларусі, якая бударажыла з'езд да апошняга дня, разумеючы, што ў новай сітуацыі патрэбная была як найбольшая кансалідацыя беларускіх сіл. Аднак незалежніцкая тэндэнцыя нарасталала.

З другога боку, беларускія дзеячы і не імкнуліся да канфрантацыі з цэнтральнымі ўладамі. Нават калі хто і хацеў, то для гэтага не было сілы. Таму нават будучы часовы ўрад Беларусі меркавалі назваць “Урадам Народных Камісараў” – амаль што як у бальшавікоў у Петраградзе і ў Мінску. І гэта сведчыць аб тым, як цяжка было сыйсці з гістарычнага раздарожжа, беспаваротна ўстаць на ўласны гістарычны шлях.

Список использованных источников и литературы

1. Лазько Р. Самавызначэнне, прыпыненае гвалтам // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 3. – С. 5–12.
2. Беларускі шлях. – 1918. Перадрук. В. Скалабанам у “Родным слове”: 1997. – № 8. – С. 195–207.
3. Советская правда. – 1917.
4. Из истории установления советской власти в Белоруссии и образования БССР. – Мн.: Изд-во АН БССР, 1954.
5. Жылуновіч З. Ад кастрычніка 1917 г. да лютага 1918 г. // Польша. – 1924. – № 1.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 325. – Воп. 1. – Спр.6.
7. А. В. [Адам Варлыга – Язэп Гладкі]. Усебеларускі кангрэс у Менску 18–31 (5–18 ст.ст.) снежня 1917 г. (Успаміны дэлегата кангрэсу) // Запісы. БІНІМ. – 1964. – Кн. 3.
8. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. публікацыя В.Скалабана, В. Мазца.
9. Протокол / Бібліятэка Акадэміі навук Літвы імя Ўрублеўскага. – Ф. 21. – Спр. 871.
10. Краўцоў Макар. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі // Спадчына. – 1998. – № 1.
11. НАРБ. Ф. 60-п. Воп. 3. Спр.768.
12. Канчар Е. С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов / Неман. 1993. № 1.

М. И. Старовойтов

Гомель, УО «Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины»

**НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ И ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (1917–1922)**

В статье на основе архивных материалов, опубликованных документов, исследований самого автора предпринята попытка в обобщенном виде представить читателю сложность и многоуровневость процесса идентификации населения белорусско-российско-украинского пограничья и обозначить некоторые проблемы государственно-территориального определения Беларуси в первое послереволюционное пятилетие. По мнению автора это был начальный этап оформления белорусско-российско-украинского пограничья.

В канун столетия события Великой Российской революции 1917 г. снова стали объектом пристального внимания исследователей. В исторической науке наиболее актуальными темами исследований на современном этапе становятся недостаточно изученные вопросы, как самой революции, так и ее последствий. Много вопросов связано с выбором пути развития, государственного строительства в национальных регионах бывшей Российской империи после прихода большевиков к власти.

Как в советской, так и современной белорусской и зарубежной историографиях сведения о национальном составе населения ССРБ/БССР, а тем более в сравнении с соседними губерниями, в 1917–1922 годах практически отсутствуют. Нами и предпринята очередная попытка восполнить этот пробел в отечественной историографии.

Формирование новых административных единиц, установление границ и урегулирования территориальных вопросов происходило в сложнейших внутривнутриполитических и международных условиях. Революционные события 1917 г., Версальско-Вашингтонские решения по итогам Первой мировой войны, прошедшие гражданская война и иностранная военная интервенция были и катализатором, и тормозом

в решении проблем национально-государственного строительства в послереволюционной России. В этот период произошли события колоссальной важности, которые привели к кардинальным трансформациям государственного устройства, образа жизни людей, повлияли на мировой исторический процесс.

Полиэтнический характер российского государства, многоукладность в экономике, низкий уровень грамотности, культуры, образования, жизни населения, сложная геополитическая ситуация стали основой для неконтролируемого и слабо прогнозируемого характера революционных преобразований первого пятилетия существования Советской власти. Это подтверждается и решением целого ряда сложных проблем национально-государственного строительства в Беларуси в этот период. Если в дореволюционный период о территории белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП) можно говорить со значительной долей условности, т.к. губернии этого региона являлись составной частью Российской империи с прозрачными административными границами. БРУП имело много общего в историческом процессе развития, имело много общих природно-географических, историко-культурных, этнографических и религиозных факторов. БРУП как конструкт/модель позволяет установить белорусскую специфику в национально-государственном строительстве в сложных внутривнутриполитических и геополитических условиях обозначенного периода. Абсолютное преобладание восточных славян в этом пограничном регионе дает основание считать БРУП центром восточнославянского населения Европы. Для белорусов и украинцев первое пятилетие Советской власти стало тем фундаментом, который, который послужил основой будущей консолидации их этнических территорий. Впервые в мире решения национального вопроса на основе советского этнофедерализма привело к созданию СССР. Белорусы и украинцы свой первый выбор самоопределения. На наш взгляд, этот исторический факт и следование принципу историзма не дает основание превращать эти события в альтернативные или политические дискурсы, которые как известно новых научных результатов не дали.

Не вдаваясь в дискуссии о проблеме идентичности, отметим, что исторический и культурный опыт и дореволюционной полиэтнической России, и полиэтнического БРУП дает основание утверждать о многоуровневой идентичности: этнической, национальной, региональной, политической (геополитической) и цивилизационной. Населению БРУП, большинство которого еще недавно рассматривалось как русские или имело самоназвание по месту проживания, трудно было идентифицировать себя в этническом или национальном плане.

Отсутствовало и единство в подходах к определению этноса и нации, тесное переплетение этнокультурных и национальных идентичностей из-за лингвистических трудностей, поскольку существительным «нация» и «национальность» соответствует одно и то же прилагательное – «национальный». А в рассматриваемый период и до 1930 г. еще употреблялось прилагательное «племенной» состав населения. Объективными критериями национальной идентичности выступают язык, культура, образ жизни, особенности поведения, общность традиций и обычаев, наличие этнонима, государство. Для белорусов, например, необходимо было еще выйти из состояния «этнографического материала» (Г. Горецкий), создать белорусскую грамматику и внедрять белорусский язык, осознать свою принадлежность к белорусскому государству.

Нам представляется, что БРУП можно рассматривать как трансрегион, состоящий из субрегионов (белорусского, российского и украинского). Исходя из этого, важным уровнем идентичности является региональная идентичность. Она возникает/проявляется более рельефно в результате изменения других идентичностей и является отражением новых исторически возникших отношений центра и периферии в рамках государства и микрорегионов (создание Гомельской и Брянской губерний). Региональная идентичность отражает принадлежность населения разных территорий к стране/государству в целом через политико-административное или экономико-географическое образование (губернии, области, Белорусская Смоленщина, украинское Полесье и др.)

Что касается государственной/геополитической идентичности, то в исследуемый период она только зарождалась для белорусов и украинцев на советской основе. Так, в сложнейших внутри- и внешнеполитических условиях белорусский народ получил свою государственность. Однако он не до конца понял и осознал всю значимость такого события, как провозглашение БССР. Выявлен только 1 документ о митинге 4 января 1919 г. в г. Несвиже, на котором трудящиеся города и близлежащих деревень приветствовали создание БССР. В периодике того времени практически нет подобной информации. Объясняется это тем, что люди за короткое время пережили империалистическую войну, две революции, немецкую оккупацию, провозглашение Белорусской народной республики (БНР), поэтому ко всему относились с осторожностью и недоверием. Многие деятели науки, культуры, литературы, образования, вспоминали про этот день в общих чертах, а некоторые вообще «не заметили» этого события. Они объясняли это сложностью обстоятельств, в которых провозглашалась

БССР. Многие из них находились за пределами Беларуси, но откликнулись на приглашение вернуться работать на Родину. Писатель Я. Скриган вспоминал: «Рэвалюцыю помню. Нямецкую акупацыю помню. Памятаю іншыя жыццёвыя драбніцы. А вось абвяшчэння БССР не помню. Ні маніфеста не помню, ніякай урачыстасці з гэтай нагоды не помню. Ні шуму, ні пад'ёму. Вучыўся я ў тую пару ў Слуцку, у школе першай ступені. І настаўнікі нам нічога не гаварылі пра гэтую падзею. Вось я кажу, што нічога не помню, а сам думаю: чаму? На першае студзеня 1919 года мне ішоў ужо чатырнаццаты год. Калі б што рабілася, пэўна што помніў бы. І гэта ў Слуцку! А што пра вёску казаць?! Тады словы «Беларусь», «беларус» рэдка дзе ў народзе можна было пачуць. Усе больш «тутэйшы» ды «тутэйшы». Свядомасць беларускасці расла з умацаваннем беларускай савецкай дзяржаўнасці. Больш-менш яна замацавалася ў сярэдзіне дваццатых гадоў» [6, С. 162–163, 172.]

Осмыслено/осознано членами объявленного нового государственного образования сразу не становятся. Не так просто было обратиться население Северо-Западного/Западного края в население/граждан ССРБ/БССР, РСФСР или УССР. Как рядовое население, так и партийно-советский актив позиционировали/представляли себя в составе Советской России, а не буржуазной БНР, петлюровской Украины или даже в составе ССРБ.

В ряде предыдущих публикаций автор уже рассматривал изменения национального состава населения белорусско-российско-украинского пограничья в условиях геополитических конфликтов 1917–1920 годов [9]. Установлена роль этнографического фактора в определении восточной государственной границы в ходе решения территориальных вопросов при первом укрупнении БССР, в том числе и позиция украинской стороны [10]. Рассмотрены точки зрения Е. Ф. Карского, М. В. Довнар-Запольского, В. М. Игнатовского и А. Смоліча по этнотерритории БРУП [8]. Нами установлено, что самоидентификация населения впервые была предусмотрена уже в переписи 1920 г. В инструкции записано: «Под национальностью разумеется группа населения, объединенная общностью национального самосознания, так что национальность не смешивается с гражданством (подданством). Под родным языком (вопр. 4б) разумеется тот язык, на котором говорит семья опрашиваемого (в многоязычных семьях – мать)» [2, с. 14]. Более адекватную оценку национального состава населения дала перепись 1926 г.

Сложность решения проблем государственно-территориального определения белорусов в 1917–1922 гг. подтверждается целым рядом фактов. Предложенная по решению съезда белорусских национальных

организаций (март 1917 г.) автономия Беларуси в составе демократической России не была принята Временным правительством. В плане организации Советов была создана Западной области на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Минской, Могилевской и Виленской губерний 25 мая 1917 г. с центром в г. Минске. Съезд поручил центру принять меры к осуществлению пожелания по присоединению к области Витебской и Смоленской губерний. Смоленская губерния в ее состав будет включена в апреле 1918 г. по решению из Москвы. В сентябре 1917 г. была создана областная организация РСДРП (б) Западной области и фронта. В формировании Облисполкомзапа и СНК в ноябре 1917 г. не участвовали Витебская и Могилевская губернии. Они же выступают против провозглашения ССРБ. Не получила поддержку у населения и БНР.

Декретом СНК от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» предоставлялось право решать эти вопросы «всецело местным советам». Области, губернии, уезды и волости могли разделяться на части, образуя новые административные или экономические единицы. Подробная информация предоставлялась в НКВД. Это был поиск в советском строительстве, в укреплении власти на местах, которые имел и отрицательное, и положительное значение. Начался этап образования самостоятельных административно-территориальных единиц путем дробления существовавших и выделение новых волостей (особенно), уездов и губерний. Так, в 1919 г. было образовано еще 6 губерний, т.ч. Гомельская губерния. Территориально-административные преобразования приводили к изменению границ.

Не только руководство губерний, но и значительная часть населения была ориентирована на Россию. После получения известия о переходе в Петрограде власти в руки Советов на базе Гомельских мастерских прошло узловое собрание рабочих, служащих и инженерно-технических работников мастерских, станций, депо. такое количество людей, какого на собраниях мастерских ещё никогда не было. На этом собрании присутствовали делегаты от всех партий и «Украинской рады». Вопрос стоял крайне остро – за кем пойдёт и какую власть признает общее узловое собрание. Рабочие поддержали большевиков. Под свист и улюлюкание изгнали с собрания делегатов «Украинской рады», которые предложили передать власть в Гомеле в ее руки [5].

В первой половине 1918 г. большинство населения четырех северных уездов Черниговской губернии Мглинского, Новозыбковского, Стародубского и Суражского неоднократно высказывалось за присоединение к Великороссии. Окончательное решение было принято

16–17 июня 1918г. «областным съездом Советов не занятых неприятелем» этих четырех уездов. [7, с. 55].

На переговорах между БНР и УНР в конце апреля начале мая 1918 г. об украинско-белорусской границе касались и территорий Гомельщины, Могилевщины, Черниговщины. Против присоединения к Украине высказались в Гомельской городской думе, союзы земельных собственников Гомельского, Речицкого, Мозырского и Пинского уездов [1, с. 109–111, 122]. Нами выявлено 22 протокола и резолюции (рукописные оригиналы или заверенные подписями и печатью машинописные копии) собраний и сходов, прошедших в середине июня 1918 г., населения волостей Климовичского уезда с протестами против предполагаемого присоединения неоккупированных территорий Могилевской губернии к Белоруссии, Украине или Германии. Население единогласно высказалось за поддержку ЦИК и СНК России и за нахождение в ее составе. Так, 7 июня граждане г. Климовичи, уезда и прилегающих местностей Черниговской губернии на 3000-ом собрании приняли такое решение и просили передать его мирной делегации для соответствующего заявления Киеву и Германии [3, лл. 134–153].

Партийное руководство отдельных губерний предлагало свое решение территориальных вопросов. Так, на заседании Могилевского укома РКП (б) 12-13 июля 1920 г. постановили: «Белоруссия как буфер в условиях настоящего политического момента не нужна, первой задачей Советской власти ...создание крепких губернских центров». Тогда понятно логика принятия 2 пункта постановления: «Выделение Могилевской губернии из экономической точки зрения считать целесообразным» (*стиль и орфография документа сохранены – М.С.*) [4, лл. 105–105 об]. Как известно это решение не было реализовано.

Анализ документов позволяет сделать вывод, что административно-территориальные преобразования проводились в рассматриваемый период в первую очередь с учетом политической, экономической и хозяйственной целесообразности, а не этнографического фактора, на который в указанный период еще редко обращали внимание. Его стали выдвигать в качестве основного в 1922 г. [10].

Этнонациональная и политическая идентичность для белорусов и украинцев стала мобилизационно формироваться на советской основе. Догоняющий путь национально-культурного развития белорусов ускорился в 1917–1922 гг. Мы полагаем, что этот период можно считать начальным этапом оформления белорусско-российско-украинского пограничья, субрегиональное оформление которого было в основном завершено на основе первой Конституции СССР к 1927, после второго укрупнения БССР.

Список использованных источников и литературы

1. Архівы Беларускай народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. – Вільня-Нью-Йорк-Мінск-Прага, 1998. – 869 с.
2. Всеобщая перепись 1920 года. Демографическо-профессиональная с учетом промышленных предприятий. – М., 1920. – 64 с.
3. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. (ГАОМО). – Ф. 6605, Оп. 1, Д. 15.
4. ГАОМО. – Ф. 6622, Оп. 1, Д. 11.
5. Музей ЗАО «Гомельский вагоноремонтный завод». История возникновения и развития Главных Гомельских мастерских. Машинопись. Глава IV. 1917 г.
6. Пачэсны пасад між народамі. Беларускія пісьменнікі і грамадскія дзеячы пра абвешчэнне БССР. Публ. У. Содаля // Шляхам гадоў. С. 160–175.
7. Ронжин, А. В. Об истории возникновения западных границ Российской Федерации на территории Брянщины (по материалам государственного архива Брянской области) / А. В. Ронжин // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы: Матер. межгосудар. науч. конф. (Брянск, 13–14 мая 2003 г.). – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – С. 50–56.
8. Старовойтов, М. И. М. В. Довнар-Запольский, В. Игнатовский и А. Смолич о белорусско-российско-украинском пограничье // «Сёмыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні», міжнарод. навук. канф. / г. Рэчыца, 1–2 кастр. 2010 г.; рэдкал. В. М. Лебедзева (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – С. 169–180.
9. Старовойтов, М. И. Изменение национального состава населения Белорусско-Российско-Украинского пограничья в условиях геополитических конфликтов (1917–1920 гг.) / М. И. Старовойтов // Романовские чтения-9: сб. статей Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н. М. Пырышевой. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2013. – С. 134–137.
10. Старовойтов М. И. Роль этнического фактора в формировании восточной административной границы БССР в период «первого укрупнения» / М. И. Старовойтов // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: этнокультурнае і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё: сб. навук. арт. / В.А. Міхедзька (адказны рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – С. 105–113.

С. А. Елизаров

Гомель, УО «Гомельский государственный
технический университет им. П. О. Сухого»

ГОМЕЛЬСКИЙ ГУБРЕВКОМ (1919–1920)

В статье показаны причины и механизм создания чрезвычайного органа власти в Гомельской губернии – губернского революционного комитета. Рассмотрена в динамике его структура, функции, персональный состав, взаимоотношения с командованием XVI Армии, губернским исполкомом как органом гражданской власти, а также губкомом РКП(б). Отмечается, что в системе ревкомов как чрезвычайных органов власти получило свое воспитание большинство партийных и советских руководящих кадров 1920–1930-х гг., что в значительной степени способствовало формированию тоталитарной советской политической системы.

Октябрьская революция 1917 г. означала коренной перелом в судьбе всех народов, населявших бывшую Российскую империю. Менялись сущностные основы жизнедеятельности общества в политической, экономической, культурной сферах, в менталитете, моральных и идеологических ориентирах. Пришедшие к власти большевики попытались сразу на практике реализовать романтически-утопический марксистский проект создания нового общества. Но первоначальные надежды на широкое революционное творчество народных масс в радикальном переустройстве всей общественной жизни на коммунистических началах не сбылись, катастрофическое ухудшение экономической ситуации в совокупности с развертыванием широкомасштабной гражданской войны и иностранной интервенции вынудили их серьезно скорректировать свой первоначальный проект.

Так, очень скоро развеялась вера большевиков в творческий потенциал трудящихся слоев населения, возможность их непосредственного участия в управлении государством. Место прямой демократии в форме Советов рабочих, солдатских/красноармейских и крестьянских депутатов уже с первой половины 1918 г. занимают чрезвычайные органы власти – революционные комитеты, использовавшие опыт военно-революционных комитетов периода установления советской власти. А в 1919 г. создание ревкомов принимает повсеместный массовый характер.

В Гомельской губернии это происходит осенью 1919 г. в связи с польской агрессией и успехами наступления армий А. И. Деникина. 10 сентября 1919 г. уполномоченный РВС Западного фронта, заведующий политотделом фронта В. П. Потемкин издал приказ о передаче всей полноты гражданской власти в Гомеле и губернии губернскому военно-революционному комитету в составе А. М. Ханова (председателя ревкома), членов – губвоенкома В. А. Кампана, председателя губисполкома И. З. Сурты, председателя губЧК Ф. А. Леонюка, губпродкома Х. Ш. Инденбома [1, л. 176].

Однако в это время губвенревком не был создан. Партийно-советское руководство Гомельской губернии создание чрезвычайного органа власти – губвоенревкома – считало преждевременным, полагая, что прямой военной угрозы Гомелю не существует. 10 сентября 1919 г. на заседании губкома РКП(б) рассматривался вопрос «О действиях уполномоченного Запфронта т. Потемкина». По информации председателя гомельского губкома А. М. Ханова, В. П. Потемкин в губком не явился, не регистрировался, партийного мандата уполномоченного ЦК РКП(б) не предъявил и «вообще совершенно не захотел считаться с мнением Губкома и Губисполкома», а единолично решал вопросы образования губревкома. Такое игнорирование гомельского губернского руководства неизбежно привело к сопротивлению местных властей его приказам [1, л. 175]. В результате в этот период губревком создан не был.

Однако ситуация на фронте борьбы с армиями А. Деникина ухудшалась. В связи с этим 24 сентября 1919 г. Совет Рабоче-Крестьянской обороны РСФСР издал постановление, в котором отмечалось: «1. Подготовить для упорной обороны район в границах: Москва, Витебск, река Днепр, Чернигов, Воронеж, Тамбов, Шацк, Москва 2. Весь этот район объявить на военном положении. 3. Учредить в означенном районе губернские и уездные ревкомы... в составе трех представителей Советской власти, из которых один должен быть военный комиссар». Означенный район непосредственно подчинялся РВС Республики [2, с. 197]. Постановление способствовало ускоренному переходу к ревкомовской системе органов власти и управления в прифронтовой полосе. 11 октября 1919 г. был взят деникинцами Чернигов. Ситуация складывалась для Гомеля опасной, и 23 октября 1919 г. на основании решения Совета Рабочей и Крестьянской Обороны РСФСР решением Гомельского губисполкома был организован Гомельский губернский революционный комитет, в состав которого Гомельским губкомом РКП(б) были рекомендованы И. З. Сурта (председатель губисполкома), М. И. Кундо и Серафимов [1, л. 206–207].

Однако при этом губисполком не был распущен, а продолжал действовать параллельно с губревкомом: губревком занимался вопросами военными, борьбой с саботажем, контрреволюцией, дезертирством, продразверсткой, а все другие вопросы оставались в ведении губисполкома.

К этому времени функции ревкомов и принципы их взаимоотношений с военным командованием и гражданской властью оставались неопределенными. Для решения существовавших проблем и определения места ревкомов в системе органов власти и управления 24 октября 1919 г. ВЦИК и Совет Рабоче-Крестьянской Обороны приняли «Положение о революционных комитетах». Согласно ему ревкомы создавались «для упорной обороны против врага и поддержания революционного порядка: а) в местностях, освобожденных от неприятеля, б) в прифронтовой полосе, в) в тылу».

Ревкомы прифронтовой полосы (она определялась на расстоянии 25–50 верст от линии фронта) формировались РВС Армий (при участии губисполкомов) из представителей от Реввоенсоветов и исполкомов, находились в непосредственном подчинении РВС Армий и были подотчетны центральным органам советской власти. Когда надобность в ревкомах отпадала, они приказом Реввоенсоветов Армий распускались, а восстанавливались Советы.

Ревкомы тыла создавались постановлением Совета Рабочей и Крестьянской Обороны в губерниях и уездах «для упорной обороны против врага и для поддержания революционного порядка». Губернские ревкомы подчинялись РВС Республики, им в свою очередь подчинялись уездные ревкомы. Ревкомы тыла состояли из 3–5 человек, в том числе: председателя исполкома, одного из членов исполкома и местного военного комиссара. Члены губернского ревкома утверждались РВС Республики, члены уездного ревкома – губернским ревкомом. При этом исполкомы и президиумы Советов не распускались, а продолжали действовать, передавая ревкомам «все дела, касающиеся обороны и поддержания революционного порядка». Ревкомы тыла своего аппарата не имели, используя управленческие структуры губернского и уездного исполкома.

Задачами ревкомов являлось быстрое проведение всех мероприятий, необходимых для укрепления тыла и обороны: содействие военным властям в производстве оборонительных работ, в проведении мобилизаций, в расквартировании воинских частей, выполнении военно-заготовительных работ, поставке продовольствия частям Красной Армии, поддержание революционного порядка и проведение политическо-агитационной работы, особенно среди красноармейцев [3, с. 35–38].

Руководство Гомельского губревкома относило себя к ревкомам тылового типа, а РВС XVI Армии (бывшей Белорусско-Литовской армии) — к ревкомам прифронтовой полосы, что приводило к противоречиям между ними, прежде всего относительно того, кому подчиняются уездные органы власти.

В связи с наступившей мирной передышкой для Советской власти постановлением Совета Рабочей и Крестьянской Обороны РСФСР от 2 января 1920 г. упразднялись губернские и уездные ревкомы. В соответствии с этим постановлением РВС Западного фронта приказом от 11 января 1920 г. снял военное положение в Оршанском, Горецком, Чаусском, Климовичском и Чериковском уездах Гомельской губернии, одновременно на территории губернии упразднялись губернский, уездные и волостные ревкомы [2, с. 440–441]. Окончательно губревком прекратил свое существование с организацией 25 января 1920 г. Гомельского губисполкома.

В начале марта 1920 г. в результате нового наступления польские войска заняли Мозырь, Калинковичи и Василевичи, подошли на расстояние 8 верст к Речице и 20 верст к Жлобину, вели наступление на Буда-Кошелево и Гомель. Угроза потери Гомеля была реальна и 9 марта 1920 г. губком принимает решение о необходимости введения в губернии осадного положения.

Создается губернский военно-революционный комитет, первое организационное заседание которого состоялось 5 апреля 1920 г. 3 мая 1920 г. полный состав губвоенревкома (5 человек) был утвержден на заседании Гомельского губкома РКП(б). В его состав вошли Х.Г. Пестун (председатель губвоенревкома), А. М. Ханов (председатель губисполкома), М. И. Кундо (губвоенком), два места оставалось за представителями армии [4, л. 36].

В результате в Гомельской губернии оказалось «многовластие»: на ее территории размещались воинские части XVI и XII Армий, каждая из которых, по информации губкома, «отдавала свои распоряжения и требовала их выполнения». Кроме того, существовало три центра, бравших на себя функции губернской власти: губисполком, губревком и Военный Совет Гомельского укрепрайона (ГУР).

10 мая 1920 г. в Гомель прибыл Председатель РВС Республики Л. Д. Троцкий. Из докладов губревкома, губкома РКП(б) и Военсовета ГУР у Л. Д. Троцкого сложилось мнение о неспособности руководителей губкома и губревкома своими силами наладить работу. Приказом от 10 мая 1920 г. председателем Гомельского губревкома Л. Д. Троцкий утвердил своего представителя А. М. Пыжева, членами — Х. Г. Пестуна и М. И. Кундо [5, л. 138].

Приказом Л.Д. Троцкого от 10 мая 1920 г. губревкому передавалась вся полнота власти и право снимать всех ответственных советских работников для военных потребностей. Никто, кроме вышестоящих органов армии и фронта не имел права «вмешиваться, отменять или изменять распоряжения губревкома». В тот же день Л. Д. Троцким была выслана телеграмма в ЦК РКП(б), в которой взаимоотношения губкома, губревкома и ГУР характеризовались как «совершенно ненормальные», вносящие «чрезвычайную анархию и нескладицу во всю работу». В связи с этим Троцкий просил указать губкому на его обязанность «оказывать всемерное содействие военной власти без вмешательства в ее распоряжения» [5, л. 115–116].

Фактически губком терял свое значение, превращаясь в малозначимый и маловлиятельный орган, лишенный главного рычага влияния на ситуацию в губернии – расстановку кадров ответственных работников. Это решение Л.Д. Троцкого было воспринято на заседании губкома 11 мая 1920 г. как шаг, ведущий к разрушению работы губкома и подрыву его авторитета, фактической его ликвидации. На заседании Гомельского губкома 5 июня 1920 г. утвердили письменный доклад в ЦК РКП(б), в котором обосновывалась необходимость отмены приказа Л. Д. Троцкого, немедленного отзыва А. М. Пыжева как «совершенно не нужного и мешающего в работе человека» [5, л. 112–112об.].

По решению ЦК РКП (б) для усиления состава Гомельского губвоенревкома и замены А. М. Пыжева был послан Н. Н. Колотиллов. Вместе с тем замена формально не произошла – Н. Н. Колотиллов 10 июля 1920 г. занял должность заместителя председателя губвоенревкома. Но в результате распределения обязанностей внутри губвоенревкома именно Н. Н. Колотиллов фактически и стал его руководителем: он вел работу губревкомовскую, а А. М. Пыжев – военкомовскую.

До 25 мая 1920 г. губисполком существовал одновременно с губвоенревкомом. 25 мая 1920 г. в связи с переходом губернии на военное положение и «принимая во внимание близость фронта и в целях создания единой, сильной революционной власти в губернии» на заседании губисполком он был упразднен, а вся власть в губернии передавалась губвоенревкому [4, л. 64]. При этом отделы губисполкома продолжали работать, выполняя задания губвоенревкома. Главными вопросами в деятельности ревкома стали военные, земельные, проведение трудовой повинности в интересах фронта и организация социальной помощи семьям красноармейцев.

8 июня 1920 г. созданная Мозырская группа войск Красной Армии перешла в наступление, 20 июня освободив Речицу, затем Василевичи, Калинковичи, Мозырь. В связи с отступлением фронта

на запад 7 июля 1920 г. Гомельский губревком принял решение о восстановлении губисполкома и созыва его Пленума. 3 августа 1920 г. на первом заседании Пленума губисполкома по докладу губвоенревкома было принято решение «ввиду окончательного отдаления фронта от Гомельской губернии и возможности перехода к мирной работе» восстановить президиум губисполкома, губвоенревком распустить [6, л. 21]. 9 августа 1920 г. на Пленуме губисполкома был утвержден и персональный состав президиума губисполкома [7, л. 3].

В связи с новым наступлением польских войск и для быстрого проведения всех мероприятий по укреплению тыла 28 октября 1920 г. решением Пленума губисполкома был воссоздан Гомельский губернский военно-революционный комитет во главе с Н. Н. Колотилковым (члены – В. В. Арнаут, А. Г. Егоров, Пупкевич и представитель XVI Армии) [7, л. 12об.]. Губвоенревком непосредственно подчинялся советскому отделу XVI Армии в вопросах ликвидации совместными усилиями бандитизма и дезертирства, выполнении продразверстки и топливных заготовок. В остальных вопросах губвоенревком действовал в рамках положения ВЦИК о тыловых ревкомх и не вмешивался в компетенцию и подчиненность губотделов губисполкому. На первом заседании губвоенревкома 30 октября 1920 г. было принято решение об организации ревкомов по всей губернии.

После разгрома в конце ноября 1920 г. отрядов Булак-Булаховича необходимость в ревкомх как чрезвычайных органах власти отпала. 1 декабря 1920 г. гомельский губком РКП(б) решил упразднить губвоенревком и передать всю полноту власти президиуму губисполкома [8, л. 134]. В течение декабря 1920 г. все ревкомы в Гомельской губернии были распущены.

Ревкомы, формировавшиеся по законам военного времени без участия местного населения, располагавшие чрезвычайными полномочиями и использовавшие методы приказа и принуждения, позволили большевикам мобилизовать скудные ресурсы для победы в гражданской войне. Именно в системе ревкомов как чрезвычайных органов власти получило свое воспитание большинство партийных и советских руководящих кадров 1920–1930-х гг. Уже в условиях мирного времени большинство из них так и остались «ревкомовскими» по своим представлениям о системе организации и построения всей системы органов власти и управления: централизация и строгая вертикальная подчиненность вместо децентрализации и развития самоуправленческих структур, назначенчество вместо выборов, революционная целесообразность вместо правовых норм. Наличие такого «ревкомовского» опыта в значительной степени способствовало формированию тоталитарной советской политической системы.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 12. Протоколы заседаний могилевского и гомельского губкомов РКП(б) и документы к ним. 1919–1920 гг.
2. Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 г. – июль 1920 г.): Сб. док. и материалов. Минск, 1961.
3. Революционные комитеты БССР и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (июль – декабрь 1920 г.): Сб. док. и материалов. Минск, 1957.
4. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Фонд 24. – Оп. 1. – д. 67. Протоколы заседаний гомельского губисполкома. 1919–1920 гг.
5. ГАООГО. Фонд. 1. – Оп. 1. – Д. 211. Протоколы заседаний гомельского губкома РКП(б). 1920 г.
6. ГАООГО. Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 213. Протоколы заседаний губкома №№ 38–135. 1920–1921 гг.
7. ГАГО. Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 68. Протоколы заседаний гомельского губисполкома. 1920–1921 гг.
8. ГАООГО. Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 11. Протоколы пленумов, заседаний президиума и отчеты губисполкома, губернского и уездного военно-революционного комитетов. 1919–1920 гг.

УДК 94(476.2):008:37*19*

А. И. Зеленкова

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ 1920-Х ГОДОВ)

В первое послереволюционные десятилетия важнейшее значение для партии большевиков приобретали вопросы культурной политики и формирования системы партийного руководства сферой культуры. В статье отражено проведение культурных преобразований в 1920-е годы на Гомельщине на фоне осуществления культурной политики советской власти.

Основные принципы культурной политики большевиков были заложены в важнейших идеологических и программных документах партии, первых декретах Советской власти в области культуры, написанных В. Лениным. Большевики поначалу не имели программы «культурной революции». Они считали, что революционная действительность создаст новую культуру как «живое творчество масс» во главе с пролетариатом под руководством его партии. Такого рода творчество могло «распространять культуру в массах», формировать ценности и понятия, работающие на идею общественной пользы. Для В. Ленина «живое творчество масс» сужалось до рамок социального, исторического творчества. Большевикам было выгодно всеобщее огрубение нравов, позволявшее без особых помех разрушать прежние структуры управления и утверждаться на их месте. Но стихия стала угрожать и их собственным претензиям на власть. Овладеть революционной стихией должна была государственная политика, в том числе и в области культуры.

Преобразования, происходившие в сфере культуры в 1920–1930-е гг., позднее идеологами партии стали называться культурной революцией. Сам термин «культурная революция» был впервые употреблен В. Лениным в 1923 г. в статье «О кооперации» [1]. Он понимал под ним создание определенных механизмов, с помощью которых будет перестроено духовное основание культуры. В эту деятельность должно быть вовлечено все население страны. Культурная революция рассматривалась большевиками с прагматических позиций. Она должна была способствовать быстрому становлению социалистической культуры (т. е. культуры, ориентированной на построение социализма). Более того, В. Ленин полагал, что основной целью культурной революции должна стать выработка социалистического сознания. В качестве ближайших перспектив «культурной революции» предполагалось решение конкретных проблем, комплекс которых был обозначен В. Лениным как духовная база социализма. Провозглашалась идея демократизации культуры, с помощью которой власть надеялась сделать доступными знания – основы формирования нового мировоззрения. Демократизация предполагала распространение в массах определенного набора ценностей и норм, которые должны были «работать» на идею коллективного созидания нового мира. В начале 1920-х гг. Ленин считал главной задачей «культурничества» «переваживание политического опыта», который накопила советская власть, и овладение определенным «культурным минимумом» для строительства социализма. Народ должен был стать объектом культурных преобразований, проводимых партией и государством. Таким образом, в понятие «культурная революция», которое потом множество

авторов толковали по-своему, чрезвычайно его расширяя, В. Ленин вкладывал совершенно конкретное содержание. Большевики нуждались в такой культурной революции, которая опиралась бы только на большевистский идеологический диктат, как на универсальное средство решения определенных партией задач строительства новой социалистической культуры.

Главная цель партийного влияния в области культуры, состояла, прежде всего, в пропаганде марксистской идеологии, превращении мировоззрения пролетариата в общенародную идеологию. Эти задачи были возложены на агитационно-пропагандистские отделы ЦК РКП(б) и местных партийных комитетов. Они наделялись широкими полномочиями в плане координации и направления всей деятельности в области культуры партийных, государственных и общественных организаций. В 1919–1920 гг. постепенно создаются государственные органы для управления культурой. На местах культурную работу проводили отделы народного образования при Советах, часть функций взял на себя Наркомат по делам национальностей. Постоянно шел поиск наиболее оптимального варианта управленческих структур. Особое место в этой системе занимал Главполитпросвет в силу своего двойного подчинения: в административно-организационном отношении – Наркомпросу, а в идеологическом – АПО ЦК РКП(б). Таким образом, была заложена основа непосредственного партийного руководства культурным строительством.

В местном масштабе руководство всеми культурными процессами осуществлялось губернскими отделами народного образования. Гомельский Губернский отдел народного образования (губоно) был организован 22 апреля 1919, после ликвидации Могилёвской губернии и перемещении всех губернских учреждений в Гомель [2, с. 254]. Губоно осуществляло руководство всей сетью культурно-просветительских учреждений губернии (дошкольное, школьное дело, профессионально-техническое образование, культурная и политико-просветительская работа), которые находились на государственном и местном обеспечении или на обеспечении общественных организаций. Отделы народного образования были созданы в уездах и волостях и подчинялись местным исполкомам. Причём, в волости часто председатель исполкома назначался и заведующим волоно. В документах отмечалось: «Часто председатель волисполкома назначается и заведующим волоно, что мешает работе. Заведующий волоно должен хорошо знать проблемы народного образования, быть подготовленным» [3, с. 16].

Осуществление «культурной революции», требовало значительных усилий в деле создания и развития ее материально-технической базы.

Однако к осени 1921 г. бюджетные ассигнования на нужды учреждений культуры из центра практически прекратились. Согласно декрету СНК от 15 сентября 1921 г. «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», вся ответственность за материальное обеспечение была переложена на местные органы Советской власти. Тяжелее всего приходилось учителям, преподавателям высшей школы, работникам библиотек, изб-читален, пунктов ликбеза, внешкольного воспитания. Они страдали и от свертывания сети культурно-просвет учреждений, и от низкой зарплаты, которая была намного меньше дореволюционной, и от тяжелых условий труда. Почти все здания и помещения давно не ремонтировались, многие обветшали, пришли в негодное состояние. К тому же не хватало мебели, приборов, оборудования, книг, учебников, канцелярских принадлежностей. В ряде мест на одного учителя младших классов приходилось до 100-120 учеников, а в других районах педагоги нередко пополняли ряды безработных, среди которых можно было встретить музыкантов, артистов, библиотекарей, полиграфистов, рабочих и служащих, ранее занятых в бумажном производстве.

В губерниях начинается быстрое сокращение сети культурно-просветительских учреждений. Так, в начале января 1922 г. на Гомельщине действовало 1657 изб-читален, после сокращения их осталось 753, однако к весне того же года реально работало только 430 [4, с. 50]. В конце 1922 г. в губернии осталось 170 изб-читален (по одной на волость). В отчете Гомельского губисполкома VI губсъезду Советов (ноябрь 1922 г.) анализировалось тяжёлое материальное положение культурно-просветительских учреждений и отмечалось, что финансовые трудности отрицательно повлияли на состояние политпросвет работы и создали среди работников «ликвидаторское настроение».

Это поставило низовые властные структуры перед необходимостью искать нетрадиционные способы финансирования – появились различные варианты системы самообложения населения в пользу культурных учреждений и заключения договоров на продовольственное обеспечение работников культуры. Правда, реализация договоров протекала слабо, они не могли обеспечить в нужных размерах содержание культурных учреждений, поскольку материальные возможности местного населения в условиях хозяйственной разрухи были чрезвычайно ограничены. На местах был разработан план сохранения в губерниях следующей сети учреждений: по одному клубу на уезд; по одной избе-читальне на волость, в которой должны сконцентрироваться все виды работы (ликпункт, библиотека), которые будут проводиться одним человеком с целью экономии.

В поисках выхода из кризиса культурно-просветительские учреждения пытались сами заработать деньги. Например, клубы сдавали свои помещения для проведения вечеров и танцев. Губполитпросвет квалифицировал это как «скользкий путь поиска средств и рекомендовал клубам искать возможности для перевода на содержание профессиональными и рабочими организациями». В тяжелом положении оказались и библиотеки. Не хватало средств на приобретение литературы, оплату работников, сохранение фондов. В связи с этим в некоторых местах «как опыт, с использованием классового подхода, введена плата за чтение книг библиотек, доход от которого используется для переплёта книг и других хозяйственных нужд, улучшения материального состояния библиотечных работников» [5, с. 29].

С середины 1920-х гг. постепенно усиливается идеологический диктат власти. Отказ центральных органов власти от финансовой поддержки местных учреждений культуры, сеть которых едва начинала складываться, тем не менее, не означал ухода от контроля за их работой, к руководству учреждениями культуры активно привлекались члены РКП(б). Таким образом, формировался механизм подотчетности работников культуры местным партийным организациям. Наилучшим образом сохранились учреждения, которые несли наибольшую идеологическую нагрузку и поддерживались местными государственными и партийными органами.

Только с середины 1920-х гг. наблюдается общая тенденция на увеличение численности учреждений культуры. Недостаток средств государство в какой-то степени компенсировало умело организованной идеологической работой, увлекавшей огромные массы трудящихся пафосом созидания новой жизни и порождавшей неподдельный энтузиазм, который власть охотно эксплуатировала. Государственное финансирование в условиях хозяйственной разрухи рассматривалось как наиболее действенное средство обеспечения и ускорения культурной работы. К концу 1920-х годов сеть различных культурно-просветительных учреждений на Гомельщине, финансируемых из государственного бюджета, насчитывала 33 тысячи.

Проблема подготовки и переподготовки кадрового состава относилась к числу тех, что весьма остро встали перед советским государством к началу 1920-х годов. Для эффективной воспитательной и просветительной работы в стране необходимы были образованные, знающие люди, специалисты. Власть не располагала достаточным количеством таких специалистов. По Гомельской губернии только 9,8 % из общего числа учителей имели высшее образование, однако оно было общим, т.к. в России не была распространена сеть высшего

педагогического образования. 50 % учителей, имевших высшее образование, работали в школах губернского центра, в Гомеле, либо в школах бывшего губернского центра – Могилёве. Среднее педагогическое образование имели 15,4 % учителей, причем, 89 % из них составляли мужчины, 36 % имели общее среднее образование, и большинство составляли женщины (82,6 %). Почти 10 % учителей Гомельской губернии не имели образования [6, с. 54]. Губернское руководство считало, что 60 % учителей Гомельщины не соответствуют квалификации и значительная часть не способна решать возложенные на школу задачи. Уездам рекомендовалось подобрать способных школьных работников [3, с. 15]. Вакансии заполнялись в лучшем случае бывшими учителями или выпускниками школ II ст. Нередко должность учителя занимали «граждане, подавшие заявление, не вызывающие сомнения в социальной принадлежности и имевшие документы о получении общего образования». Таким образом, по Гомельской губернии к середине 1920-х годов образовательный ценз учителей оставался невысоким: учителя с высшим образованием и учительскими институтами – 2 %; окончившие педтехникумы и учительские семинарии – 12 %; педагогические курсы – 2 %; учителя со средним образованием (духовные семинарии, епархиальные училища) – 50 %; учителя без среднего и специального педагогического образования – 34 % [7, с. 38]. Поэтому предстояло, во-первых, привлечь на свою сторону старую интеллигенцию и, во-вторых, создать новые кадры из рабочих и крестьян.

Создание кадров новой интеллигенции осуществлялось как путем выдвижения наиболее опытных и талантливых представителей рабочего класса и крестьянства, так и путем подготовки специалистов в вузах и техникумах. Командные посты, учительские кадры в пролетарском государстве должны были занимать сами рабочие. Выдвижение рабочих и крестьян на руководящую работу в партийных, государственных и хозяйственных органах имело громадное значение для формирования советского государственного аппарата. Например, по Гомельской губернии в 1922/23 учебном году социальный состав школьных работников имел: выходцев из рабочих – 66 чел., крестьян – 695, мещан – 179, чиновников – 169, дворян – 139, духовенства – 220 [3, с. 15]. Причём, как отмечалось в одном из документов, ситуация в этот период уже начала значительно меняться, 1922/23 учебный год наконец принёс очень важное изменение – «советизацию учительства, который внесёт в школу свежую волну бодрости и уверенности, ... внесёт советскую душу» [6, с. 6]. Поэтому в школьной переписи 1927 года уже 5,3 % из всего числа учителей происходило из рабочих,

48,2 % – из крестьян, 18,2 % – из служащих, из прочих слоев (включая буржуазных и мелкобуржуазных) – 28,3.

Подготовке и переподготовке учителей придавалось приоритетное значение, так как основным кадровым резервом для решения задач культурного развития было учительство, которое помимо своих основных обязанностей, занимались и культурно-просветительной деятельностью. Отсюда в документах часто упоминается, что «основной кадр работников изб-читален и красных уголков состоит главным образом из учителей».

В рамках реализации культурной политики проводились мероприятия, способствовавшие как повышению уровня грамотности граждан, так и распространению среди широких слоев населения мировоззренческих установок советской власти, идей социализма. С первых дней существования советское правительство провозгласило, что грамотность и образованность должны стать фундаментом постройки нового социалистического общества. В культурно-просветительной деятельности уделялось самое серьезное внимание проведению агитации и пропаганде культурных преобразований в обществе путем распространения листовок, брошюр, организации специальных праздников, бесед. Смещение воспитательных акцентов на идеологию и политику заставило властные структуры использовать в воспитательных целях не только учебно-воспитательные, но и досуговые учреждения.

Таким образом, в 1921–1929 гг. советской властью были предприняты серьезные попытки по укреплению и развитию социокультурной инфраструктуры. Однако серьезные экономические трудности первого этапа НЭПа не позволили осуществить задуманное. Только с середины 1920-х гг. наблюдается общая тенденция на увеличение численности учреждений культуры. В первой половине 1920-х гг. можно говорить об определенной гибкости политики в области культуры. Однако, с середины 1920-х гг. постепенно усиливается идеологический диктат органов власти, что сказывается как на формах, так и содержании деятельности учреждений культуры.

Список использованных источников и литературы

1. Ленин, В. И. О кооперации / В. И. Ленин. – 5-е изд. // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., Изд-во политической литературы, 1970. – Т. 45. – С. 369–377.

2. Отчёт Гомельского губернского исполнительного комитета VI-му губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. (декабрь 1921 – ноябрь 1922 гг.). – Гомель: Изд. Гом. губисп-ма, 1923. – 451 с.

3. Отчёт 3-го Сопещания работников деревни Гомельской губернии (25–29 апреля 1924 г.). – Гомель: Изд. Гом. губисп-ма, 1924. – 116 с.
4. Отчёт Совету труда и обороны с 1-го октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. – Гомель, Изд. Гом. губисп-ма, 1922. – 65 с.
5. Куница, Я. О культурно-массовой работе / Я. Куница // Полесский коммунар. – 1925. – № 17. – С. 28–32.
6. Народное просвещение в Гомельской губернии. Итоги и перспективы на 1922–23 учебный год: Материалы к IX губконференции РКП. – Гомель: Кооп. изд-во “Гомельский рабочий”, 1923. – 116 с.
7. Рожков, Н. В дороге. На путях всеобщего обучения в Гомельской губернии (очерк) / Н. Рожков. – Гомель: Изд-во Гом. губоно, 1926. – 68 с.

УДК 821.161.3(=162.1)”1920/1930”

В. Н. Сидоренко

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЛЬСКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БССР (1920–1930-е ГОДЫ)

Статья посвящена особенностям развития польскоязычной литературы в БССР в межвоенный период. В ней рассматриваются некоторые аспекты, повлиявшие на тематику произведений авторов, писавших на польском языке. Данная литература была предназначена для польского этнического меньшинства и её публикация поддерживалась советской властью в рамках осуществления национальной политики в 1920–1930-х гг. Произведения советских польскоязычных авторов возможно использовать как исторические источники.

В 1920–1930-х гг. в БССР проводилась национальная политика призванная привлечь на сторону советской власти национальные меньшинства: поляков, евреев, немцев, татар, литовцев, украинцев, русских, латышей, цыган и др. Её основными направлениями было упорядочение землепользования, коренизация, открытие национальных школ, национальных сельских и местечковых советов, национальных судебных камер, использование родного языка при обращении в советские органы власти, периодическая печать на родном языке и т.д. Осуществлять соответствующие мероприятия должны были местные национальные бюро.

В источниковедческую базу по проблеме осуществления национальной политики в БССР в межвоенный период традиционно принято включать законодательные материалы, документы делопроизводства, статистические материалы и периодическую печать. Наименее изученными источниками являются литературные и публицистические произведения. Это обусловлено спецификой самого источника, анализ содержания которого предполагает необходимость учитывать большую долю субъективизма и наличие авторского вымысла. Тем не менее, литература – зеркало эпохи, когда она была создана, и способна демонстрировать не только позицию автора, его видение темы, но также определённые стереотипы, накладываемые официальной идеологией. Это особенно актуально для межвоенного периода.

К сожалению, литературных произведений, посвящённых жизни польского населения БССР, не так много. Важной частью национальной политики была антирелигиозная работа, т.е. борьба с влиянием католического костёла. Новая советская литература была призвана помогать советской власти в этой борьбе. В рамках осуществления национальной политики наибольший эффект, считала советская власть, будет достигнут литераторами, если они будут работать на родном языке национального меньшинства, т.е. на польском. Большую часть составляют стихотворные произведения и публицистика на польском языке, которые публиковались в польскоязычных газетах и журналах БССР: «Orka», «Mlot», «Do nowej szkoły», «Głos młodej» [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Советская власть рассматривала поляков в БССР как потенциальную угрозу. Значительная доля зажиточного крестьянства среди поляков, исповедание католической религии, сложные отношения с соседней «буржуазной» Польшей не добавляли симпатий советской власти по отношению к этой категории населения. В повести Бобинской Е. «Люди красного фронта» даётся зарисовка из жизни польской деревни БССР на рубеже 1920–1930-х гг. Сама автор в аннотации пишет: «Для советского читателя многое будет непонятно в этой первой в советской литературе книге о жизни польских колхозов в БССР, если не знать исторических условий, в которых сложился и вырос своеобразный тип «серой» или «босой» шляхты, обитателей польских «за-стянков» в Литве и Белоруссии» [8, с. 4]. Главными героями повести являются молодые комсомольцы Олеся, Натка, Михась, Фелек, Марта, Гжесяк, Ясь. Они ведут борьбу за урожай, за клуб, за колхоз. Агитируют крестьян создать колхоз. События повести происходят в Загорье. Активистам противостоят: Уршулька Барцинская (родня высланных в Сибирь во время коллективизации, помещиков Барцинских) – она местная «сорока», всё обо всех знает, поддерживает связь с ксендзом

и всюду говорит: «Колхоз – не поезд, не убежит». Автор делает её приспешницей ксендза, двуличной контрреволюционеркой, хоть и беднячка. Такие персонажи не раз становились объектами критики на страницах периодической печати Белорусской ССР. Упоминается в повести газета «Орка». Соседний колхоз «Мархлевский» существовал на самом деле, только не в БССР, а в УССР. Врагами колхозного строя являются Минкевич-старший, Маслов – единоличники. Завершается произведение расправой над предателем Ясем Минкевичем, он ранен девушкой Олесей, которая раскрыла его план сжечь новый колхозный сарай, связала его и передала односельчанам. В схватке ранен активист колхозник, комсомолец Фелек Лапцевич, его везут в Смиловичи. Происходит переосмысление событий и многие пассивные Загорьевцы решают вступить в колхоз. Так завершается сюжет этой повести. Это произведение должно было отразить ту социальную борьбу, которая «разворачивалась в польской деревне» БССР. Многие образы предлагаемых Бобинской Е. героев превратились в настоящие стереотипы в представлении местной власти об облике поляка-крестьянина.

Литература, предназначенная для национальных меньшинств, носила открыто заказной характер, об этом свидетельствуют поручения, которые непосредственно давали соответствующие бюро ЦК КП(б)Б: «Поручить польсекции ВАППа подготовить новые пьесы о жизни польского коллектива, а тек же на тему антирелигиозного и интернационального воспитания» [7, л. 30]. Советская власть в БССР не скупилась на антирелигиозную литературу. Костёл был идеологическим врагом, с ним боролись и словом и с помощью иных мер, в том числе репрессивных. В протоколах заседаний польского бюро при окружных и центральном комитете большевистской партии часто указывалось на необходимость увеличения издания литературы на родном языке для национальных меньшинств. В 1930-х гг. несмотря на сокращение количества наименований печатной продукции на польском языке, изданных в СССР, их тираж и количество печатных листов неуклонно росли [9, с. 213]. Проведение национальной политики должно было осуществляться на родном языке, это повышало и её эффективность и привлекало довольно настороженно относящихся к советской власти поляков белорусского края.

Таким образом, литературные источники представляют образ поляка, существенно обусловленный особенностями идеологической политики советского государства. В них присутствует крестьянин-бедняк, стремящийся в колхоз, и единоличник-кулак, чинящий препятствия и саботирующий решения советской власти, и приспешники ксендзов, богомольные старушки, и сами шпионы-ксендзы. Литературные

произведения 1920-х гг. пронизаны революционными настроениями. Среди произведений польскоязычных писателей БССР особенно много стихотворений, посвящённых борьбе пролетариата, призывам участвовать в социалистическом строительстве. Это своего рода и дань моде, и отражение эпохи. В 1930-х гг. особенно популярной становится «крестьянская тема». Это связано в первую очередь с активными мероприятиями советской власти по созданию национальных советов, колхозов среди сельского польского населения.

Список использованных источников и литературы

1. Aleksandrowski W.I. W.I.Lenin // Orka – 1929 - №5(199).
2. Dąbal M. Jakim powinien być polski teatr w BSRR // Orka – 1934 - №100(916).
3. Brzeziński M. ZSRR – nasza ojczyzna – drugiej ojczyzny pracującego być nie może // Orka – 1929 - №49(242).
4. Chrzonowicz W. Ussas i Aszenberg działali „w imie Boga” // Młot – 1925 - №146.
5. Chrzonowicz W. Przez wszystkie piekła // Młot – 1925 - №156
6. Chrzonowicz W. Wiara czy polityka // Młot – 1925 - №157.
7. Протокол Польбюро ЦК КП(б)Б от 18.01.1929 г/ Национальный Архив Республики Беларусь, Фонд 4п Опись 1 Дело 4676 л.30.
8. Бобинская Е. Люди красного фронта / Елена Бобинская. – М.: Московское тов-во писатлей, 1933. – С. 137.
9. № 24. Книжная продукция БССР по языкам за 1932 и 1933 гг./ Итоги разрешения национального вопроса в СССР/ Науч.-иссл. ин-т национальностей СССР при ЦИК Союза ССР. – М.: Изд-во «Власть советов» при Президиуме ВЦИК, 1936. – С. 224.

УДК 94:908(476.2-21Гомель) "1923/1925"

И. Ю. Уваров

Гомель, УО «Гомельский государственный
технический университет им. П. О. Сухого»

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ГОМЕЛЕ В 1923–1925 ГОДАХ

Краеведческая работа в Гомеле и его окрестностях в начале 20-х гг. прошлого столетия имела организованный и плановый

характер. Это прослеживается в ходе проведения систематических исследований по сбору и сохранению различных достопримечательностей старины и памятников культуры.

Как свидетельствуют документы, историко-краеведческая работа велась уже в декабре 1923 г. Именно в этот период в Гомеле осуществляло свою деятельность Гомельское губернское бюро краеведения, которое было организовано при губернском отделе народного образования. При этом бюро трудился известный белорусский историк и археолог К.М. Поликарпович. За период с февраля по декабрь 1925 г. гомельская краеведческая организация провела масштабную работу по сохранению и популяризации историко-культурного наследия Гомеля и всего региона в целом [1, л. 6].

Сотрудники Губернского бюро краеведения с самого начала своей работы пытались создать отдельный аппарат управления. К 1 мая 1924 г. в состав этой организации входило 5 человек – это товарищи Струнин, Баборыкин, Николаев, Афанасьев и Векслер. В качестве кандидатов в состав членов бюро состояли Жарин и Бончиц. Председателю бюро не раз приходилось отмечать, что такой малочисленный состав сотрудников не может способствовать продуктивной работе. Надо полагать, что для работы бюро краеведения могли привлекаться сотрудники педагогического музея, который располагался в этот период по адресу г. Гомель, ул. Липовая, 6 [1, л. 4].

За время с 1 мая по 31 декабря 1924 г. бюро краеведения имело 18 заданий, в ходе решения которых был рассмотрен ряд организационных вопросов и заслушано несколько докладов краеведческого характера. Некоторые доклады были вынесены на собрания школьных работников. Так началась краеведческая работа по изучению истории Гомеля. Были выполнены некоторые графические работы, относящиеся к прошлому Гомеля, в частности составлены планы старого города. Составлялись описания геологических профилей в черте города. Принимались меры к охране исторических памятников, курганов и городищ; положено начало создания краеведческой библиотеки, произведены археологические раскопки в местечке Чечерск. Заслушан доклад товарища Баборыкина о проведении этих раскопок. В декабре 1924 г. Гомельское бюро отправило своих представителей для участия во 2-й Всесоюзной конференции по краеведению, которая состоялась в Москве.

За период с 1 января по 1 июля 1925 г. состоялось ещё 18 заседаний гомельского бюро, посвящённых вопросам о переводе краеведческой работы в губернском масштабе на новый уровень [1, л. 6]. Однако,

несмотря на усилия местных краеведов в начале 20-х гг. XX в. многие исторические материалы, которые хранились в учреждениях Гомеля и в пределах губернии находились, в необработанном «сыром виде», и только немногие из них были опубликованы в отдельных изданиях. Губернское статистическое бюро подало в конце 1923 г. небольшую сводку об имеющихся материалах в специальный «Бюллетень». Также было опубликовано ещё одно издание под названием «Пути к восстановлению сельского и лесного хозяйства». Были ещё составлены печатные отчёты Гомельского Губернского экономического совещания, изданы 1923 г. В указанный период существовали в Гомельской губернии и другие научные учреждения и общества (названия их не указаны), сотрудники этих контор только накапливали материал. К числу таких относилась метеорологическая станция в Гомеле.

В указанный период в Гомеле было общество распространения естественно-исторических знаний и экологический кружок. Однако самым солидным учреждением в пределах губернии оставался Гомельский художественно-исторический музей имени А.В. Луначарского. Как свидетельствуют документы, историко-краеведческой работой в Гомеле занимались школьные учителя, они помогали сотрудникам губбюро и музейным работникам, принимали участие в местных учительских конференциях, выступали с докладами. В этот период осуществлялся поиск подходящего помещения для работы краеведческого бюро [1, л. 7].

Следует признать вклад, который внесли сотрудники секции по краеведческой работе в Гомеле – это сохранение культурно-исторического наследия и памятников старины. Осуществлялась эта научно-исследовательская работа путём сбора подлинных образцов, физически исчезающих этнографических памятников, записки очевидцев событий, зарисовки и фотографирование различных объектов исторического значения.

Исследуя этнографическое наследие прошлого, работники секции краеведения пытались собирать материал как о прошлом родного края, записывая обычаи и обряды, так и о новом времени, недавно прошедших событий. Записям подлежали эмоциональные воспоминания людей о времени недавно прошедших революций и прочие события. Вместе с тем велась регистрация непосредственных памятников старины – это жилые здания и хозяйственные постройки бывших барских владений. Определялись их сохранность и историко-культурное назначение. Сотрудниками бюро предпринимались действия по организации охраны от уничтожения историко-архитектурных памятников, которые становились достоянием народа [1, л. 8].

О порядке и способах осуществления намеченных работ бюро краеведения выработало план на основании которого привлекались школьные учителя для исследовательской работы. Для этого необходимо было произвести рассылку программ и актов, для рядовых школьных работников, через органы отдела народного образования [1, л. 8].

О проделанной плановой работе сотрудники краеведческого бюро выступили с несколькими докладами научного содержания, которые могли бы послужить материалом для краеведческого сборника, но для его издания не хватало определённого количества средств [1, л. 8–9]. На отдельном собрании, состоявшемся 27 мая 1925 г. товарищи Николаев и Бобарыкин сделали доклады на тему «Характеристика западной области Гомельской губернии». Доклады были посвящены подведению итогов работы краеведческой конференции, которая состоялась в Смоленске в марте 1925 г. В одном из докладов К. М. Поликарпович сообщал о результатах археологических исследований в урочище Хатки близ Рудни Споницкой Ветковской волости, были продемонстрированы кремниевые орудия труда, найденные им в указанной местности. Как заявлял сам учёный кремниевые предметы и черепки керамической посуды были переданы на хранение в гомельский музей им. А. В. Луначарского.

В указанный период краеведческая работа в Гомеле имела продолжение и была отражена в трудах ещё одного исследователя гомельских окрестностей Жарина (полное ФИО не указано), он составил три плана с расположением курганов около местечка Чечерск. Эта работа явилась результатом археологических раскопок в сентябре 1924 г. Кроме того членами бюро были сделаны фотографические снимки в Гомеле и Чечерске. Товарищем Жариным было выполнено 12 фотографических снимков с изображением исторических достопримечательностей.

Продолжая работу по выявлению интересных фактов из истории Гомеля, нами была обнаружена информация, которая заставила задуматься о её научной значимости. В 1925 г. неким исследователем С. И. Желоховчевым была написана работа, посвящённая истории Гомеля. Таким образом, возник вопрос, который пока остаётся открытым, кто такой С. И. Желоховчев и чему был посвящён его труд. Возможно поиски в этом направлении смогут пролить свет на малоизученные страницы истории Гомеля [1, л. 9].

В завершении следует отметить, что краеведческая работа в Гомеле и его окрестностях в начале 20-х гг. прошлого столетия имела организованный и плановый характер. Это прослеживается в ходе

проведения систематических исследований по сбору и сохранению различных достопримечательностей старины и памятников культуры.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Гомельской области. Фонд 60. – Оп. 1. – Д. 711. Переписка о постановке краеведческой работы в школах соцвоса. Краткий отчет о работе губбюро краеведения. 1925 г.

УДК 94(476)''1917/1921''

Я. С. Юрис

Минск, УО «Белорусский государственный университет»

ОТОБРАЖЕНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В ПРАВОВЫХ АКТАХ О ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

В статье проведен анализ основных актов кооперативного законодательства Временного правительства России и актов советского кооперативного законодательства с 1917-го по 1921 г. Прослеживается влияние досоветского кооперативного законодательства на законодательные акты о промысловой кооперации начального периода НЭПа. Определены точки отсчета в развитии различных процессов, происходивших в кустарной промышленности. Рассматривается изменение воззрений В.И. Ленина на кооперацию и отображение этого процесса в советском кооперативном законодательстве.

Развитие кустарно-ремесленного производства в 1920-е гг. в БССР регулировалось соответствующим законодательством. Его анализ дает возможность раскрыть основные направления развития промысловой кооперации, определить точки отсчета в развитии различных процессов, происходивших в кустарной промышленности.

При анализе тенденций развития белорусской советской промысловой кооперации необходимо учитывать, что она функционировала на основе кооперативного законодательства РСФСР, а с образованием СССР – на основе всесоюзного.

Несмотря на то, что основы деятельности промысловой кооперации в рассматриваемый период регулировались советским законодательством, будет логичным учесть его предшественника – кооперативное законодательство периода Временного правительства, так как именно оно в той или иной степени использовалось в советское время.

Основным законом, регулировавшим правовое поле деятельности кооперации, стало принятое Временным правительством 20 марта 1917 г. «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», явившееся первым единым для всей кооперации законом в России. В нем были определены важнейшие принципы, цели, форма и структура кооперативного движения, дано определение понятия «кооператив». Кооперация получила новые начала своего правового регулирования. Ими стали: явочный порядок возникновения кооперативов и регистрация их в судебных органах; введение примерных уставов, имеющих лишь вспомогательный характер; возможность закрытия кооперативных организаций только в соответствии с законом и [1, с. 123–129]. Закон исходил из предпосылок, что кооперация должна стать массовой и необходимо предоставлять возможность развития различных ее видов через создание системы кооперативных организаций.

Формирование советского законодательства по данному вопросу невозможно раскрыть без анализа взглядов В. И. Ленина на кооперативное движение, на его место, как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе.

В. И. Ленин еще в работах дооктябрьского периода отмечал, что понятия «кустарь» «кустарная промышленность» многозначны. Они включают как патриархальных ремесленников, мелкотоварных производителей, в том числе и кустарей одиночек, работающих с членами своей семьи, и кустарей, нанимавших одного-двух работников, так и владельцев капиталистических мастерских [2, с. 413].

По его подсчетам, относящимся к концу 19 в. у 70 % кустарей «потребности, жизненный уровень, «понижены были» до нищенского состояния». Исходя из этого, Ленин основной чертой кустарной промышленности считал «полную пролетаризацию громадного большинства кустарей». Он указывал, что «наиболее типичные работники» кустарных предприятий стоят ближе к работнику крупной машинной индустрии, чем к крестьянству». Однако при этом отмечал, что тяготение, «к превращению в мелкого хозяйчика» сохранялось еще для множества кустарей» [3, с. 368, 373, 379-83, 398].

Ленинские теоретические разработки легли в основу первых экономических преобразований Советской власти и, если государственно-монополистический уклад был национализирован, то прочие

уклады предполагалось преобразовывать в социалистические по мере вызревания предпосылок.

Экономические трудности, вызванные Первой мировой войной, после Октябрьской революции привели к серьезным последствиям и, прежде всего, к национализации, вышедшей за рамки задуманного, к централизации, к милитаризации труда, к ограничению торговли. Ставилась задача перевода мелких производителей, как собственно и всей экономики на путь социализма. Мелкотоварный производитель рассматривался как собственник средств производства, но он в то же время являлся тружеником и сам подвергался эксплуатации, что делало его близким пролетариату. Это двойственное положение позволило для мелкой и кустарной промышленности, для кустарей и для крестьянства избрать особый путь. Он рассмотрен Лениным еще в работе «Грозная катастрофа...». Здесь утверждается необходимость национализации для банков и крупной промышленности. Для кустарей, крестьянства, мелких промышленников в данной работе очерчено направление, которым пойдет государство. «Социалисты даже при полном социалистическом перевороте экспроприировать мелких крестьян не хотят, не могут и не будут». Потому мелкие предприятия из числа синдицируемых «могли быть исключены» [4, с. 177-178].

Значимым для кооперации являлся декрет СНК РСФСР «О потребительских кооперативных организациях» [5, стр. 435–436]. Он был явным компромиссом между государством и кооперацией. Кооперация брала на себя выполнение поручений государства, но сохранялась как самостоятельная организация с присущими ей внутренними принципами деятельности.

Принятие декрета привело к оживлению кооперативного движения, что выразилось помимо роста числа кооперативов и в создании всероссийских центров кооперации. Летом 1918 г. по инициативе ряда местных союзов кустарно-промысловой кооперации было создано Всероссийское товарищество по производству и сбыту кустарных и артельных товаров («Кустарсбыт»). В феврале 1919 г. состоялся первый Всероссийский съезд промысловой кооперации. Съезд признал «Кустарсбыт» хозяйственным центром кустарных артелей и союзов страны, а также образовал идейно-методический центр – Всероссийский совет промысловой кооперации (ВСПК) [6, с. 127].

Надвигающийся в 1919 г. экономический коллапс заставил В. И. Ленина изменить подходы к роли кустарной промышленности как части капиталистического сектора экономики. В 1919 году на VIII съезде РКП(б) В.И. Ленин, говоря о перспективах развития страны, отмечал, что: «...ни в коем случае не следует... что и дальнейшем

строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата – будто и дальше нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов» [4, с. 189].

Последовавшее постановление ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности» от 26 апреля 1919 г. предписывало прекращение национализации ее предприятий. Был установлен перечень изделий, которые разрешалось продавать кустарям. Местным органам власти предписывалось оказывать содействие кустарям в создании артелей, в обеспечении их сырьем [7, с. 202–203].

Из факта признания необходимости участия средних промежуточных элементов в строительстве коммунизма, не следовало равноправия государственной и кооперативной форм собственности. Декрет СНК 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» [7, с. 202–203] требует, чтобы кооперативные товарищества, их союзы влились в потребительские общества и их союзы, что фактически означало полное упразднение других видов кооперации, кроме потребительской, которая, фактически, становилась государственной организацией. Принятие данного военно-коммунистического декрета было шагом назад и отражало отношение к кооперации как к буржуазному явлению.

Начатый данным декретом курс получил закрепление в резолюции «Об отношении к кооперации», принятой IX съездом РКП (б), проходившем 29 марта – 5 апреля 1920 г. «Что касается сельскохозяйственной и промысловой кооперации, то съезд считает совершенно правильным сделанный декретом 27 января с. г. первый шаг в деле подчинения организаций отдельных групп более зажиточных крестьян, объединенных по различным отраслям сельскохозяйственной и кустарной промышленности, органам потребительской кооперации, как охватывающей все рабочее и крестьянское население в целом, именно, прекращение самостоятельного существования всех всероссийских центров сельскохозяйственной и производственной кооперации и слияние их с Центросоюзом на правах секции» [8, с. 444–446]. Вместе с тем отмечалось, что подчинение артелей Центросоюзу должно носить административный характер, в производственных вопросах они оставались в ведении ВСНХ.

19 апреля 1920 г. был издан декрет СНК РСФСР «О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях (Положение)», более четко очертивший взаимосвязи видов кооперации. В нем заявлялось, что артели могут существовать на местах самостоятельно, либо в качестве автономных секций потребительских обществ. Тем самым как бы ставилась граница деятельности по объединению промкооперации с потребкооперацией [9, с. 209, 210].

Весной 1921 г. началась экономическая реформа. На X съезде РКП (б) В. И. Ленин говорил, что «социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам — производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого социализма, где наемные рабочие в промышленности и строительстве составляют громадное большинство» [10, с. 59]. Он предлагал использовать кооперацию для объединения мелких производителей с целью последующего перехода к крупным социалистическим предприятиям. В дальнейшем он пришел к заключению о возможности достижения социализма через развитие существующих форм кооперации, через охват всего общества кооперацией объединенного на добровольных началах населения. Это утверждение стало основой ленинского кооперативного плана.

Но утверждение, что кооперация может в какой-то мере служить трудящимся классам, Ленин связывал не только с установлением демократического строя, который действительно необходим для развития такого самостоятельного движения, как кооперативное, но и с установлением диктатуры пролетариата. При этом он оставлял открытым вопрос о том, пойдет ли речь о развитии кооперативных организаций в таких формах и на таких принципах, которые складывались в ходе исторического развития, или возможно лишь использование отдельных компонентов этого движения [6, с. 112].

Переход к мирному строительству, необходимость удовлетворения потребностей населения, промышленности и сельского хозяйства в отдельных видах товаров обусловили развитие промысловой кооперации. Уже 30 марта 1921 г. кустарно-промысловая и сельскохозяйственная кооперация на всех уровнях были отделены от потребительской. Первоначальная поддержка кооперативного сектора выразилась в том, что государство стало передавать кооперативам бездействующие предприятия и промышленное оборудование. Поскольку не было возможности восстановить сразу всю городскую промышленность, приоритет отдавался тем предприятиям, которым можно было немедленно оказать помощь [11, с. 403, 404].

Два декрета Совнаркома от 17 мая 1921 г. имели большое значение для развития кустарной промышленности. Один из них требовал принять необходимые меры к развитию кустарной в форме частных предприятий или в кооперативной форме и «избегать излишней регламентации и излишнего формализма, стесняющих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения». Для роста кооперативного производства государством был предпринят ряд поощрительных мер.

Допускался свободный сбыт изделий кооперации, ей отдавалось преимущество при получении заказов перед частными лицами. Также устанавливался явочный порядок образования новых кооперативов, свободное избрание правлений, добровольное объединение в артели [12]. Вторым декретом прекращалась национализация промышленных предприятий, хотя «...акты национализации, осуществленные до 17 мая 1921 г.» не аннулировались» [13].

Декретом ВЦИК И СНК РСФСР «О кустарной и мелкой промышленности» от 07. 07. 1921 г. закреплялось право каждого гражданина заниматься кустарными промыслами и создавать мелкие промышленные предприятия. Срок регистрации кустарных предприятий в местных советах ограничивался неделей, устанавливалось право свободного распоряжения продуктами и изделиями своего производства, как и приобретения сырья, материалов, оборудования. Данный декрет отразил и обратные национализации процессы. В целях развития предпринимательской инициативы закреплялись отдельные гарантии от принудительного изъятия собственности государством, предусматривалась, что предприятия мелкой промышленности не подлежат ни национализации, ни муниципализации; допускалась лишь возможность реквизиции или конфискации оборотных средств и оборудования таких предприятий [14].

Вторым декретом от той же даты стал декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О промысловой кооперации», ставший основным регулирующим законодательным актом для кустарно-ремесленной кооперации. Его положениями предусматривались ограничительные меры на вхождение в кооперативы отдельных слоев населения, согласно «классовому подходу»; разрешительный порядок открытия кооперативов. Но, с другой стороны, кооперативные объединения создавались на добровольной основе; возродилась практика взимания в них членских паев, начался процесс перевода кооперации на собственные источники существования; ослабление контроля над кооперацией со стороны государственных органов власти; увеличение свободы деятельности кооперативных организаций.

Указанный декрет предоставил кустарям право объединяться в промысловые товарищества или артели. Наименьшее количество членов для создания артели было равным пяти. Также устанавливалось, что количество лиц, работающих в артели по найму, не должно было превышать 20 % от всего ее состава. Не разрешалось одновременно состоять в двух артелях сразу. Артели получили права юридических лиц и в качестве таковых могли заключать договоры и принимать на себя обязательства, предъявлять иски и отвечать по ним

в суде, закупать сырье и оборудование, арендовать помещение, открывать мастерские, магазины для сбыта своей продукции. Устанавливалось, что средства артелей составят вступительные взносы, пай, авансы и вклады от своих членов, займы у лиц и учреждений, начисления на себестоимость производимых операций и государственное кредитование. Органами управления артелей должно было стать общее собрание (собрание уполномоченных) и правление. Район деятельности промысловых артелей и их союзов, порядок вступления и выбытия членов промысловых кооперативных организаций, функции общего собрания или собрания уполномоченных, состав, порядок избрания и компетенция органов управления и контроля, система отчетности по делам организации устанавливались их уставами. Губернский совет народного хозяйства обязывался зарегистрировать устав в месячный срок. Отказ в регистрации мог последовать только, если устав противоречил установлениям советской власти [14].

Таким образом, дореволюционное кооперативное законодательство оказало заметное влияние на формирование кооперативного права в советское время. Период после буржуазной революции в марте 1917 г. для кооперации явился коротким отрезком времени, который можно определить как правовой этап ее становления, в правоприменительную практику были внесены такие определения как кооперативное товарищество, явочный порядок создания артелей. Последующие декреты Советской власти 1920-х годов, не внесли существенных изменений и не дали собственных дефиниций артелей.

После Октябрьской революции развитие кооперативного законодательства во многом опиралось на взгляды В. И. Ленина на кооперативное движение при капитализме и во время социалистического строительства. Именно его воззрения были воплощены в жизнь в период начального строительства социализма и оказали определяющее воздействие на законодательную политику Советской власти. С 1917 по 1921 г. были приняты законодательные и подзаконные акты, преобразовавшие кооперацию в коммуны. Основными принципами законодательства стали: объединение всех жителей страны в единых потребительских обществах и промысловая кооперация фактически слилась с потребительской.

Кооперативное законодательство периода НЭПа во многом вернулось к принципам создания артелей, изложенных в «Положении о кооперативных товариществах и их союзах» от 20 марта 1917 г. Это стало возможным из-за изменения воззрений В. И. Ленина. Теперь он считал, что социализм можно подстроить не путем трансформации кооперации в коммуну, а путем развития существующих кооперативных

форм, которые могли бы со временем объединить в себе на добровольных началах все население страны.

Список использованных источников и литературы

1. Кулаков, В. В. Закон 20 марта 1917 г. о кооперации и его место в истории кооперативного права в России / В. В. Кулаков // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 123–129.

2. Ленин, В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности / В. И. Ленин. – 5-е изд. // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., Изд-во политической литературы, 1967. – Т. 2. – С. 317–424.

3. Ленин, В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин. – 5-е изд. // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., Изд-во политической литературы, 1968. – Т. 3. – С. 3–791. с. 368, 373, 379–83, 398.

4. Ленин, В.И. VIII съезд РКП (б) 18-23 марта 1919 г. / В.И.Ленин. – 5-е изд. // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., Изд-во политической литературы, 1969. – Т. 38. – С. 125–215. с. 177–178.

5. «О потребительских кооперативных организациях» : Декрет СНК РСФСР, 10 апр. 1918 г. // Собр. Указаний и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 1483 с.

6. Файн, Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт / Л. Е. Файн. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. – 276 с.

7. «О мерах содействия кустарной промышленности» : Постановление ВЦИК РСФСР, 26 апр. 1919 г. // Собр. Указаний и распоряжений правительства за 1919 г. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. – 886 с.

8. Протоколы съездов и конференции Всесоюзной коммунистической партии (б). Девятый съезд РКП(б). март-апрель 1920; под ред. Н. Л. Мещерякова. – М.: Партийное издательство, 1934. – 616 с.

9. «О сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях» : Декрет СНК РСФСР, 19 апр. 1920 г. // Собр. Указаний и распоряжений правительства за 1920 г. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1943 – 818 с.

10. Ленин, В. И. X съезд РКП (б) 8–16 марта 1921 г. / В. И. Ленин. – 5-е изд. // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., Изд-во политической литературы, 1970. – Т. 43. – С. 1–127.

11. Десятый съезд РКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. 1917–1922. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – 606 с.

12. О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации: Декрет СНК РСФСР, 17 мая 1921 г. // Собр. Указаний и распоряжений Рабочего и крестьян. Правительства. – 1921. – № 48. – Ст. 240.

13. Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений о мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации: Декрет СНК РСФСР, 17 мая 1921 г. // Собр. Указаний и распоряжений Рабочего и крестьян. Правительства. – 1921. – № 48. – Ст. 240.

14. О кустарной и мелкой промышленности: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР, 7 июля 1921 г. // Собр. Указаний и распоряжений Рабочего и крестьян. Правительства. – 1921. – № 53. – Ст. 323.

УДК 94(476.5)“1917”:316.482.5

С. В. Мартинович

Витебск, ГУ «Витебский районный историко-краеведческий музей»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ВИТЕБСКЕ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье рассматриваются межнациональные отношения в Витебске в промежутке между Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциями 1917 г. Показано влияние социальных противоречий и экономического кризиса на остроту национального вопроса. Рассмотрена роль политических партий, формировавшихся по национальному признаку, в общественной жизни города. Особое внимание уделено белорусскому национальному движению на Витебщине в 1917 году.

Национальный вопрос в эпоху капиталистического развития являлся одной из важных проблем общественной жизни Российского государства. На важность его решения для судеб революционного движения указывал в 1917 году В. И. Ленин. «После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос» [14]. В наши дни мы наблюдаем стремительный рост националистических настроений на постсоветском пространстве и по всему миру. Подлинные и мнимые межнациональные противоречия способны взорвать государство изнутри, ввергнуть его в пучину хаоса, кровопролитных гражданских конфликтов за чуждые интересы.

Поэтому непреходящую актуальность имеет изучение истории межнациональных отношений в нашей стране, обращение к их корням.

При написании данной статьи использован материал национальной жизни Витебска между Февральской и Октябрьской революциями, столетие которых мы отмечаем в этом году. Все даты даны по старому стилю.

В начале XX века город Витебск являлся крупным многонациональным губернским центром. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в Витебске проживало 65 871 человек, из них 29 % составляли русские, 12 % – белорусы, 51 % – евреи, 5 % – поляки, 1 % – латыши, 1 % – немцы, 0,15 % – литовцы, 0,14 % – украинцы и т.д. [19, с. 64–65, 70]. К 1917 году население города выросло (109 тыс. жителей в 1913 г.), но национальные пропорции в целом сохранились.

Разные народы веками жили бок о бок в городе Витебске. Отношения между ними не всегда носили безоблачный характер. Особой остроты противоречия между народами достигли в годы капиталистического развития и ставшего его следствием усиления социального неравенства. Первая мировая война до предела обострила все социальные проблемы, существовавшие в Российской империи, пробудила трудящихся к активным революционным действиям.

В первые месяцы 1917 годы в Витебске сложилась очень напряженная ситуация с продуктами питания и предметами первой необходимости – хлебом, мясом, молоком, керосином, дровами, одеждой, обувью, табаком и т.д. Очереди-«хвосты» у лавок, торговавших дешевым хлебом, спекулятивно вздутые цены на рынке, вялость и бездействие властей, не способных что-либо сделать для учета имеющихся запасов продовольствия и борьбы со спекуляцией – все это до предела обостряло общественные противоречия и национальный вопрос. Обыватель, не способный понять истинные причины трудностей и невзгод, видел во всем действия «темных» сил, разрушающих торговлю и хозяйство. Подливали масла в огонь, усиливали ксенофобию постановления военных и гражданских властей (гласные и негласные) о сообщении сведений относительно имуществ, принадлежащих иностранным подданным (от 13 октября 1914 г.), об ограничении в использовании немецкого языка (от 9 мая 1915 г.), о воспрещении покупки одежды у «инородцев» (от 22 декабря 1916 г.) [10], на продажу хлеба евреям в лавках Продовольственного комитета и потребительских обществ [22] и др. Среди витеблян распространялись слухи о том, что недостаток хлеба вызван «засилием» в продуктовых лавках латышей, которые отдают предпочтение «своим» в торговле хлебом

[15]. Обычным делом были разбойные нападения на магазины, погромы лавок. Все это является яркой иллюстрацией того, что национализм и ксенофобия возникают в обществе не сами по себе, а являются отражением экономического кризиса, бедственного положения народных масс, социального неравенства.

Февральская буржуазно-демократическая революция отменила существовавшие в царской России ограничения и репрессии по национальному и религиозному признаку. 5 марта 1917 года прокурором Витебского окружного суда Репнинским была получена телеграмма от министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского с требованием немедленного освобождения из тюрем Витебской губернии всех политических и религиозных «преступников» [25]. В тот же день Главный начальник военного округа распорядился вернуть в Витебск всех высланных из города в 1916 году евреев-сионистов [16]. 27 апреля 1917 года была отменена «процентная норма» при приеме евреев в учебные заведения [17]. Наконец, 22 мая 1917 г. временно исполняющим должность начальника Двинского военного округа генерал-майором Бобровским были отменены стеснительные для «иностранцев» постановления в сфере торговли, владения имуществом и т.д. [10] В то же время окончательное разрешение национального вопроса и самоопределение наций произведено не было, будучи отложенным до созыва Учредительного собрания.

С провозглашением Февральской революцией буржуазно-демократических прав и свобод в Витебске выходят из подполья и создаются различные политические партии и движения, в том числе и формировавшиеся по национальному признаку. Активизировали свою деятельность «Бунд» и «Поалей Цион». Их силами шла подготовка к Всероссийскому сионистскому съезду, проведение реорганизации благотворительных обществ, организация еврейской общественной гимназии, культурно-просветительская деятельность и т.д. 1 мая 1917 года в Заручевской синагоге на собрании представителей витебских синагог, молитвенных домов и еврейских школ было провозглашено создание «Витебской еврейской ортодоксальной партии» [18]. В конце апреля 1917 года была образована Витебская украинская Громада, избравшая Совет старшин (Раду) [26]. Действовали литовские национальные организации – Организационная комиссия по выборам во Всероссийский литовский сейм, Литовское военное общество [9], Литовское общество «Лайсве» и др.

Заявляет о своих правах и белорусская нация.

Первое организационное собрание белорусов Витебска состоялось 3 мая 1917 года в помещении военно-окружного суда в 8 часов

вечера [23]. На нем, вероятно, и была создана первая белорусская организация города – Белорусский комитет.

8 мая 1917 в газете «Витебский листок» появилась заметка с броским заголовком «Белорусы, объединяйтесь». Под призывом размещалось приглашение ко всем, сочувствующим объединению белорусов «без различий политических партий и вероисповеданий», приходиться 11 мая (в день Вознесения) в 2 часа дня на общее собрание Витебского народного белорусского союза в Витебский городской театр. Целью собрания было обсуждение основ программы союза, выяснение национальных нужд белорусов и запись в члены союза [7]. О предстоящем собрании витеблян оповестили также распечатанные в типографии Неймана афиши на русском и белорусском языках [11].

Действительность оказалась прозаичнее красивых слов и призывов. Белорусские националисты, не успев как следует организационно оформиться, «застолбили» права и свободы исключительно за собой, отказав в них другим народам, населявшим Белорусский край. Об этом ярко свидетельствовала заметка «Белорусы (письмо в редакцию)», опубликованная в «Витебском листке» за подписью «Социал-демократ». Автора заметки возмутил тот факт, что белорусы, добиваясь автономии и справедливости для себя, сами же нарушают права других наций. Доказательством этому было появление на собрании в городском театре еврея, вызвавшее возмущение среди публики и лишение этого еврея возможности говорить. «Теперь я понимаю, что не только заявление, но расписку следовало бы получить от белорусов; расписку в том, что они сознают права и обязанности граждан в свободной стране, что они правильно понимают свободу слова и автономию края, – заключал «Социал-демократ». – Если же белорусы в этом расписаться не сумеют – они должны знать, что их почва в демократической стране непрочна, ибо демократия за ними не пойдет, и не видать им тогда своей «автономии» как ушей своих» [24].

Появление подобной заметки свидетельствует не только об узости взгляда белорусских националистов на национальную проблему, но и о неприязни между ними и представителями социал-демократии, которая выльется впоследствии в открытую конфронтацию.

Белорусские национальные организации развернули в Витебске бурную деятельность. Еще в начале мая 1917 года в Минске было организовано «Первое товарищество белорусской драмы и комедии», ведшее набор самодеятельных артистов Витебска [4]. 31 мая и 1 июня 1917 года на улицах города проводились сборы денежных пожертвований на культурно-просветительные нужды белорусского народа [5].

Работавший в Витебске с 10 по 14 июня 1917 года губернский крестьянский съезд (проходивший под эсеро-меньшевистским руковод-

ством) [13, с. 33] также обратился к белорусскому вопросу. Наилучшей формой государственного устройства будущей России съезд постановил признать демократическую федеративную республику с включением в нее Белоруссии в качестве автономии. Съезд также высказался за полнoprавие всех народностей, проживавших на территории Белоруссии, национализацию школы, нормирование цен на предметы первой необходимости, обеспечение сельского хозяйства инвентарем и рабочими руками. Разрешение аграрного вопроса предлагалось предоставить Учредительному собранию, а распределение земель – Белорусской Раде. Могучим средством развития деревни признавалось волостное земство. В вопросе о продолжении войны съезд занял половинчатую позицию – с одной стороны, он выступил за «мир без аннексий и контрибуций», с другой – призывал всех идти в армию «в случае необходимости». Также съезд призвал крестьян подписываться на «Заем свободы» Временного правительства, средства с которого шли на военные нужды [1].

Резолюция Витебского губернского крестьянского съезда по национальному вопросу в целом не расходилась с требованиями Белорусского национального комитета в Минске. Комитет также видел будущее Белоруссии в автономном устройстве в пределах федеративно-демократической России. Белнацком считал необходимым «предостеречь от таких людей, которые, маскируясь белорусским именем, пропагандировали бы за присоединение к Польше или иному государству. Таких людей Белорусский национальный комитет, поскольку они будут выступать от его имени, объявляет провокаторами». Необходимость продолжения войны Белорусский национальный комитет объяснял необходимостью возвращения занятой врагом части территории Белоруссии и объединение ее с оставшейся Белоруссией [2].

По мере углубления революции и радикализации народных масс к этим требованиям белорусских национальных организаций добавилась передача частновладельческой земли трудовому народу без выкупа [3], открытие в Белоруссии университета и сельскохозяйственного института, проведение полной национализации школы «от низшей до высшей», издание белорусских учебников [21] и начало с текущего года преподавания в школах на белорусском языке [6].

Таким образом, в 1917 году белорусские националисты выступали (на словах) за проведение прогрессивных преобразований, отвечавших интересам широких масс белорусского народа (хотя ряд социальных вопросов получил в их программных документах половинчатое решение, а ряд не получил решения вовсе). Дальнейшее развитие революционного движения показало, насколько далеки были эти программы от реальных действий белорусских националистов.

В настоящее время распространен взгляд на события последних месяцев перед Октябрем 1917 года как на «затишье», чуть ли не «классовый мир». Особой популярностью данная точка зрения пользуется у сторонников «теорий заговоров». На самом деле это время было весьма насыщено событиями. Кризис в обществе углублялся, народные массы все более «левели», убеждаясь в неспособности буржуазных партий провести давно назревшие преобразования. Не дремали и силы реакции, ставившие своей целью утопить революцию в крови. Так, в стенах Александровской мужской гимназии свили гнездо погромщики-антисемиты. При попустительстве педагогов и родительского комитета гимназисты-старшеклассники устроили травлю своих однокашников-евреев, избивали их, заставляли петь «Боже, царя храни», писали на классных досках погромные призывы и т.д. [12] 21 октября 1917 года по Витебску были расклеены отпечатанные типографским способом погромные прокламации. Еврейский погром в городе был назначен на 26 октября [20]. Городские власти вынуждены были усилить милицейский контроль, взять под наблюдение милиции базары и пригородные базарные улицы [8].

Таким образом, национальный вопрос занимал в 1917 году весьма важное место в общественной жизни города Витебска и Витебской губернии. События февраля 1917 года, уничтожившие «старый порядок», пробудили угнетенные народы бывшей империи к отстаиванию своих национальных интересов. Различные политические силы с разным успехом пытались повести народные массы за собой, однако дальше полумер и громких деклараций дело, как правило, не шло. К октябрю 1917 года национальный вопрос не был решен, как и другие назревшие проблемы. Оставались и причины, его порождавшие, – социальное неравенство, бедственное положение трудящихся. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало справедливому разрешению национального вопроса в России.

Список использованных источников и литературы

1. Автономия Белоруссии // Витебский листок. – 1917. – 21 июня. – С. 4.
2. Автономия Белоруссии. От Белорусского национального комитета // Витебский листок. – 1917. – 16 июня. – С. 2.
3. Белорусская рада // Витебский листок. – 1917. – 11 сентября. – С. 3.
4. Белорусская труппа // Витебский листок. – 1917. – 6 мая. – С. 3.
5. Белорусский сбор // Витебский листок. – 1917. – 2 июня. – С. 3.
6. Белорусский учительский союз // Витебский листок. – 1917. – 19 июля. – С. 3.

7. Белорусы, объединяйтесь // Витебский листок. – 1917. – 8 мая. – С. 2.
8. Борьба с погромной агитацией // Витебский листок. – 1917. – 19 октября. – С. 3.
9. Витебская организационная комиссия по выборам во Всероссийский литовский сейм // Витебский листок. – 1917. – 16 мая. – С. 2.
10. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 114.
11. ГАВО. – Ф. 967. – Оп. 7. – Д. 3. – Л. 1.
12. Гимназия или гнездо погромщиков? // Витебский листок. – 1917. – 20 октября. – С. 3.
13. Гречкин, Г. Борьба за установление советской власти в Витебской губернии / Г. Гречкин. – Витебск, 1958. – 72 с.
14. Ленин, В. И. Кризис назрел / В. И. Ленин – 5-е изд. // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1981. – Т. 34: Июль-октябрь 1917. – С. 277.
15. Национальный вопрос в продовольственном деле // Витебский листок. – 1917. – 13 января. – С. 4.
16. Освобождение сионистов // Витебский листок. – 1917. – 5 марта. – С. 3.
17. Отмена ограничений для евреев // Витебский листок. – 1917. – 27 апреля. – С. 3.
18. Партия ортодоксальных евреев // Витебский листок. – 1917. – 3 мая. – С. 3.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. – V. Витебская губерния. Тетрадь 2. – 111 с.
20. Погромные прокламации // Витебский листок. – 1917. – 22 октября. – С. 3.
21. Резолюция белорусского съезда // Витебский листок. – 1917. – 19 июля. – С. 3.
22. Соболевская, М. «Муниципальные» лавки / М. Соболевская // Витебский листок. – 1917. – 31 января. – С. 3.
23. Собрание белорусов // Витебский листок. – 1917. – 3 мая. – С. 3.
24. Социал-демократ. Белорусы (письмо в редакцию) / Социал-демократ // Витебский листок. – 1917. – 19 мая. – С. 2–3.
25. Телеграмма А. Ф. Керенского // Витебский листок. – 1917. – 5 марта. – С. 3.
26. Украинская Громада // Витебский листок. – 1917. – 27 апреля. – С. 3.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ

УДК 930

В. И. Меньковский

Минск, УО «Белорусский государственный университет»

1917 ГОД В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Революционные события 1917 г. постоянно привлекали и привлекают внимание историков и политиков. Одной из самых дискутируемых проблем являются общие и противоположные составляющие Февраля и Октября, анализ взаимосвязи этапов революционного процесса, периодизация революции. В статье рассмотрено отношение к этому комплексу проблем в современной русскоязычной историографии.

Споры о том, что произошло в России 100 лет назад, продолжают с большим или меньшим накалом все эти 100 лет. Выяснение отношений противоборствующих сторон и отношения к противоборствовавшим сторонам за столетие протекало в различных формах. Участники российских революционных событий доказывали свою правоту оружием, не останавливаясь перед человеческими жертвами во имя того, что они считали правдой. Высокими целями оправдывалась гибель людей, разрушение социума и государства. Но и после завершения прямых военных столкновений, выяснение отношений победителей и побежденных продолжалось. «Поле боя» становилась историческая политика, трактовка революционных событий, трансляция сложившейся у элит оценок, символов, стереотипов в общество. Социум, в свое очередь, создавал оценочные категории, включавшие как реальности революции, так и мифы, предложенные участниками событий и средствами массовой информации.

Богатейшая научная литература, насчитывающая тысячи томов документов и исследований революции существовала как некий «параллельный мир». Перманентная смена историками трактовки событий 1917 г. привела к общественному скепсису в отношении профессиональной исторической науки. Псевдоисторические ненаучные, но понятные, и поэтому популярные, концепции и схемы фолк-хистори сегодня оказывают на общество большее влияние, чем академическая

наука. В этих условиях столетний юбилей 1917 г. является хорошим поводом для анализа состояния современной русскоязычной историографии российской революции.

На сегодняшний день в современной русскоязычной историографии нет согласия даже в отношении термина, определяющего события 1917 г. Как справедливо заметил В. П. Булдаков «100-летие революции 1917 г. мы встречаем в нелепой историографической ситуации» [1, с. 36]. Русскоязычная версия Википедии дает термины «Русская революция» или «Великая русская революция» как условное название революционных событий, произошедших в России в 1917 году, начиная со свержения монархии во время Февральской революции, когда власть перешла к Временному правительству, которое, в свою очередь, было свергнуто в результате Октябрьской революции большевиков, провозгласивших советскую власть. Однако отмечено, что страницу предлагается переименовать в «Революции 1917 в России».

В.В. Сапов, ссылаясь на работу Х. Арендт «О революции», напоминает, что первоначально слово «революция» являлось астрономическим термином и указывало на возвратное, циклическое движение. В XVII в. термин стал употребляться как политический для обозначения повторяющихся процессов. Он пишет, что «политическое значение слова «революция»... может менять свой смысл на прямо противоположный. «Революция» = «реставрация» — это еще не самый яркий пример. «Революция» = «контрреволюция» — вот что на первый взгляд кажется поразительным. Если в России в феврале 1917 г. произошла революция (а это действительно была революция, никто ее иначе и не воспринимал), то как назвать то, что произошло в октябре 1917 г.?» [2, с. 38].

А. Ю. Давыдов в рецензии на сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» [3] приходит к выводу, что в 1917 г. разрушение возобладало над созиданием. Подлинными дезорганизаторами общественной стабильности названы «новые столичные элиты», «...представители разных политических лагерей к концу 1917 года вынуждены были разочароваться в своих убеждениях. За несколько месяцев они раз уверились в русском народе, ибо начинали с надеждой уповать на жестокую диктатуру» [4, с. 193].

Исполнительный директор фонда «Русский мир» В. А. Никонов определяет события 1917 г. как «крушение». В работе «Крушение России. 1917 г.» он пишет, что его «книга — о революции 1917 года. Причем о менее популярной — Февральской. О ней надолго забыли, когда в центр глобальной и отечественной истории была поставлена

революция Октябрьская, приведшая к власти большевиков, которые предложили и попытались навязать остальным альтернативную модель общественного устройства, поставив на дыбы весь остальной мир. Но не следует забывать, что разрушение многовековых форм российской государственности произошло именно в феврале-марте 1917 года и именно тогда было положено начало лавинообразной общественной дезинтеграции. С точки зрения исследования Крушений России Февральская революция важнее Октябрьской» [5, с. 4].

Прямо противоположный взгляд представляет руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН А. В. Шубин, для которого революция не трагедия разрушения, а шанс поступательного движения страны. «В феврале 1917 г. не «белая кость», наследники древних вырождающихся родов, а люди из толщи народной получили шанс определить судьбу страны на десятилетия. Впервые со времен Смуты XVII в. миллионы людей смогли выйти из скотного двора, где их держала Система, на холодный, ветреный простор Истории. Впервые за несколько поколений они почувствовали себя людьми, а не тварями дрожащими. Одни принялись грабить, другие в ужасе бросились назад в теплый хлев, но третьи - и таких тоже были миллионы - стали писать нашу историю. Пусть неумело, с ошибками. Но спасибо им за это. Лучше так, чем история, напечатанная чиновниками под копирку» [6, с. 5].

В концептуальном отношении В. А. Никонов использует, становящееся все более популярным, деление историографии революции на пессимистическое и оптимистическое направления. «*Пессимисты* полагают, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и неререформируемой, старая власть - недееспособной... *Оптимисты* же уверены, что строй поздней имперской России после Великих реформ 1860—1870-х годов и преобразований 1905-1906 годов обеспечивал хорошие условия для поступательного развития страны на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества. Революция стала следствием случайных событий, к которым относилась, в первую очередь, мировая война» [5, с. 14–15].

Подобную классификацию историографических подходов использует и Б. Н. Миронов в работе «Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации». Он пишет, что «участников дискуссии можно, по аналогии с классификацией, используемой в зарубежной историографии, разделить на «оптимистов» и «пессимистов»: первые считают, что в поздней имперской период

в развитии страны преобладали положительные тенденции, которые при более удачном стечении обстоятельств позволили бы избежать революции, а вторые настаивают на неисправимости самодержавия и на тотальном системном характере кризиса, с неизбежностью закончившегося революциями. «Оптимисты» борются с «пессимистами» — вот в чем суть дискуссии и причина высокого накала страстей. И в центре высокоэмоциональной дискуссии оказалась, по существу, революция 1917 г.» [7, с. 14].

Нам представляется, что в современной российской историографии следует отметить и все более набирающую влияние конспирологическую концепцию. Ее можно отнести к пародийным вариациям оптимистического направления. «Могучая и великая Россия была уничтожена в 1917-м году за считанные месяцы. С того времени прошел уже без малого век, но до сих пор нет ответа на простой и ясный вопрос: "Кто убил Российскую империю?". Высказывались десятки предположений, множество версий. Назывались и виновные в небывалой русской катастрофе: евреи, масоны, германский Генеральный штаб, царское правительство, большевики во главе с Лениным и Троцким» — пишет Н. В. Стариков [8, с. 3]. В рамках т.н. «альтернативной исторической теории» ответ оказывается хоть и неожиданным, но простым. «Гибель Российской империи не была случайностью, как не случайно рассыпался и Советский союз. В обоих случаях мощная внешняя сила инициировала распад России. В обоих случаях она прикрывалась фальшивыми одеждами «союзнчества» и "общечеловеческих ценностей"... Именно наши «союзники» по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка...» [8, с. 3].

К сожалению, подобные примитивные варианты ответов на сложные исторические вопросы остаются востребованными частью общества, а поскольку тиражирование псевдонаучной литературы приносит доход, издательства в 100-летнюю годовщину революции с готовностью наводняют рынок этой продукцией. В качестве примера назовем сборник «Революция 1917-го в России. Как серия заговоров». Среди авторов непрофессиональные историки А. Колпакиди, Ю. Мухин, С. Кремлев, набившие руку на подобных «сенсационных исторических открытиях». Московское издательство «Алгоритм» в аннотации пишет, что «авторы книги распутали клубок заговоров и рассказали о том, чего не написано в учебниках истории... Левые радикалы (большевики) на практике реализовали идеи Маркса. «Белогвардейское подполье» попыталось отобрать власть у Временного правительства. Лондон, Париж и Нью-Йорк, используя различные

средства из арсенала «тайной дипломатии», смогли принудить Петроград вести войну с Тройственным союзом на выгодных для них условиях. А ведь еще были мусульманский, польский, крестьянский и другие заговоры... Обо всем этом российские власти прекрасно знали, но почему-то бездействовали. А ведь это тоже могло быть заговором... Из-за того, что все заговоры наложились друг на друга, возник синергетический эффект, и Российская империя была обречена» [9].

Иностранную «закулису» находит в революции и профессиональный историк И. Я. Фроянов, для которого «в этих событиях ... четко просматривается игра закулисных мировых сил, смертельно враждебных России, русскому народу, преданному православной вере... Однако было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых В. И. Лениным... Закулиса и Ленин только подтолкнули сползающую медленно в пропасть старую Россию» [10, с. 9]. Далее следует экскурс в историю, из которого автор делает вывод, что «возникновение процессов общественной жизни, которые привели к революционным потрясениям в России начала XX века, надо относить к эпохе реформ Петра I... Именно в петровское время обозначилась пропасть между дворянскими сословием и трудовой массой населения» [10, с. 9].

В конспирологических концепциях один из самых «обыгрываемых» моментов – «немецкое золото», как фактор, оказавшего влияние на ход и исход революционных событий 1917 г. В академической историографии эта проблема также не обойдена вниманием. Наибольший интерес представляют работы Г. Л. Соболева [11, 12]. Автор считает, что имеющаяся источниковая база не позволяет поставить точку в исследовании. Он признает факт финансовой поддержки большевиков со стороны Германии, но не считает его решающим. А. В. Шубин ставит вопрос: «Если Российская империя рухнула потому, что всех запутали, обманули загадочные масоны, то почему умнейшие люди старой элиты оказались в дураках? Если Ленин – полоумный авантюрист, да еще и разоблаченный немецкий агент, почему за ним пошла четверть населения России, причем самая сплоченная и активная?» [6, с. 5].

Дилемма Февраль – Октябрь остается одним из спорных моментов русскоязычной историографии. Наличие различных трактовок отмечалось и в предшествующие годы. Н. Д. Ерофеев, анализируя российскую историографию рубежа XX–XXI вв. отмечал, что «в современной историографии неоднозначный ответ дается и на вопрос о том, сколько революций было в России в 1917 г... Нет единства и в определении заключительной вехи революции. По мнению В. И. Миллера,

все зависит от того, какое явление имеется в виду под термином «революция». Если рассматривать революцию как процесс преобразования общества, то она охватывает период с конца февраля 1917 г. и примерно до конца 1920 г... Революция как событие это 27 февраля, 25 октября 1917 г. Историки, рассматривающие Февраль, Октябрь и гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции, относят ее завершение к 1922 г.» [13, с. 105].

Два традиционных несовместимых взгляда на революционные события 1917 г. сохраняются. Согласно первому, в России произошли две революции — в феврале (буржуазно-демократическая) и в октябре (социалистическая). По второй версии февральский и октябрьский перевороты являются двумя последовательными ступенями или этапами одной революции. Новое заключается в том, что революция связывается с предшествующей историей России, рассматривается как часть единого российского исторического процесса.

Анализ современной русскоязычной историографии позволяет сделать вывод о преобладании в академическом сообществе отношения к событиям 1917 г. как к единому революционному процессу. К такой точке зрения склоняются, например, редакторы сборника «1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика». В предисловии они пишут, что «2017 год в России и за рубежом будет ознаменован многочисленными научными форумами, приуроченными к 100-летию юбилею Русской революции 1917 года. В ряде исследований по отношению к этому эпохальному событию применяется термин «Великая Русская революция», другие авторы продолжают настаивать на двух революциях в России 1917 года – демократической Февральской и пролетарски-плебейской (социалистической) – Октябрьской, третьи говорят о срыве революционного процесса в результате Октябрьского большевистского переворота. Мы предпочитаем говорить о единой Русской революции 1917 года, имевшей два этапа, и едином революционном процессе 1917–1920 годов, завершившемся победой большевиков» [14, с. 3].

По мнению Б. Н. Миронова «февральские и октябрьские события 1917 г. представляют собой два этапа одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г. – моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию Гражданской войны... Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство было *временным*, и парламент – *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание,

но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным: большевикам удалось его разогнать» [15, с. 73–74]. Автор приходит к выводу, что «ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации, ни структурная, ни психосоциальные концепции революции не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации, а также институциональная и политическая концепции объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г. намного убедительнее.

Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порожденных войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции к модерну» [16, с. 113–114].

Ю. А. Петров подчеркивает, что в историографии утвердилось понимание того, что революция — это процесс, а не событие [17, с. 212]. Как единый революционный процесс 1917 г. трактовались февральский и октябрьский этапы и участниками Санкт-Петербургской конференции «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Мы обращаем внимание на этот научный форум поскольку именно в Санкт-Петербурге (в советские годы — Ленинграде) сложились серьезные научные традиции академического изучения российского революционного процесса. Как отмечал Г. Л. Соболев «Русская революция 1917 г. предупредила весь мир о катастрофических последствиях, на которые обречены все преобразования и реформы, если они не несут в себе улучшения экономического положения для широких народных масс» [18, с. 37].

Кроме традиционных концепций современная русскоязычная историография предлагает новые подходы, расширяющие рамки революционного процесса за границы 1917 г. По мнению А. В. Шубина «в феврале (марте) 1917 г. началась Великая Российская революция, в составе которой выделяются два социально-политических переворота — «Февральская революция» и «Октябрьская революция». Тем не менее, период революционных перемен имел место и в мае 1917 г., и в 1918 г. Революция не сводится к этим двум переворотам, это — более длительный процесс, протекавший с февраля 1917 г. до начала 1920-х гг. и прошедший в своем развитии несколько фаз [6, с. 11].

А.В. Баранов периодизацию революционных российских событий основывал на принципиальном отличии революции от государственного переворота. Революция меняет преобладающий тип собственности и социальную стратификацию, официальную идеологию,

детерминирует долгосрочный вектор развития общества. «Исходя из данных критериев, в России состоялась революция 1917–1921 гг. Ее завершающими событиями стали установление большевистским режимом контроля над территорией страны и вынужденный переход от военного коммунизма к нэпу» [19, с. 193].

В.А. Космач представляет еще более нетрадиционный взгляд, определяя период 1917–1922 гг. как «движение Великой Российской буржуазно-демократической революции по нарастающей». Автор считает, что «Великая Российская буржуазно-демократическая революция в 1917–1922 гг. прошла (и крайне неудачно!) буржуазно (либерально-) конституционный этап (февраль/март — октябрь 1917 г.) и закрепилась на буржуазно-демократическом, или большевистско-якобинском, этапе развития революции по нарастающей в октябре 1917 — декабре 1922 гг. В более широком понимании, по мнению В. А. Космача, можно говорить о продолжении революции по нисходящей линии. «Большой террор» второй половины 1930-х гг. и принятие новой Конституции 1936 г. де-факто и де-юре завершили окончательно Великую Российскую буржуазно-демократическую революцию 1917–1938 гг. в широком понимании её хронологических рамок и окончательных результатов» [20, с. 402–403].

Взгляд на необходимость расширения хронологических границ революции и оценку Октября как этапа буржуазной революции разделяет и Д. Ю. Лысков, отмечающий, что «в рамках классического марксизма, Октябрьская революция была буржуазной. Коллизия, при которой буржуазную революцию совершают социалисты, ведя за собой пролетариат и крестьянство, была разрешена развитием марксистских идей, теорией о перерастании буржуазной революции в социалистическую... При этом сам Октябрьский переворот действительно признавался лишь завершающим этапом буржуазной революции» [21, с. 5].

В современной русскоязычной историографии событий 1917 г. достаточно качественных теоретических и конкретно-исторических работ. «Даже одно перечисление авторов займет слишком много места» [5, с. 30]. При этом обратим внимание на постепенно набирающую силу тенденцию русскоязычной историографии. Субъективность автора перестает считаться недостатком исследования. По мнению Б. Н. Миронова «образ науки, руководствующейся исключительно требованиями точности, истины, стерильной по отношению ко всему человеческому — к идеям, страстям, вкусам, — кажется мне во многом ложным. Применительно к наукам о культуре — в особенности! Человеческие истины всегда и неизбежно антропологичны.» [7, с. 11].

Его поддерживает В. А. Никонов: «Много написано об объективности революций. Однако следует заметить, что объективного в нашей жизни вообще мало. Например, до сих пор мне не довелось прочесть ни одной объективной книги. Все они субъективны по определению, потому что их писали люди.» [5, с. 13]. Историки, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя. Мы отстаивали подобную позицию в ряде своих публикаций [22, с. 19] и с удовлетворением отмечаем наличие сторонников подобного подхода.

Среди вопросов, ставших предметом дискуссий ученых, и национальный, точнее национально-государственный ракурс революционных событий. Как считает редакция журнала «Ab Imperio» «всевозможные варианты национальных проектов, развивавшихся в России после февраля 1917 г., в большинстве своем воспринимали бывшее имперское пространство как естественный контекст для своей самореализации. Сочетание нациецентричного социального мышления и структурной имперской ситуации во многом предопределило, вероятно, многогранность и ожесточенность последовавшей затем гражданской войны» [23, с. 10].

Сложность оценки национальной составляющей революционных событий столетней давности во многом связана с неопределенностью многих аспектов национально-государственной политики современной России. Обратим внимание, что, по мнению многих аналитиков [24, с. 202–203] до сегодняшнего дня в российском обществе нет адекватного понимания ключевой концепции «русской нации».

Многие российские историки, в силу целого комплекса причин, достаточно настороженно относятся к «национализации» истории революции. Например, Директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров отмечал, что в контексте «национального» ракурса революции остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, в Закавказье, Прибалтике и т.д. частью общероссийской революции, как полагает большинство российских историков, или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки бывших советских республик склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста [17, с. 214].

Возникающая историографическая ситуация во многом похожа на историческую ситуацию 1917 года, когда «сформировалась широкая коалиция национальных и политических групп, протестующих

против попыток могущественного меньшинства (русских националистов или высших классов) присвоить себе всю Российскую империю» [23, с. 10].

На сегодняшний день в русскоязычной историографии нет единых подходов к оценке периодизации, причин, значения, сущности революции 1917 г. Вызвано это, в первую очередь, сложностью исследуемых событий, многомерностью комплекса причин, создавших революционную ситуацию и влиявших на ее долговременную динамику.

Список использованных источников и литературы

1. Булдаков В. П. Революция 1917 г.: к смене исследовательской парадигмы // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 11–12 мая 2017 г.: сб. статей. Оренбург, 2017.

2. Сапов В. В. Идол революции // Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар, 2015.

3. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2013. Отметим, что сборники статей, включающие материалы международных научных конференций «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проводимых кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена издаются регулярно. Последнее издание: Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2015.

4. А. Ю. Давыдов. Рецензия на сборник научных статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» // Научный диалог. 2015. № 1 (37).

5. Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011.

6. Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014.

7. Миронов Б. Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.

8. Стариков Н. В. Февраль 1917: Революция или спецоперация? М., 2007.

9. Революция 1917-го в России. Как серия заговоров. М., 2017.

10. Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. М., 2002. С. 9.

11. Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002

12. Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009.

13. Ерофеев Н. Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2.

14. 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2016. С. 3.

15. Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // общественные науки и современность 2013. № 2.

16. Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // общественные науки и современность 2013. № 3.

17. Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тренды // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 11–12 мая 2017 г.: сб. статей. Оренбург, 2017.

18. Соболев Г. Л. Русская революция 1917 года: взгляд историка из 2012 года // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. С.-Пб., 2013.

19. Баранов А. В. Революция 1917–1921 гг. в России: опыт преодоления посредством нэпа (иллюзии и реальность) // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 5–6 октября 2017 г.) / [отв. ред. акад. Г. Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017.

20. Космач В. А. Великая Российская революция 1917–1922 гг. и её последствия: опыт сравнительно-исторического анализа // Метаморфозы истории. Псковский государственный университет. 2014. № 5.

21. Лысков Д. Ю. Великая русская революция, 1905–1922. М., 2013.

22. Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.

23. От редакции // Ab Imperio. 2017. № 2. С. 10.

24. См. например Бугай Н. Ф. Национальная политика в условиях конститутивных революционных преобразований на Юге России, 1918 – начало 1920-х гг.: реальность, итоги // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 5–6 октября 2017 г.) / [отв. ред. акад. Г. Г. Матишов]. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017.

Д. С. Лавринович

Могилев, УО «МГУ им. А. А. Кулешова»

1917 ГОД В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье определены основные этапы и раскрыты главные направления развития белорусской историографии по истории революционных событий 1917 г. Рассматриваются подходы к решению проблемы влияния миграций населения на ситуацию в белорусских губерниях, роли Западного фронта в установлении советской власти, деятельности политических оппонентов большевиков и другое. Автор показывает, что современные белорусские историки первостепенное внимание уделяют национальному вопросу: белорусским национальным партиям и организациям, Первому Всебелорусскому съезду, провозглашению Белорусской народной республики (БНР) в 1918 г и БССР в 1919 г. Определены неизученные или требующие дополнительного исследования и переосмысления вопросы истории революций.

В 20-е годы прошлого века в национальной историографии в качестве ключевого события для формирования белорусской государственности рассматривалась Первая мировая война (В. М. Игнатовский, М. В. Довнар-Запольский). Затем возобладали ленинско-сталинские оценки, благодаря которым в центр белорусской истории были поставлены события 1917 г. и деятельность партии большевиков. На протяжении многих десятилетий историки занимались, главным образом, изучением проблем Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, работы Советов, рабочего и крестьянского движения, формирования и утверждения однопартийной системы и т. п. В основном внимание исследователей занимало обоснование объективных предпосылок победы большевиков и установления советской власти. Несколько в стороне от «генеральной линии» советской исторической науки находилось исследование Н. С. Сташкевича, посвященное противодействию большевиков деятельности белорусских национальных партий и организаций в 1917–1925 гг. [16] Отдельные аспекты национального движения белорусов в революционный период затрагивались в работах В. А. Круталевича и других историков [5; 7; 8]. В основном выводы исследователей сводились к тому, что образование белорусской советской

государственности (БССР) являлось результатом национальной политики В. И. Ленина и большевистского руководства.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. начался пересмотр оценок событий 1917 г. Один из наиболее авторитетных белорусских специалистов по истории революций академик И. М. Игнатенко в качестве главной причины падения монархии в России указал Первую мировую войну, но отметил, что в феврале-марте 1917 г. был только решен вопрос о передвижке власти [4]. Решающую роль он, по-прежнему, отводил Октябрьской революции.

В постсоветскую эпоху значительно расширяется круг проблем, которые стали рассматривать историки: влияние беженцев и вообще миграций населения на ситуацию в белорусских губерниях в 1917 г., роль Западного фронта в установлении советской власти, деятельность политических оппонентов большевиков и другое. Первостепенное внимание историков стало уделяться национальному вопросу: белорусским национальным партиям и организациям, Первому Всебелорусскому съезду, провозглашению Белорусской народной республики (БНР) в 1918 г.

Во многом революции 1917 г. стали рассматриваться как «русские» революции, внешние по отношению собственно к ситуации на территории белорусских губерний, для истории же Беларуси как более значимое событие подавалась Первая мировая война – основа для решения национального вопроса. Особое значение придавалось влиянию солдат, офицеров, служащих Западного фронта на ход революционных событий. В качестве важного фактора общественно-политической ситуации того времени историки указывают миграции населения: выходцы из центральных губерний России активно участвовали в политической жизни на территории белорусских губерний.

Положение Беларуси после свержения царского правительства, общественно-политическая борьба по проблеме самоопределения белорусских земель в марте–декабре 1917 г., историческая роль БНР находятся в центре внимания исследователей. Так, С. С. Рудович видит истоки процесса, который привел к провозглашению Белорусской народной республики в деятельности белорусских общественных деятелей в Вильно в 1915–1916 гг. [10, с. 15, 16]. Действительно, осенью 1915 г. И. И. и А. И. Луцкевичи на занятой немцами территории создали Белорусскую социально-демократическую рабочую группу в качестве филиала Белорусской социалистической громады. Они выдвинули лозунг «политической независимости Литвы и Беларуси в ее последней исторической форме Великого княжества Лиитовского». Чуть позже была основана «Конфедерация Великого княжества

Литовского», а 19 декабря 1915 г. появился универсал «конфедерации» о создании на литовских и белорусских землях независимого государства [13, с. 18]. Однако эта идея не встретила сочувствия у большинства литовских и польских политиков, взявших курс на создание национальных государств. С проектом создания независимого белорусского государства в конце 1915 г. выступил В. У. Ластовский. В конечном итоге его поддержала вся белорусская «нашенивская» политическая элита, оказавшаяся на оккупированной территории. Идея о необходимости самостоятельности для Беларуси была объявлена белорусской делегацией на конференциях народов России в Стокгольме и Лозанне в 1916 г. [13, с. 19].

С. С. Рудович исследовал деятельность политических партий и организаций на территории Беларуси в 1917 г., показав, что принципиальными сторонниками создания национальной государственности были минские белорусские общественные организации (Белорусский национальный комитет и другие), Белорусская социалистическая громада и ее союзные ей партии [12]. БНР исследователь рассматривает как первую удачную попытку реализации белорусской идеи.

Общественно-политической жизни в Беларуси в период от Февральской революции 1917 г. до провозглашения Белорусской народной республики посвящена монография Н. Е. Семенчика [17; 18]. В ней достаточно подробно показан процесс формирования и функционирования революционных органов власти на местном уровне, освещены основные аспекты деятельности политических партий и организаций. Период до октября 1917 г. рассматривается как демократический, а последующие месяцы – время формирования тоталитарного режима.

Не все историки высоко оценивали роль БНР. Так, В. А. Полуян считал, что провозглашение независимости это еще не сама независимость, Белорусская народная республика представляла только зачаток государственности [1, с. 2]. М. П. Костюк указывал на то, что БНР и БССР результаты разных процессов, протекавших параллельно: формирования демократической национальной государственности и советской. В. А. Круталевич, наоборот, подчеркивал, что БНР – звено в связке «БНР – БССР – Республика Беларусь».

Одной из значительных проблем национальной историографии стал Первый Всебелорусский съезд в декабре 1917 г. Многими историками он рассматривается как важнейшая веха на пути формирования современной белорусской государственности. В. Н. Михнюк прямо указывал, что без декабрьского белорусского съезда 1917 г. не было бы и провозглашения БССР 1 января 1919 г. [1, с. 2]. С этой мыслью вполне можно согласиться, т. к. разрешение, данное

советским правительством на проведение съезда, оказанная им помощь (даже вопреки местным советским органам) свидетельствует о признании большевистским руководством в конце 1917 г. правомерности самой постановки белорусского национального вопроса.

Наиболее значимые аспекты создания белорусской государственности в программах политических партий показаны в работе В. К. Коршука, Р. П. Платонова, И. Ф. Романовского, Е. Г. Богданович [3]. В совместном исследовании П. И. Бригадина и В. Ф. Ладысева раскрывается процесс формирования идеи национального самоопределения в белорусском обществе, определяется роль внешнего фактора в развитии белорусского национального движения. Авторы показали, что сам факт провозглашения БНР поставил вопрос о праве белорусской нации на самоопределение и содействовал формированию белорусской государственности на советской основе [9].

Проблема белорусской государственности в программах и деятельности политических партий и организаций в начале XX в. рассмотрена Н. С. Сташкевичем в коллективном исследовании, посвященном истории государственного строительства на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX в. Однако в этой академической работе проанализирована стратегия и тактика по белорусскому национальному вопросу почти исключительно социалистических партий и организаций, подходы либеральных сил к проблеме создания белорусского государства оказались не раскрыты [14; 15]. Участие различных политических партий и организаций, действовавших на территории Беларуси в 1917 г., в выборах Учредительного собрания изучают А. А. Урбанович, А. А. Воробьев и другие исследователи [2; 19].

Новые подходы к изучению революционных событий 1917 г. в Беларуси, определение направлений исследований политической истории начала XX в. стали результатом проведения ряда научных конференций, посвященных 90-летию Февральской и Октябрьской революций. Особый интерес представляют материалы «круглого стола», который состоялся 19 сентября 2007 г. в Институте истории НАН Беларуси, с участием ведущих ученых, занимающихся историей начала XX в. Сторонники традиционного подхода поддержали концепцию Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций 1917 г. в России (Л. Е. Криштапович, Е. К. Новик), акцентируя внимание на их общероссийское и мировое значение [11, с. 5–9]. Н. С. Сташкевич считал победу большевиков в октябре 1917 г. закономерной и хотя, по его мнению, Октябрьская революция не решила всех поставленных задач, по своим целям она, несомненно, была социалистической. Большевики

опирались на солдат, рабочих и беднейшую часть крестьян, т. е. на меньшую часть населения. В итоге революционная диктатура и насильственные мероприятия советского правительства были неизбежны. При этом ленинскую «модель» социализма историк рассматривал как изначально ущербную. Главным результатом «строительства социализма» в СССР был форсированный завершающий рывок от аграрного к индустриальному обществу [10, с. 22–24; 11, с. 4, 5].

В современной историографии развивается концепция Великой Российской революции, сторонники которой (В. А. Космач и другие) [6] рассматривают события февраля и октября 1917 г. как этапы одного общего революционного процесса, начало которого некоторые исследователи относят даже к 1905 г., а завершение к 1922 г. – образованию СССР. Данная точка зрения приобретает все больше сторонников как в России, так и в других странах, включая Беларусь. События 1917 г. на территории белорусских земель прочно вплетаются в общемировой исторический процесс.

Подводя итоги, можно отметить, что большинство исследователей сходятся во мнении, что суверенитет Республики Беларусь один из своих главных истоков имеет в событиях 1917 г., именно революция явилась решающим фактором формирования белорусской государственности в XX в.

Список использованных источников и литературы

1. БНР: абвяшчэнне, сутнасць, самароспуск (з «круглага стала» ў Інстытуце гісторыі АН Беларусі) // Звязда. 1993. 25 сакавіка. – С. 1–2.
2. Воробьев А. А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний. Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. – 208 с.
3. Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий / В. К. Коршук, Р. П. Платонов, И. Ф. Романовский, Е. Г. Богданович. – Мн.: БГУ, 1999. – 185 с.
4. Игнатенко И. М. Горячий Февраль. Буржуазно-демократическая революция: сущность и итоги // Беларуская думка. 1994. № 2. – С. 59–63.
5. Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. – Мн.: Навука і тэхніка, 1986. – 344 с.
6. Космач В. А. Великая Российская революция 1917–1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа // Метаморфозы истории. 2014. – № 5. – С. 391–423.

7. Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской Республики: На пути к провозглашению Республики: Октябрь 1917 – декабрь 1918 г. – Мн.: Наука и техника, 1975. – 334 с.

8. Малашко А. М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. – Мн.: БГУ, 1969. – 320 с.

9. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917—1939 гг.) / П. І. Брыгадзін, У.Ф. Ладысеў. – Мн.: БДУ, 2003. – 307 с.

10. Расійскія рэвалюцыі 1917 года ў лёсе Беларусі. Матэрыялы «круглага стала», які адбыўся 19 верасня 2007 г. у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 11. – С. 11–24.

11. Расійскія рэвалюцыі 1917 года ў лёсе Беларусі. Матэрыялы «круглага стала», які адбыўся 19 верасня 2007 г. у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2008. № 1. – С. 3–15.

12. Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мн.: Тэхналогія, 2001. – 201 с.

13. Сташкевіч М.С. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 4. – С. 13–19.

14. Сташкевіч М. С. Пытанне беларускай дзяржаўнасці ў праграмах і дзейнасці палітычных партый і арганізацый у пачатку XX ст. // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Мн.: Беларуская навука, 2011. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – С. 243–259.

15. Сташкевіч М.С. Станаўленне беларускіх палітычных партый, эвалюцыя іх стратэгіі і тактыкі ў нацыянальным пытанні // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Мн.: Беларуская навука, 2011. Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – С. 313 – 331.

16. Сташкевич Н.С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917 – 1925). Мн.: Университетское, 1985. – 303 с.

17. Сяменчык М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 г.): У 2 ч. Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2001. Ч. 1. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.

18. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 г.): У 2 ч. Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2001. Ч. 2. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 160 с.

19. Урбанович А. А. Политические партии Беларуси в предвыборной кампании 1917 года во Всероссийское учредительное собрание (исторический опыт и уроки): Учебное пособие / А. А. Урбанович. Мн., 1994. – 160 с.

УДК 930(47+57:438):323.272(470):325.86(438)"1918"

Н. Н. Мезга

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

**СОВЕТСКАЯ И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
МЕЖВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
О РОЛИ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ
В 1918 ГОДУ**

В статье выявлены основные положения советской и польской историографии межвоенного времени, характеризующие роль Российской революции в восстановлении независимости Польши в 1918 г. Установлено, что советские и польские исследователи принципиально разошлись при изучении этой проблемы. Это связано в решающей степени с их стремлением обосновать, представить в максимально благоприятном свете политику своего государства.

Российская революция и итоги Первой мировой войны привели к коренным изменениям международной ситуации в Восточной Европе. В регионе продолжился процесс образования национальных государств. Вновь обрела независимость Польша. Восстановление польского государства привело к возобновлению борьбы между ним и Россией за господство в Восточной Европе. Обе стороны в качестве важного инструмента этой борьбы рассматривали историческую науку. В 1920 г. на конференции историков в Варшаве отмечалось, что «работа историков должна быть наиболее тесно связана с общими организационными усилиями, направленными на становление государства» [1, с. 4–7]. Крупный польский политик межвоенного времени С. Грабский так определял значение истории и публицистики в условиях восстановления польской государственности: «Вместе с умелой конкретной ежеминутной работой должна наша публицистика формировать и историческую мысль польского государства,

мысль великодержавную, развивать, углублять, формулировать требования польского государственного порядка» [2, с. 24].

Советские историки по-своему трактовали задачи, стоявшие перед польской исторической наукой. В. К. Щербаков писал, что задача польских буржуазных историков заключается в мобилизации сил на борьбу с СССР, они «обосновывают «право» польских панов и буржуазии на Белоруссию и Украину». История, по его мнению, являлась в Польше средством, с помощью которого формируются соответствующие настроения белорусского и польского населения страны [3, с. 8, 56]. Эту же мысль развивали в своих исследованиях А. В. Шустер и М. В. Джервис: «В обосновании своих внешнеполитических устремлений польский фашизм отводит выдающуюся роль исторической аргументации». Они указывали на непосредственное влияние польского государства на развитие исторической науки [4, с. 414–415, 426].

Советское руководство со своей стороны активно насаждало классовый подход при трактовке исторических событий. Под влиянием государственной исторической политики советские историки рассматривали свои работы как вклад в классовую борьбу пролетариата. М. Н. Покровский в статье, опубликованной в 1931 г., писал в этой связи: «Суть истории в том, что это самая политическая из всех наук, и ее увязка теории с практикой заключается в том, что история должна непосредственно и неустанно разъяснять массам происходящую классовую борьбу» [5, с. 5]. В. К. Щербаков видел задачу советских историков в том, чтобы вести борьбу с вылазками «враждебных нам классов, с вылазками контрреволюционных элементов», в том числе и на историческом фронте [3, с. 8, 56]. Необходимо учитывать, что вопрос восстановления независимости Польши рассматривался историками и под влиянием событий польско-советской войны. В связи с этим для советской стороны важно было подчеркнуть заслуги советского правительства в восстановлении независимости Польши и, следовательно, обвинить ее правящие круги, развязавшие войну, в «неблагодарности» по отношению к Советской России. Для польских правящих кругов важно было доказать, что их страна обрела независимость не по доброй воле советского российского правительства, а усилиями польского народа, и, следовательно, Польша ничем не обязана советскому государству. Исходя из изложенных выше принципов, советская и польская историография исследовали вопрос роли Российской революции в восстановлении независимости Польши.

Советские исследователи делали акцент на том, что именно Октябрьская революция, в результате которой власть в России перешла в руки большевиков, открыла путь к возрождению Польши. Февраль-

ская революция как фактор, способствовавший восстановлению независимости Польши, советскими историками не рассматривался в принципе. К. Радек отмечал, что «советское правительство выдвинуло лозунг независимости Польши с первых дней своего существования» [6, с. 1]. В. П. Друнин указывал, что уже в Бресте в ходе переговоров с Германией советская делегация заявила о признании права поляков на самоопределение [7, с. 180]. Но необходимо учитывать, что эти заявления делались в условиях, когда Россия уже потеряла фактический контроль над Польшей. По мнению Ю. Мархлевского, Польша была освобождена из-под гнета чужеземного владычества благодаря Октябрьской революции, и именно «русская революция устранила наиболее важные препятствия к освобождению Польши от царизма» [8, с. 3, 4]. Как видим, тезис о решающей роли Октябрьской революции в деле обретения Польшей независимости стал доминировать в советской историографии уже в первые годы ее существования. В последующее время в эту концепцию вносились определенные корректировки. Так, П. В. Суслов писал, что Польша получила независимость не только в результате Российской, но и Германской, и Австрийской революций, а также Польша возродилась как необходимая составная часть европейской системы союзов [9, с. 9].

Часть советских авторов указывала на желание стран Антанты возродить польское государство. Однако этот фактор трактовался как вторичный по отношению к Октябрьской революции. А. Врублевский отмечал роль стран Антанты в создании польского государства, но связывал их действия с влиянием Октябрьской революции, считая, что они создавали Польшу как барьер против «красной опасности» [10, с. 202]. Авторы работы «Фашистская Польша в тупике» делают вывод, что «современное польское государство возникло в результате Первой мировой войны и революции». Но при этом подчеркивают, что именно победа пролетарской революции в России заставила страны Антанты согласиться на независимость Польши: «Победа Великой пролетарской революции в России и предоставление ею всем народам царской империи права на самоопределение (вплоть до отделения), права на самостоятельное государственное существование, заставили, как центральные державы, так и Антанту пойти на дальнейшие уступки полякам» [11, с. 7–9].

Следовательно, в 1930-е годы, сохраняя акцент на определяющую роль Октябрьской революции в возрождении польского государства, советские историки указывали и на такие факторы, способствовавшие этому процессу, как революции в Германии и Австро-Венгрии и формирование новой системы международных отношений после

Первой мировой войны. При этом сохранялись и исследования, авторы которых связывали обретение Польшей независимости исключительно с победой Октябрьской революции в России. Например, Л. Ломов в этой связи писал: «И как только рабочий класс России взял власть в свои руки, Польша получила возможность для национального самоопределения» [12, с. 5].

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в связи с новой политической конъюнктурой стали меняться положения советской историографии по вопросу обретения Польшей независимости в 1918 г. После начала Второй мировой войны и вступления на территорию Западной Беларуси и Западной Украины Красной Армии, советская историография стала подчеркивать искусственный характер польского государства, созданного исключительно волей Антанты. А. Манусевич в этой связи писал, что Польша, возникла «не в силу исторических закономерностей, а лишь в результате произвола, насилия, политики, стратегии и экономических соображений победивших в первой мировой войне держав Антанты». Польша, по его мнению, была создана из лоскутков произвольно нарезанных территорий и «не менее произвольно загнанных в ее пределы народов» [13, с. 53]. Тем самым обосновывалась внешнеполитическая линия СССР по ликвидации польского государства в 1939 г.

В польской историографии в момент возрождения польского государства одним из основных вопросов дискуссии был вопрос о том, наступило ли оно преимущественно благодаря усилиям самого польского общества, или Польша восстановила независимость главным образом благодаря внешней помощи. Первую точку зрения отстаивали историки, близкие к Ю. Пилсудскому, вторую – ориентировавшиеся в политическом плане на национальную демократию. Польскими авторами второго направления, которое было более влиятельным в первые годы после восстановления независимости, прежде всего отмечалась роль Первой мировой войны в деле возрождения польского государства. Р. Дмовский писал в этой связи: «Если война 1914–1918 гг. была для всего мира катастрофой, с нашей, польской точки зрения, стала она чем-то превзошедшим границы смелых, наименее реальных мечтаний» [14, s. 113]. В. Студницкий указывал, что независимость Польши пришла как результат внешних обстоятельств, с очень малым участием и малыми жертвами самих поляков [15, s. 6]. Вопрос о Российской революции как важном самостоятельном факторе в деле возрождения польского государства данными авторами не ставился вообще. Г. Свобода (А. Прухник), близкий к ППС, в вопросе возникновения польского государства не поддерживал ни пилсудчиков, ни ис-

ториков, близких к эндеции. По его мнению, к возрождению польского государства в 1918 г. привели, прежде всего, объективные исторические процессы: развитие самого польского общества и международные перемены в результате Первой мировой войны и произошедших социальных революций [16, s. 15].

Рядом польских исследователей отмечалась и роль революции в России в деле обретения Польшей независимости, только эта роль трактовалась иначе, чем в работах советских историков. Л. Василевский видел значение русской революции в том, что она ослабила Россию, наибольшего врага польской независимости, теперь с Россией можно было не считаться «и все силы направить против других оккупантов». По его словам, Ю. Пилсудский сразу же оценил русскую революцию как поворотный момент в деле возрождения польского государства [17, s. 148]. Практически ту же мысль повторяет и В. Липиньский. Он писал, что Февральская революция ослабила Россию. Польша на момент появления декларации Временного правительства была уже потеряна для России, и поэтому Временное правительство согласилось признать ее независимость. После этого стояла задача Польшу «вырвать из рук Австро-Венгрии и Германии. Это обусловило изменение политики Пилсудского» [18, s. 118–120]. Как видим, в отличие от советских историков, делавших акцент исключительно на Октябрьской революции, польские авторы вели речь о Российской революции в целом как событии, повлиявшем на восстановление независимости Польши.

В условиях режима «санаций» польская историография стремилась всячески подчеркнуть решающую роль самого польского народа в возрождении своего государства. В то время польское правительство предпринимало активные шаги, чтобы подчеркнуть самостоятельность своей внешней политики, и исторические концепции, акцентирующие внимание на том, что польский народ прежде всего собственными усилиями возродил независимость своего государства, подводили историческую базу под эти усилия. Ю. Лукасевич, видный польский дипломат и публицист, писал в этой связи, что ни одно государство, участвовавшее в Первой мировой войне, «не ставило своей целью создание независимой, а тем более сильной Польши» [19, s. 14]. Следовательно, Польша своим возрождением обязана сама себе.

Некоторые историки предлагали, на наш взгляд, наиболее близкую к истине концепцию восстановления независимости Польши, в основе которой лежало взаимодействие внутренних и внешних обстоятельств. Одним из таких историков являлся А. Верный. Он выделял следующие факторы, которые привели к возрождению польского государства. Первым из них являлась «политическая конъюнктура,

которая сложилась в 1914–1919 годах». Другим то, что Польша создала политическое руководство, способное «разумно и целенаправленно проводить польскую политику» [20, s. 5]. Среди обстоятельств политической конъюнктуры данным автором отмечается и русская революция, начавшаяся «в марте 1917 г.». Она «открывала польскому народу путь к независимости, так как в условиях ослабления власти и установившейся в России анархии польский народ получил возможность взять состояние своих дел в свои руки» [20, s. 80].

Как видим, советские и польские историки, отмечая роль Российской революции в воссоздании Польши, видели эту роль по-разному. Для советских историков пришедшие в результате революции к власти большевики в силу провозглашенного ими права народов на самоопределение признали независимость Польши. Польские историки исходили из того, что революция ослабила Россию и тем самым дала шанс полякам освободиться из-под ее власти. Добрая воля большевиков здесь была не причем. Учитывая стремление большевиков установить свою власть на территории, максимально близкой к границам Российской империи, можно констатировать, что польские историки были ближе к истине.

Современная историография, как правило, исходит из того, что возрождению польского государства содействовала совокупность как внутренних, так и внешних факторов. Например, украинский исследователь О. Парнета среди них на первое место выдвигает распад в результате Первой мировой войны многонациональных империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов [21, с. 93]. Близкую точку зрения высказывает Л. Алексиевец, отмечая совпадение субъективных и объективных, международных и внутренних предпосылок возрождения Польши, прежде всего совпадение польских национальных интересов и международной ситуации, сложившейся после Первой мировой войны [22, с. 90]. На наш взгляд, достаточно убедительной выглядит и концепция А. Чубинского, по мнению которого «военное поражение государств, участников разделов, а также произошедшие в них в 1917–1919 гг. революции создали неповторимые условия для возрождения польского государства» [23, s. 3].

В целом, советская и польская историографии, формулируя положения, которые характеризовали процесс восстановления независимости Польши в 1918 г., и определяя роль в нем Российской революции, стремились не столько установить истину, сколько отстоять политические установки своего государства, становясь активным участником советско-польского идейно-политического противостояния в межвоенный период.

Список использованных источников и литературы

1. Zakrzewski, S. Historjografja polska wobec wskrzeszenia panstwa / S. Zakrzewski. – Lwow: Druk. zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1924. – 39 s.
2. Grabski, S. Z zagadnień polityki narodowo-państwowej / S. Grabski. – Warszawa: Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1925. – 134 s.
3. Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К. Шчарбакоў. – Менск: Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1934. – 104 с.
4. Шустер, А. В. Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии / А. В. Шустер, М. В. Джервис // Против фашистской фальсификации истории: сб. статей / Ред. коллегия Е. В. Тарле [и др.]. – М.: Издательство ЦК МОРП, 1939. – С. 410–445.
5. Покровский, М. Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1931. – Т. 21. – С. 4–7.
6. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России / К. Радек. – М.: Госиздат, 1920. – 24 с.
7. Друнин, В. П. Польша, Россия и СССР. Исторические очерки / В. П. Друнин. – М. – Л.: Госуд. издат., 1928. – 219 с.
8. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М.: Госуд. издат., 1921. – 43 с.
9. Суслов, П. В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года / П. В. Суслов. – М. – Л.: Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 174 с.
10. Врублевский, А. Польша / А. Врублевский. – М.: Гос. социально-экономическое издательство, 1936. – 212 с.
11. Фашистская Польша в тупике. – Л.: Ленинградское областное издательство, 1938. – 68 с.
12. Ломов, Л. Польша и ее армия / Л. Ломов. – М.: Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
13. Манусевич, А. Исторические предпосылки краха Польши / А. Манусевич // Исторический журнал. – 1939. – № 11. – С. 58–69.
14. Dmowski, R. Polityka Polska i odbudowanie Panstwa. Wydanie drugie / R. Dmowski. – Warszawa: Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 534 s.
15. Studnicki, W. Z przeżyc i walk / W. Studnicki. – Warszawa: Drukarnia Wł. Łazarskiego, 1928. – 380 s.
16. Czubiński, A. Spory o II Rzeczypospolitą. Ewolucja poglądów publicystyki i historiografii polskiej na temat przyczyn odbudowy i

znaczenia niepodległego państwa dla narodu polskiego / A. Czubiński. – Poznań: Instytut zachodni, 1988. – 84 s.

17. Wasilewski, L. Józef Piłsudski. Jakim Go znałem / L. Wasilewski. – Warszawa: Wyd. «Roj», 1935. – 235 s.

18. Lipiński, W. Wielki Marszałek (1867–1835) / W. Lipiński – Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1936. – 225 s.

19. Łukasiewicz, J. Polska jest mocarstwem / J. Łukasiewicz. – Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1938. – 63 s.

20. Werny, A. Na szlachech dziejowych Romana Dmowskiego / A. Werny. – Warszawa : Druk. T. Dobrzyński, 1939. – 136 s.

21. Парсаданова, В.С. Эдвард Рыдз-Смиглы / В.С. Парсаданова // Вопросы истории. – 2007. – № 8. – С. 10–23.

22. Алексієвц, Л. Польща: утвердження незалежної держави 1918–1926 / Л. Алексієвц. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2006. – 448 с.

23. Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński. – Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2002. – 444 s.

УДК 94(470+571)"1917":323.311.8(410)

Е. Н. Дубровко

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ И ПОЗИЦИЯ ВОЕННОГО КАБИНЕТА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье на основе анализа документов Военного кабинета Великобритании показано, что его позиция в отношении Февральской революции 1917 г. в России определялась прежде всего задачей сохранения последней в качестве эффективного боеспособного союзника в борьбе с Центральными державами в условиях мировой войны.

В условиях Первой мировой войны занявший с декабря 1916 года пост премьер-министра Великобритании Дэвид Ллойд Джордж для принятия оперативных политических решений сформировал небольшой Военный кабинет. Участниками его первоначально помимо самого премьера были лорд Керзон, Эндрю Бонар Лоу, Артур Хендерсон и лорд Милнер. Дополнительно них на заседания приглашались

те члены британского правительства, чья сфера деятельности была связана с обсуждавшимися вопросами: глава внешнеполитического ведомства, глава военного ведомства, начальник имперского генерального штаба и др. В 1916 году был создан секретариат во главе с М. Хенки, который должен был записывать решения, организовывать повестки дня заседаний и распространять документы для обсуждения. Документы Военного кабинета включают протоколы его заседаний, зафиксировавшие основные вопросы, подлежавшие обсуждению, и принятые по ним решения, а также меморандумы, представленные представителями различных ведомств правительственного аппарата по запросу Кабинета. Анализ их содержания позволяет выделить основные политические и социально-экономические проблемы, стоявшие перед Великобританией в 1917–1918 гг., т.е. в годы активной деятельности Военного кабинета, охарактеризовать позицию Соединённого королевства по различным вопросам внутренней и внешней политики.

В 1917 г. одним из векторов внешней политики Великобритании была политика в отношении России – партнёра по Антанте, союзника в Первой мировой войне, государства, вступившего в полосу революционных событий, имевших значительные геополитические последствия. Целью данной статьи является выявление и характеристика позиции, занятой Военным кабинетом Великобритании в отношении Февральской революции 1917 г. в России.

В конце января 1917 г. в Петроград на конференцию приезжала делегация союзников России в Первой мировой войне – англичан, французов и итальянцев. Отправляя делегацию во главе с одним из своих членов военным министром лордом Алфредом Милнером, Военный кабинет указывал, что «большое значение придается развитию наступательного потенциала России для того, чтобы использовать резервы Германии, и тем самым помочь операциям на Западном фронте или даже сломить сопротивление Германии на Восточном фронте». В связи с чем, целью делегации было оценить масштабы и качество необходимых поставок вооружения со стороны Великобритании с точки зрения возможностей России эффективно его использовать и сформулировать соответствующие предложения Кабинету. При этом лорд Милнер должен был руководствоваться «не только техническими соображениями, но и соображениями общего стратегического и политического характера», а его миссия имела и политический аспект. В частности, Лорд Милнер был уполномочен, пользуясь любой возможностью, откровенно поговорить с императором «в связи с опасностью, которая угрожает делу союзников из-за внутренней ситуации в России» [1, р. 115].

Отчитываясь о результатах своей миссии, глава военного ведомства Великобритании указывал, что «есть много преувеличений в разговорах о революции, и особенно о якобы нелояльности армии». При этом, правда, он также писал, что «предполагая на мгновение, что революция пройдет успешно, я бы с большой опаской отнёсся к её влиянию на ход войны. Только самодержавие держит Россию вместе, и хоть самодержавие -- это плохая форма правления, понадобится что-то около поколения, чтобы расставить все на свои места» [2, р. 167–170.].

Первая реакция военного кабинета на февральскую революцию, после того, как 14 марта (здесь и далее все даты приведены по григорианскому календарю, действовавшему в Великобритании в рассматриваемое время – Авт.) глава внешнеполитического ведомства зачитал ряд телеграмм, «свидетельствующих о серьезных изменениях в мятежном движении в Петрограде», свелась к решению подвергнуть строгой цензуре публикацию любых деталей, которые «избежали русской цензуры» [3, р. 33].

Уже 16 марта Военный Кабинет уполномочил главу внешнеполитического ведомства предоставить британскому послу в Петрограде полную свободу в деле признания правительства де факто тогда, когда последний посчитает обстоятельства подходящими, и при условии, что Франция последует такому же курсу [4, р. 43]. При этом, однако, предложение Дж. Бьюкенена поддержать российские политические силы, выступавшие за продолжение войны, путём отправки телеграммы от имени английских лейбористов с выражением уверенности, что они и «их товарищи... поддержат свободные народы, борющиеся с немецким деспотизмом» и указанием, что «каждый день просто несёт катастрофу их братьям, воюющим в окопах, и что победа Германии принесет катастрофу всем классам союзников» Военный Кабинет не одобрил. Также он не стал спешить с оглашением официальной резолюции в Парламенте по ситуации в России, согласившись, что «в сложившейся неясной ситуации в России точные условия резолюции должны быть окончательно сформулированы в тот день, в который она должна была быть предложена» [5, р. 48].

В итоге подготовленная 21 марта резолюция гласила, что «палата направляет в Думу свой братский привет и передаёт русскому народу свои искренние поздравления по поводу создания свободных учреждений, в полной уверенности, что они приведут не только к быстрому и счастливому прогрессу русской нации, но и к ведению в тесном союзе с конституционными правительствами Западной Европы, и с удвоенной настойчивостью и энергией, войны против оплота автократического милитаризма, который угрожает свободе Европы».

Параллельно при выработке рекомендаций послу в Петрограде акцент был сделан на том, что он должен получить гарантии, что *российское правительство выполнит обязательства своего предшественника*; сам же Дж. Бьюкенен должен проявлять большую осторожность, чтобы сохранить свой авторитет в отношениях со всеми сторонами, и особенно со Временным правительством, с которым британское правительство стремится развивать добрые отношения [6, р. 52–53].

Уже в начале апреля появились более сдержанные решения в отношении российского правительства: «Отложить любое сообщение с российским правительством до тех пор, пока политическая ситуация в этой стране не станет более спокойной» [7, р. 94].

После появления 1 мая ноты П. Н. Милюкова правительствам Англии и Франции с заявлением о том, что Временное правительство будет продолжать войну до победного конца и выполнит все договоры царского правительства, главным вопросом для Военного кабинета в его отношениях с Россией оставалась возможность развёртывания ею наступления на Восточном фронте. Поступавшая с начала апреля в Кабинет информация на эту тему склоняла чашу весов в сторону отрицательного на него ответа. Так, глава Имперского генштаба информировал членов Кабинета со ссылкой на телеграмму полковника А. Нокса о крайней сомнительности русского наступления [8, р. 120]. Параллельно были приостановлены поставки в Россию [9, р. 125; 10, р. 155].

В течение весны 1917 г. в Военном кабинете шло осмысление последствий революционных событий в России с точки зрения британских интересов и выработка рекомендаций специалистов разных ведомств. В частности, 9 мая был представлен меморандум Главы имперского генерального штаба У. Р. Робертсона *о военном эффекте* выхода России из Антанты. Автор его сделал следующие выводы: если Россия заключит сепаратный мир, война может продлиться значительно дольше, что делает вопрос экономии ресурсов флота ещё более насущным; необходимо держать свои войска как можно ближе к Англии ещё и потому, что их максимальное число должно быть доступно для помощи на Западном фронте, чтобы не допустить ещё и поражения Франции; необходимо ограничить силы Великобритании на Востоке до минимума, необходимого для защиты её основных интересов (Египет, Месопотамия) [11, р. 344–352]. По запросу Военного кабинета [13, р. 155] оценку геополитических последствий событий в России и собственные *рекомендации по политическим и экономическим вопросам* представил 18 мая глава палаты лордов член Военного кабинета лорд Дж. Керзон. По поводу экономических последствий автор меморандума говорил, что отделение России от союзников обречёт

в перспективе блокаду союзников на провал. Был также поднят вопрос о необходимости «серьёзной оценки» того, стоит ли в текущих условиях продолжать помощь России оружием или финансами. Давая рекомендации относительно британской политики в связи с революцией в России Дж. Керзон выделил несколько её ключевых принципов:

- в то время как момент для инициирования мирных переговоров с английской стороны неблагоприятный, следует демонстрировать собственную готовность к принятию неофициальных мирных предложений со стороны Центральных держав;

- следует предпринимать усилия для укрепления «умеренной партии» в России и для удержания «экстремистов» в случае их прихода к власти от заключения сепаратного мира с Центральными державами. При этом Дж. Керзон предложил усилиями «проввоенных» социалистических партий союзных стран отстаивать идею, что сепаратный мир со стороны России повлечёт за собой господство «немецкого милитаризма над остальной Европой», заменить лозунг «без аннексий» признанием в качестве основы для территориальных изменений принцип учёта пожеланий местного населения, а также подвигнуть российских социалистов создать независимую Польшу, включающую Галицию и Познань, что эффективно предотвратит заключение любого соглашения с врагом;

- взаимозависимость и союз Франции и Великобритании усилятся, при этом, возможно эти две страны «вместе с Америкой» завершат войну; вместе с тем позиция Великобритании на Ближнем Востоке окажется в крайней опасности, а «Тевтонизированная Турция», сохранившая власть в Малой Азии, Сирии и Палестине, станет постоянной угрозой Египту, Королевству Хиджаз и британским позициям в Багдаде;

- достижение всех целей, отражённых в ноте союзников В. Вильсону от января 1917 г., похоже, не будет реализовано, хотя обсуждать это с союзниками в текущий момент невозможно;

- на Западном фронте основная задача – вести настолько эффективную кампанию, насколько позволят обстоятельства, пока не прибдут американские войска, что обеспечит союзникам превосходство.

Надо отметить, что, оценивая последствия выхода России из войны, Дж. Керзон всё же отмечал его сомнительность в ближайшее время посредством заключения сепаратного мира, поскольку это «унизительно для национальной гордости и губительно для будущего положения России» на международной арене. Одновременно он предполагал, что Россия может какое-то время создавать видимость союзничества оставаясь в войне, но не участвуя в ней. Это не сможет долго продолжаться и будет прервано либо вторжением Германии,

либо внутренней революцией в России, либо появлением военной деспотии [13, р. 10–21].

Последующие действия Военного кабинета в целом вписывались в рекомендации указанных меморандумов. Военный кабинет признал желательным отложить на возможно долгий срок обсуждение на международном уровне военных целей союзников [14, р. 112]; приостановил военные поставки в Россию [15, р. 158], предпринял шаги для морального «укрепления «умеренной партии» в России». В частности, в официальных высказываниях премьер-министра (с согласия Военного кабинета, который признавал, что «Россия остаётся важным фактором» в деле союзников) звучали слова поддержки в её сторону. В частности, при обсуждении содержания речей премьер-министра в конце июня 1917 г. было предложено проводить мысль о том, что «Российская революция, несомненно, отложила дату победы союзников, но улучшила качество этой победы», поднимался риторический вопрос о том, что случилось бы с русской революцией, если бы западные союзники не были в состоянии выдержать тяжесть войны в одиночестве пока укреплялась "новая демократия" на Востоке [16, р. 54].

Параллельно на протяжении весны-лета 1917 г. на заседаниях Военного кабинета постоянно озвучивались сообщения о падении боеспособности российских войск, их отказе не только воевать, но даже участвовать в ремонте дорог и оборонительных сооружений [17, р. 28], что усиливало сомнения в успехе планировавшегося наступления на восточном фронте. Начавшееся и провалившееся наступление русских войск в первой половине июля 1917 г. показало справедливость самых пессимистических прогнозов.

Уже на заседании 31 июля 1917 г. члены Кабинета поставили вопрос о мерах, которые следует предпринять в случае, если военные катастрофы и внутренние «разногласия» приведут к коллапсу «военной мощи России» и предлагали методы исправления ситуации в случае «возможного выхода России из войны» [18, р. 51–54].

Таким образом, позиция Военного кабинета Великобритании в отношении Февральской революции 1917 г. определялась прежде всего задачей сохранения России в качестве эффективного боееспособного союзника в борьбе с Центральными державами в условиях мировой войны.

Список использованных источников и литературы

1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, on Thursday, January 18, 1917. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-1.pdf> – Date of access : 9.10.2017

2. Allied conference at Petrograd, January-February 1917. Further confidential note by lord Milner dated March 13, 1917. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-3.pdf> . Date of access : 9.10.2017

3. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Wednesday, March 14, 1917, at 12-30 P.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

4. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Friday, March 16 , 1917 , at 11 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

5. Minutes of d Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on 'Monday, March 19 , 1917 , at 4-30 P.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

6. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Wednesday, March 21, 1917, at 11-30 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

7. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, on Wednesday, April 4 , 1917 , at 11-30 A.M . [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

8. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at .10, Downing Street, S.W., on Wednesday, April 18, 1917, at 11-30 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

9. Minutes of a Meeting held at 10, Downing Street, S.W., on April 20, 1917 at 11.30 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

10. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Tuesday, May 8, 1917, at 11.30 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

11. Military Effect of Russia seceding from the Entente. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-12.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

12. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Tuesday, May 8, 1917, at 11.30 A.M. [Electronic re-

source]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-2.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

13. Policy in view of Russian developments. Memorandum by Lord Curson. May, 18. 1917. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-13.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

14. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Monday, July 16, 1917, at 11-30 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-3.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

15. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Friday, August 3, 1917, at 3-30 P.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-3.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

16. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Wednesday, June 27, 1917, at 9-30 P.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-3.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

17. Minutes of a Meeting of the War Cabinet held at 10, Downing Street, S.W., on Thursday, June 14, 1917, at 11-30 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-3.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

18. Minutes of a meeting held at 10 Downing Street, S.W., on Tuesday, July 31, 1917, at 11.30 A.M. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-13.pdf>. Date of access : 9.10.2017.

УДК 329 (477) «1917–1920»

В. Ф. Солдатенко

Киев, Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса НАН Украины

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В БОРЬБЕ ЗА АВАНГАРДНУЮ
РОЛЬ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ 1917–1920 ГОДОВ
В УКРАИНЕ: ОЦЕНКА ТРАНСФОРМАЦИИ
МНОГОПАРТИЙНОСТИ В ОДНОПАРТИЙНОСТЬ**

Предпринимается попытка определить количественные параметры, провести классификацию всех политических партий, как

регионально-национальных, так и местных организаций общероссийских объединений, действовавших в Украине в революционную эпоху, проследить главные тенденции их развития, вскрыть внутреннюю логику трансформаций, выяснить степень влияния на общественные процессы в отдельные периоды, в решающих событиях.

Финал партийной истории революционной эпохи оказался как неожиданным для многих сил, выступавших оппонентами, соперниками, врагами коммунистов (многие были просто не готовы смириться со своим поражением или вынужденной сменой позиций, что достаточно быстро перенесли на страницы исторических работ и продолжают практиковать в современной историографии), так, одновременно, и прогнозируемым, в значительной степени детерминированным, закономерным.

В оценке победы Октябрьской революции, равно как и триумфа большевиков, на протяжении вот уже столетия не утихают жаркие споры. У части историков, обществоведов продолжают оставаться как бы невыясненными вопросы о закономерности случившегося в бурную, переломную эпоху. Каких только версий не появляется. Утверждается, например, что власть просто валялась на улице, ее некому было подобрать, на это отважились большевики, подкупленные деньгами немецкого и германского генеральных штабов и коварно обманувшие легковверные массы. А те, не предполагая, чего это им будет стоить в будущем, какими неисчислимыми бедами и страданиями обернется, сломя голову бросились бороться за призрачное «светлое будущее», нарушили естественный ход истории и остались... «у разбитого корыта».

За пределами внимания немалого круга исследователей остается анализ того, как большевики смогли завоевать колоссальный общественный авторитет, осуществить определяющее влияние на историческую поступь, завоевать и укрепить свою власть в процессе беспрецедентных социальных баталий и масштабнейшей гражданской войны 1917 – 1920 гг., в чем выявились детерминанты преимуществ коммунистической идеологии и советской системы власти над другими теоретико-правовыми, в том числе – на региональном уровне – национальными моделями государственного устройства.

Одни из перспективных, конструктивных путей к объективному выяснению смысла, сущности и последствий тогдашних процессов, реалистической их оценки, как представляется, заключается в комплексном, системном исследовании, сравнительном анализе деятельности всех политических партий эпохи – лидеров революционной

динамики, их всестороннего развития, идейно-теоретической эволюции, осуществлявшейся стратегии и тактики, взаимоотношений – от сотрудничества и блокирования до противостояний и антагонистического враждования, борьбы «на уничтожение».

Составной частью разрешения общей, весьма обширной проблемы может быть проведение целенаправленного анализа на срезе изучения событий в одном из весьма показательных во всех отношениях и крупнейших регионов с достаточно ярко выраженной спецификой – Украины. Тут в полной мере можно проследить действие закономерностей, характерных для всей России, в органическом сочетании с местными, периферийными особенностями и своеобразием проявления.

Одновременно именно на примере истории партийной генеалогии Украины можно получить достаточно убедительное, предметное и даже более рельефное, по сравнению с другими регионами, представление о том, как в революционную эпоху осуществлялся сложнейший (в переплетении объективных и субъективных факторов) и не лишенный противоречий процесс трансформации многопартийности (мультипартийности) в однопартийную политическую систему.

Одной из важнейших примечательностей революционной эпохи 1917–1920 гг. стало небывалое, в буквальном смысле слова – взрывоподобное, увеличение количества политических партий, приумножение численности многих из них, повышение активности, усиление влияния на общественную жизнь. С одной стороны, это стало порождением экстремальных обстоятельств, объективным ответом на потребности, вызовы времени, с другой – в значительной степени результатом «обратного действия» – колоссальным ростом роли субъективного фактора в процессах невиданной интенсивности и масштабности, кардинальных, поистине «тектонических» общественных сдвигах. То есть, политические партии выступали главными, определяющими силами развития событий, настоящими творцами, мощными двигателями революции, ее «демиургами».

Естественно, все, кому приходилось прикоснуться к изучению революционной эпохи 1917–1920 гг., так или иначе пытались понять причины успехов, побед одних сил и, в равной степени, объяснить обусловленность неудач и поражений их политических соперников. Естественно, ни один автор многочисленных публикаций не мог обойти в анализе и оценках партийного сегмента общественной жизни, в результате чего в арсенале ученых накопился прямо-таки гигантский массив самых разнообразных концепций, трактовок, гипотез, суждений, версий. Знакомство с ними, чрезвычайно интересное

и важное уже само по себе, дает богатейшую пищу для размышлений, желания поддержать одни подходы и возразить в научной правомерности другим, высказать критические замечания как к отдельным элементам конструкций, так и к схематично-логическим построениям в целом.

При этом важно иметь ввиду, что историографическое освоение обозначенного объекта в прошлом осуществлялось в основном «по частям» - отдельно изучалась деятельность большевиков, буржуазных, мелкобуржуазных соглашательских, националистических партий, или же анализировалась борьба между определенными субъектами в том или ином политическом сегменте. Конечно, обобщения, оценки были далекими от системных, всесторонних, убедительных.

В результате впервые предпринятого автором фронтального, комплексного изучения всех, без исключения (естественно, в пределах наличия документальной информации) партийных образований (организационно оформленных и политически институированных феноменов) представляется возможным предложить лапидарную оценку смыслов, содержания и результатов развития более или менее целостной партийной истории Украины 1917–1920 гг.

Согласно проведенным подсчетам, в политической борьбе тогда оказались задействованными не менее 69 партийных образований.

Условно их можно объединить в шесть групп, расположив по хронологии основания.

1. Прежде всего, это были местные организации общероссийских партий, значительная часть которых возникла задолго до революции – Бунд, Партия социалистов-революционеров, Еврейская социал-демократическая рабочая партия (Поалей-Цион), РСДРП (большевики), РСДРП (меньшевики), Партия народной свободы (конституционных демократов), Еврейская социал-демократическая рабочая партия, Еврейская рабочая партия социалистов территориалистов («С.С.»), РСДРП (меньшевики- интернационалисты), Левые эсеры, Партия эсеров меньшинства. В целом речь идет об 11 партийных субъектах.

2. Наибольшую группу представляли украинские (национальные) партии: Украинская народная партия, Украинская социал-демократическая рабочая партия, Товарищество украинских поступовцев (поступовцев), Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская радикально-демократическая партия, Украинская партия социалистов-федералистов, Украинская демократически-хлеборобская партия, Украинская национально-революционная партия, Течение (группа) левых в УСДРП, Украинская трудовая партия, РСДРП – Социал-демократия Украина, Украинская партия самостийников-социалистов,

Украинская федеративно-демократическая партия, Украинская народная громада, Украинская партия левых социалистов революционеров, УПСР (боротьбистов), УПСР (центрального течения), Украинская национально-демократическая партия, Украинская народно-республиканская партия, УСДРП («независимых»), УПСР (коммунистов-боротьбистов), УПЛСР (борьбистов), Украинская народно-трудовая партия, Украинская народная партия (1919 г.), Крестьянская социалистическая партия, Группа федералистов в КП(б)У, Украинская Коммунистическая партия, организации правых боротьбистов, Партия левых эсеров-синдикалистов. Вместе это 31 партия и особая партийная группа. Подавляющее их большинство оформилось, развернуло деятельность в 1917–1920 гг.

3. В западном регионе в революционную эпоху функционировало 9 партий. В Галичине: Украинская радикальная партия, Украинская социал-демократическая партия, Украинская национально-демократическая партия, Украинская народная республиканская партия, Коммунистическая партия Восточной Галиции. На Буковине: Украинская радикально-демократическая партия, Украинская социал-демократическая партия, Украинская народная партия, Украинская национально-демократическая партия.

4. В годы гражданской войны организационно оформились 3 еврейские коммунистические партии: Еврейский коммунистический Бунд в Украине (Комфарбанд), Объединенная еврейская коммунистическая рабочая партия, Еврейская коммунистическая партия (Поалей-Цион).

5. Иностранцы граждане, которым случилось жить в 1917–1920 гг. в Украине, создали 6 ячеек национальных партий и групп. Речь о Польской партии социалистической, организации Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, организации Чехославянской (Чешско-Славянской) социал-демократической рабочей партии, Одесской секция румынских левых социал-демократов, Юго-Славянской группе левых социал-демократов (Одесса).

6. Наконец, в Украине в 1917–1920 гг. зародилась деятельность 9 коммунистических групп и организации зарубежных интернационалистов. К таковым относились: Болгарская группа коммунистов, Греческая группа коммунистов, группы Коммунистической партии Польши, Румынская группа коммунистов, Венгерская группа коммунистов, Чехословацкая группа коммунистов, Юго-Славянская группа коммунистов.

Естественно, все эти партии, их организации были разномасштабными, насчитывали различное количество членов. Не было

общественных страт, сколько-нибудь заметных групп в населении Украины, которые не имели представительства в партиях. Именно благодаря последним, с другой стороны, в общественное движение было вовлечено практически все общество – конечно, речь преимущественно о социально и национально активных элементах.

Оптимальным критерием реалистической оценки каждой из партий, безусловно, могут быть итоговые результаты их функционирования в указанный период. Одни пережили неудачи и поражения, вынуждены были сойти с исторической арены; достижения других были скромными, малозначимыми, а третьим активность, усилия принесли, хотя и непростую, однако желанную победу, завершились реализацией стратегических замыслов.

Исходным и определяющим моментом для понимания хода событий партийной истории в Украине 1917–1920 гг. должно служить четкое представление о ситуации, стержневой осью и сущностью которой было одновременное существование, взаимодополнение, взаимопереплетение нескольких революционных потоков, а в качестве самых мощных из них выделялись социальная и национальная, общероссийская и Украинская революции. Этим, прежде всего, и в наибольшей степени, объясняется наличие в регионе такого количества и такого разнообразия политических партий.

С рубежа веков Украина являлась одним из наиболее экономически развитых регионов Российской империи и, согласно общесоциологическим законам, одним из самых мощных очагов партийно-политической жизни, форпостом практически всех общероссийских партий. Так, после Февральской революции во всех украинских губерниях активизировалась деятельность местных организаций кадетов, меньшевиков, эсеров, других партий. Условия, а с ними и содержание, характер их деятельности на протяжении исследуемого периода несколько раз кардинально менялись.

В марте – октябре 1917 очаги упомянутых партий были опорой Временного правительства в проведении курса на укрепление основ буржуазного строя, пытались противодействовать справедливым национальным требованиям украинцев. Даже войдя на основе компромисса в июле 1917 г. в состав Центральной Рады, превратив последнюю в легитимный краевой орган власти, они не столько способствовали решению назревших проблем украинства, сколько тормозили революционно-освободительные процессы.

После свержения Временного правительства немало лидеров общероссийских партий переехали в Киев, другие города Украины, где отчасти поддерживали Центральную Раду, Украинскую Народную

Республику в ее противостоянии с СНК, с силами социалистической революции. В то же время идейно-политическая инерция не позволила им определиться до конца с собственной позицией, когда борьба между советским лагерем и украинской властью достигла апогея (январь 1918) и члены организаций общероссийских партий, их функционеры решили соблюдать нейтралитет: для них оказались неприемлемыми как первые шаги социалистических преобразований советской власти, так и попытки строительства собственного национального государства под руководством Центральной Рады.

Внутреннее раздвоение в общероссийских партиях, которые продолжали функционировать в Украине, происходило в период Гетманщины. Так, кадеты, продолжая именовать себя партией народной свободы, обладая по существу двойкой российско-украинской лояльностью, составили костяк правительства П. П. Скоропадского, хотя душой, очевидно, их посланцы были ближе к участникам белого движения, достаточно интенсивно развивавшегося «по соседству» – на Дону и довольно быстро захватившего в сферу своего влияния и Кубань. Меншевики и эсеры оказались еще в более беспомощной ситуации. Исповедуемые центристские ориентации вывели их больше за сущностные, определяющие рамки политических систем и Гетманщины и Вооруженных сил Юга России (на самом деле – военно-государственной организации во главе с монархистом генералом А. Деникиным). Сторонники соглашательства и центризма оказались в положении «вне игры» по мере поляризации политических сил в стране, особой зоной напряжения которой стали Украина и Дон. Маневры П. П. Скоропадского, направленные на достижение соглашения с небольшевистскими силами России (с их олицетворением – П. Н. Красновым), легальная, а еще в большей степени – нелегальная помощь формированию Добровольческой армии, не оградили Украину от тяжелых испытаний, выпавших на ее долю в месяцы хозяйствования в регионе единоевропейцев. Те, кто еще недавно входили в руководящие структуры Украинской Державы, теперь грубо уничтожали все, что было связано с украинской государственностью, «украинским духом». В партийном отношении это были и кадеты, и меньшевики, и эсеры. Именно в это время в полной мере сказалась их антиукраинскость, и, после разгрома деникинской армии, общероссийским партиям правого крыла и центристам рассчитывать было уже совсем не на что. Ни в возобновляемой Украинской Народной Республике, ни в Советской Украине, успешно оттеснявшей государственность Директории с политического плацдарма.

Безрезультатными оказались попытки посланцев П. Н. Врангеля (естественно, они представляли партийно-великодержавные круги)

«навести мосты» с петлюровским окружением даже в экстремальных для обеих сторон обстоятельствах.

Для общероссийских политических партий правого и центристского направления украинская проблема стала непреодолимой вершиной, которую они не в состоянии оказались одолеть.

Параллельно очень непростые тенденции наполняли жизнь украинских партий. Призванные на арену политической борьбы небывалым подъемом национально-освободительного движения, быстро приобретшего масштабы могучей национальной революции, украинские социал-демократы, украинские эсеры, украинские социалисты-федералисты, украинские самостийники-социалисты, украинские демократы-хлебобобы и др., наиболее полно отражавшие общие глубинные устремления нации, в течение 1917 г. получили огромную поддержку собственного народа. Однако, уже к началу 1918 г. невнятная, непоследовательная, артикулируемая с опаской, невыразительными оговорками социальная политика партий Центральной Рады вызвала охлаждение настроений, резкое падение массовой приверженности к ним, а занятая позиция по другую сторону баррикад от большевистского, советского лагеря вообще превратила в проблематичное все дальнейшее поступательное их развитие в регионе. Доверие к ним достигло критически низких пределов с оккупацией УНР австро-немецкими войсками и гетманским переворотом, ускорив внутреннюю эрозию и дифференциацию, которые вылились в процессы разложения: оформление левых течений и фракций и существенное сужение численности и влияния их правых частей.

Политическая практика Украинской Державы П. П. Скоропадского (репрессии против леворадикальных партий и организаций, партий национально-демократического фронта, объединенных в свое время в Центральной Раде, отмена демократического законодательства в отношении национальных меньшинств и т.п.) нанесла ощутимый удар по украинским партиям левого и левоцентристского крыла и, одновременно стимулировала кристаллизацию позиций составных элементов многих национально-политических образований, ускорила процессы нарастания противоречий и разграничений в них. Так, в частности, произошло «отпочкование» организаций левых эсеров в Украине от общероссийской партии и провозглашение создания Украинской партии социалистов-революционеров (борьбистов), оформление Украинской партии социалистов революционеров (борьбистов), зарождение течения независимых в УСДРП, произошли сдвиги влево в ориентациях еврейских партий: Бунда, ОЕСРП, СЕРП (Поалей-Цион).

Такие же тенденции еще более развились и усилились во время Директории, приведя в 1919 г. к ряду партийных новообразований: УСДРП (независимых), УСДРП (независимых левых), УПСР (коммунистов-боротьбистов), Украинская коммунистическая партия (боротьбистов), Коммунистический Бунд (Комфарбанд), Объединенная еврейская коммунистическая партия, Еврейская коммунистическую партия (Поалей-Цион). В то же время, в ходе реализации Акта соборности Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики партийный спектр государства расширился включением в совместную национально-политическую жизнь партий западного региона – Украинской радикальной партии, Украинской социал-демократической партии, Украинской народной революционной партии (все – Галиция); и почти такого же круга партийных образований Буковины – Украинской радикальной партии, Украинской социал-демократической партии, Украинской Народной партии, Украинской национально-демократической партии.

Тем временем в горниле классовых битв достигли завершения и объединительные усилия в среде большевистских организаций Украины. Не сумев довести до успешной реализации замысел о создании РСДРП(б) – Социал-демократии Украины на грани 1917–1918 гг., коммунисты сконсолидировались в июле 1918 г. в Коммунистическую партию (большевиков) Украины, тесно связанную с РКП (б), закрепив статус областной организации последней. В то же время в ходе ее становления проявилось тяготение некоторых, вначале отдельных элементов, к единению, сочетанию теоретической социальной доктрины с национальными интересами и стремлениями украинского народа.

В стороне от этого сегмента тогда же возникла Коммунистическая партия Восточной Галиции, по сути не успевшая принять участие в реализации всеукраинских проектов.

Тем временем на значительных территориях Украины в 1919 г. была восстановлена советская власть и осуществлена попытка проведения масштабных «военнокоммунистических» экспериментов, что привело к понижению престижа КП(б)У, даже вызвало протестные движения, породило довольно широкую повстанческую практику, в которую включилась, в частности, УСДРП (независимых).

Однако, именно в этом году КП(б)У получила определенную поддержку многих иностранных коммунистических групп (интернационалистов), созданных под влиянием возникновения и началом деятельности III, Коммунистического Интернационала. Таких групп в 1919 оформилось 12, входили в них тысячи зарубежных революционеров.

Они пополняли ряды Компартии Украины, усиливая ее потенциал, базу социальной революции.

Попутно следует вспомнить, что в водовороте революционных перипетий, хитросплетений гражданской войны и иностранных интервенций потерялись несколько преимущественно центристских по предпочтениям партийных институтов иностранных граждан, скорее ориентированных на деятельность в кругу своих соотечественников, волею судьбы оказавшихся в зарубежье, чем в расчете влияния на ход событий в регионе своего временного, по большей части вынужденного (военнопленные и беженцы Первой мировой войны) пребывания.

К вышеупомянутому следует добавить, что в логику межпартийных отношений времен гражданской войны прочно вплелись и такие непростые явления как красный и белый террор. Так, кадеты, правые меньшевики и правые эсеры, «привязавшись» к планам возрождения «единой и неделимой», монархической России, не просто окончательно идейно дискредитировали себя в глазах широких кругов украинства, но и непосредственной причастностью к жестокостям, ужасам репрессивной практики вызвали массовое осуждение, облегчили встречные действия принципиально такого же, «симметричного» силового характера, с имманентными им «перегибами», приблизили момент окончательной ликвидации организаций противников и врагов коммунистов.

И не только психологическое значение в данном контексте имело то, что из меньшевистско-эсеровской среды выделилось, пусть и меньшее, но все же довольно значительное количество левых элементов (счет шел на тысячи), которые осознанно примкнули к борьбе с белогвардейцами и вступили в момент наиболее опасного этапа гражданской войны в ряды КП(б)У.

В 1920 г. еще более интенсивным оказалось тяготение национал-коммунистических сил (в январе оформилась Украинская коммунистическая партия) к участию в функционировании советской политической системы и объединению с КП(б)У. Последняя же, длительное время преимущественно с недоверием, подозрением, а то и откровенно негативно относясь к выходцам из круга, квалифицированного мелкобуржуазным, националистическим, отвергая возможность каких-либо блоков, выработала тактику, согласно которой национал-коммунистические партии должны были самораспуститься, и только затем поступать на индивидуальной основе в КП(б)У. Именно так и развивались события, связанные с вхождением в Компартию Украины, добившейся признания единственной коммунистической организацией в Украине, и УКП(б), и УПЛСР (борьбистов), и Комфарбанд

(последний, правда, на время добился незначительных автономных прав в виде евсекций).

Так уже в 1920 г. практически сформировалась однопартийная политическая система в Украине (длительное время – до марта 1925 г. - организационно дистанцированной оставалась только Украинская коммунистическая партия, однако слишком ограниченное число ее членов и недостаток реального политического веса мало что меняло в общем раскладе сил). Финал партийной истории революционной эпохи оказался как неожиданным для многих сил, выступавших или оппонентами, или соперниками, или же врагами коммунистов (многие были просто не готовы смириться со своим поражением, или вынужденной сменой позиций, что достаточно быстро перенесли на страницы исторических работ и продолжают практиковать в современной историографии), так, одновременно, и прогнозируемым, в значительной степени детерминированным, закономерным.

Если же внимательно, всесторонне и ответственно попытаться оценить воспроизведенные процессы в предложенной и использованной системе координат, то нетрудно прийти к вполне очевидным научным выводам.

С политической арены в бурную эпоху вынуждены были сойти консервативные, либеральные и реформистские партии, которые не смогли сколько-нибудь адекватно отразить и воплотить в своей деятельности интересы широких масс – преобладающей части участников революции и тех, кто хотел перемен, прогрессивного развития, или же благосклонно, сочувственно к этому относился. Таким партиям просто было отказано в доверии, поддержке.

Одновременно в другом сегменте произошли основные, определяющие метаморфозы. Правоцентристские, отчасти правые социалистические партии (и украинские и неукраинские) после эйфорического увлечения агитационно-пропагандистскими акциями и первыми шагами деятельности весной – летом 1917 г, по мере накопления, осмысления массами собственного опыта, начали неуклонно терять свою привлекательность и общественное значение. Украинские партии – УСДРП, УПСР, УПСФ, УПСС, УДХП и другие прилагали отчаянные усилия для продолжения и углубления изменений, которые вытекали из их программ и в целом ограничивались задачами национально демократической революции.

Другое течение, олицетворенное в позиции и курсе левых украинских эсеров-боротьбистов, украинских социал-демократов – независимцев, украинских коммунистов(боротьбистов), укапистов, трансформировавшись в национально коммунистический партийный

феномен, также продолжало самоотверженно бороться за торжество Украинской революции, которая для них, однако, приобретала смысл и характер национально-социалистической революции, направленной на установление и укрепление советской власти. Это течение умножало потенциал большевистских сил (РКП(б) и КП(б)У), усиленный левыми украинскими эсерами (борьбистами), комфарбандовцами и другими еврейскими коммунистическими образованиями, а также левыми элементами бывших соглашательских партий (в частности, выходцами из ортодоксально меньшевистской и эсеровской среды) и достаточно радикально настроенными группами иностранных коммунистов-интернационалистов.

Именно на стороне данного политического сегмента объективно оказалось подавляющее большинство украинского народа, и определило конечный результат революционной борьбы – как принципиальный исторический выбор и перспективу перехода к полномасштабному созданию нового, социалистического общества.

Факты убедительно свидетельствуют, что на роль основного, авангардного субъекта, центра притяжения левых сил в Украине выдвинулась Коммунистическая партия(большевиков) Украины. Именно с ней связаны наиболее значимые определяющие, решающие сдвиги в социальной борьбе (как достигнутые, так, еще в большей степени, ожидаемые, планируемые), и именно с ней пытались связать свою дальнейшую судьбу те, кто приходил к выбору социалистической перспективы для Украины. Правда, не все с этим соглашались сразу. Так, на подобную роль определенное время рассчитывали борьбисты, укаписты и федералисты, однако их потенций и усилий не хватило, чтобы стать лидерами, организационными центрами коммунистического движения в Украине.

Конечно, свое значение здесь имела позиция, линия поведения КП(б)У, принесяшая выигрыш, итоговый перевес и решающее предпочтение именно ей, а затем и обусловившая необходимость для других политических игроков принять предложенные ею «правила игры», согласиться на выдвинутые и последовательно отстаиваемые условия.

При этом вряд ли оправданным было бы пренебрежение, недооценка фактического признания поражения своих партий в бескомпромиссной борьбе с коммунистами целого ряда руководящих деятелей правых, право- и левоцентричных, соглашательских политических образований, оказавшихся в эмиграции, однако не желавших смириться со своей незавидной участью – разлукой с Родиной. Сравнительно быстро они пришли к решениям о необходимости возвращения в Украину, развивавшуюся на социалистической, советской

почве, и приняли посильное участие в созидании нового строя, новых общественных отношений. Речь, в частности, о М. С. Грушевском, П. А. Христюке, В. М. Шемете, Н. И. Шраге и др. Как известно, немало было и тех, кто также хотел бы вернуться в Украину на условиях признания существующей политической системы, однако по разным причинам не мог добиться разрешения властей, как, например, В. К. Винниченко. Он, в частности, считал, что его коллеги из близких по идеологическим предпочтениям партий поехали из эмиграции «на большой самокритичный подвиг, тяжелую борьбу за достижения нашей революции».

Думается, что подобная методологическая и нравственная позиция в своей системной сущности заслуживает особого внимания. Преодолевая заскорузлые предвзятость, плотную зашоренность, она широко открывает глаза на видение, объективное, правдивое понимание и реалистичную оценку сверхсложных процессов, которые инициировались, направлялись, реализовывались различными политическими силами Украины в бурную эпоху и, несмотря на все имеющиеся естественные противоречия, обусловила непростое восходящее продвижение народа, нации, страны по историческим ступеням.

Конечно, достигнутый на конец революционной эпохи результат партийно-политической генеалогии, при всей своей детерминированности, не мог быть гарантом того, что созданный фундамент обеспечит абсолютный успех процессов следующей исторической ступени – построение общества высокого цивилизационного уровня и безупречного качества. Свой решающий приговор предстояло вынести общественной практике.

Бесспорно, отдельного, специального, подробного разговора заслуживает и очень непростая, многоаспектная, к сожалению, запутанная в историографических противоречиях проблема развития отношений внутри однопартийной системы выходцев из разных политических лагерей, как, впрочем, и отношения между теми, кто имел отличающиеся взгляды в неоднородном, немонолитном коммунистическом лагере, со временем превратившихся в веские ретроспективные аргументы (претензии, обвинения) во фракционных противостояниях острой, конкурентной борьбе и политических процессах 30-х гг. прошлого века.

Объективным подтверждением приведенных рассуждений и выводов являются многочисленные фактологические, документальные материалы. Их комплексный анализ неопровержимо свидетельствует, что в эпицентре тогдашней жизни оказались политические партии – настоящиедемиурги революции. А результат их деятельности оказался

исторически далекоидущим, в значительной степени судьбоносным. Бесспорно, глубинные корни многих проблем последующих десятилетий закоренены в события столетней давности, а фабула последующего развития народа, нации, государства будет оставаться трудно постижимой без профессионального погружения в сущность тогдашних процессов, их объективного, честного прояснения, беспристрастной, всесторонней оценки, взвешенных обобщений и формулирования принципиальных поучительных уроков.

УДК 94(470)''1917'':27-528.8

С. Ф. Веремеев

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И РОССИЙСКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВОСТОЧНОГО ОБРЯДА

В данной статье рассматриваются обстоятельства создания Экзархата Российской Католической церкви (восточного) византийского обряда, условия существования общин греко-католиков на территории России как в период революции 1917 г., так и в первые послереволюционные годы.

Российская революция 1917 г. оказала огромное влияние на последующую историю человечества, привела к глубоким изменениям и во всех сферах жизни российского общества, включая и религиозную сферу. В частности, падение самодержавия открыло новые возможности и перспективы для развития греко-католического (униатского) движения.

Ещё в XIX в. уния была полностью ликвидирована на территории Российской империи, однако сохранялась в соседней с ней Австро-Венгрии, на территории Галиции. В начале XX в. галицким митрополитом стал граф А. Шептицкий, один из самых харизматичных и деятельных униатских митрополитов за всю историю, прозванный «Моисеем украинского народа».

В феврале 1908 г. Папа Пий X назначил А. Шептицкого администратором всех греко-католических епархий, некогда принадлежавших к Киевской митрополии [1, с. 232]. А. Шептицкий отныне мог назначать епископов, генеральных викариев и экзархов [2, с. 27]. Кроме того, он получил полномочия по организации Католической

церкви восточного (византийского) обряда в России. В начале XX в. в Петербурге уже существовала небольшая община, состоявшая из бывших православных, которые присоединились к Католической церкви, но практиковали византийский обряд. Согласно агентурным донесениям «охранки», митрополит А. Шептицкий имел «очень большую надежду на распространение унии в России» и активно действовал в этом направлении [3].

По его поручению, в период 1910–1914 гг. Российскую империю несколько раз тайно посещал священник студит Леонид Федоров с целью лучше разобраться в положении католиков византийского обряда. Тайный характер приездов Л. Фёдорова был обусловлен тем, что царское правительство негативно относилось к А. Шептицкому, воспринимая его в качестве враждебного деятеля. Во время своей последней поездки в Россию в 1914 г. священник был арестован и отправлен в Сибирь (в Тобольск) под надзор полиции за «вредную для государственной безопасности деятельность», под которой подразумевалось, вероятно, информирование митрополита А. Шептицкого о положении русских греко-католиков [4].

В том же 1914 г. во Львове, занятом российскими войсками, был арестован и сам митрополит. Он находился в ссылке в Киеве, Новгороде, Курске, а затем в почетном заключении в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре.

Падение монархии в России привело к глубоким изменениям в положении греко-католиков. В апреле 1917 г. Временное правительство объявило о равенстве всех религий перед законом и об отмене любых религиозных и национальных ограничений [5, с. 37]. Из ссылки были освобождены А. Шептицкий и Л. Фёдоров, которые приехали в Петроград. Отмена существовавших религиозных ограничений открывала возможности для нормализации деятельности греко-католических общин, создания административных структур, упорядочения церковной жизни.

По инициативе митрополита Андрея в Петрограде состоялся Первый Собор российских католиков восточного обряда. Собор открылся 28 мая 1917 г. в актовом зале католической гимназии при церкви Св. Екатерины. На нём присутствовали священники А. Зерчанинов, Л. Федоров, Д. Колпинский, Г. Верховский, И. Дейбнер, Е. Сушалева, В. Абрикосов, Т. Семяцкий, и греко-католический епископ И. Боцян. Были приглашены также римско-католические (латинские) епископы И. Цепляк, Э. Ропп, могилёвский каноник З. Лозинский, несколько священников латинского обряда [6, с. 321]. На Соборе было объявлено о создании особой церковной административно-

территориальной единицы – Российского Экзархата для католиков восточного обряда, главой которого (экзархом) стал протопресвитер Л. Фёдоров. В юрисдикцию Экзархата входила вся территория бывшей Российской империи, за исключением Беларуси и Украины. Все присутствующие на Соборе, в том числе и латинские иерархи, скрепили своими подписями Акт о создании Экзархата, а грекокатолические священники принесли присягу Папе Римскому и Экзарху Л. Фёдорову. Тем самым, было положено основание официальной и канонической структуры российских католиков восточного обряда [6, с. 322; 7, с. 20].

Католическая и Православные церкви епископоцентричны. Рукоположение Л. Фёдорова в епископы, несомненно, повысило бы и укрепило статус Российской Католической церкви византийского обряда, однако митрополит А. Шептицкий не стал его рукополагать, хотя мог это сделать в соответствии со своими полномочиями, данными Папой Римским. В литературе этот факт объясняется двумя причинами: неурегулированностью статуса образованной структуры Святым Престолом и нежеланием самого Л. Фёдорова принять епископский сан (он хотел испытать свои силы и подождать, пока вопрос об Экзархате будет решён в Риме). Между тем Временное правительство признало созданный по инициативе А. Шептицкого Экзархат, а Л. Фёдоров был приглашен как представитель восточного обряда в состав комиссии по делам Католической церкви в России [7, с. 20–22].

Признание вновь образованной структуры со стороны Святого Престола наступило несколько позднее. Митрополит А. Шептицкий смог попасть в Рим только в декабре 1920 г. Папа Бенедикт XV принял его как исповедника, пострадавшего за веру, признал все его полномочия, дарованные митрополиту Папой Пием X, утвердил создание Экзархата и назначение его главой Л. Фёдорова. В апреле 1921 г. о решении Папы Римского узнал и сам Л. Фёдоров [6, с. 457].

Главной целью своей деятельности он считал «распространение и популяризацию самой идеи Унии, распространение здравых идей о католичестве и сближение с православным духовенством». Экзарх отмечал необходимость сближения с православными «на почве общехристианских интересов против растущего неверия и воинствующего коммунизма» [3].

Л. Фёдоров писал, что ему удалось завязать «самые дружеские отношения» с петроградским митрополитом Вениамином (Казанским), единоверческим епископом Симеоном и самим патриархом Тихоном. Католические историки отмечают, что Л. Фёдоров даже встречался с патриархом Тихоном в августе 1918 г. [6, с. 465].

Период с момента образования Экзархата и по октябрь 1917 г. можно охарактеризовать как относительно благоприятное время для деятельности греко-католиков на территории России. Ситуация начала кардинально меняться после октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевиков. Как писал сам Л. Фёдоров, «мы думали, что вздохнём свободно, но 25 октября всё полетело вверх дном, и мы остались при разбитом корыте. Слава Богу за всё! С большевиками, конечно, ни в какие сношения не вступаю» [6, с. 344].

Деятельность российских греко-католиков протекала в крайне сложных условиях. Л. Фёдоров отмечал следующее: «наша крохотная Католическая Церковь, без сомнения, самая маленькая и самая бедная среди всех других Церквей католического мира... Начиная с 1917 года мы пережили все ужасы русской революции: голод, холод, болезни, все виды лишений, отсутствие жизненно необходимых средств, тягостный труд, нездоровая пища, невероятные трудности, где не было никакого различия ни для женщин, ни для стариков, ни для детей, ни для священников; все это истощило наши силы, значительно уменьшило нашу энергию. Некоторые едва могут делать четверть своей обычной работы... Превращенные в многочисленных рабов нашего «свободного правительства», мы мучаемся от сомнений, что ожидает нас завтра. Аресты, тюрьмы, расстрелы, обыски, конфискации, неожиданные проверки «красной» полиции, вымогательство всех видов, преследования веры, святотатство, осквернение святынь и ограбление церквей (под предлогом помощи голодающим!), слежка и преследования духовенства – вот обстоятельства, в которых мы должны проявлять наше терпение! Священник Алексей Зерчанинов был заключен в тюрьму более чем на месяц. Декан Владимир Абрикосов арестовывался дважды и месяц провел в тюрьме, в его квартире трижды делали обыски. Я должен был в течение трех недель скрываться, переодевшись в штатское» [7, с. 22].

Уже в августе 1918 г. большевиками был закрыт журнал российских греко-католиков «Слово Истины». Спасаясь от голода, многие верующие горожане покинули Петроград, что привело к сокращению численности общин восточного обряда [6, с. 356–357, 359].

Российская Католическая церковь восточного обряда испытывала и кадровую проблему, связанную с нехваткой священников. Так, в 1918 г. от тифа умер Николай Траге, который собирался принять священнический сан. Один из греко-католических священнослужителей – отец Е. Сусалев оказался агентом «охранки», с 1911 г. следившем за деятельностью русских католиков восточного обряда. Об этом Л. Фёдоров проинформировал А. Шептицкого в своём письме,

которое, по-видимому, не дошло до адресата. По решению экзарха Е. Сусалев был запрещён в служении [6, с. 349–350].

В 1922 г. власти начали осуществление кампании по изъятию церковных ценностей. Экзарх Л. Фёдоров выступил против изъятия. Однако протесты католического духовенства не остановили действия властей. В мае 1922 г. в церковь Сошествия Св. Духа в Петрограде явились представители Комиссии по изъятию церковных ценностей, которые посчитали годными к изъятию несколько серебряных предметов (одну чашу, 1 ложку и 1 струец для помазания елеем) общим весом в 1/2 фунта [3].

Непростыми были взаимоотношения греко-католиков с римско-католическим (латинским) духовенством. С одной стороны, Л. Фёдоров поддерживал хорошие личные отношения с латинскими епископами: он дружил с моголиевским архиепископом И. Цепляком, принимал участие в католических процессиях, проходивших в Петрограде в 1917–1918 гг. С другой стороны, наблюдались различия в понимании миссии Церкви: если Л. Фёдоров считал, что главой всех католиков в России должен быть епископ восточного обряда, то латинские епископы придерживались иной точки зрения, предпочитая видеть своим главой приверженца своего обряда [6, с. 461; 7, с. 23–24].

Л. Фёдоров выступал за строгое выполнение энциклики Папы Льва XIII *Orientalium dignitas Ecclesiarum* («Достоинство Восточной Церкви»), запрещавшей верующим восточного обряда переходить в латинский обряд без разрешения Ватикана в каждом индивидуальном случае. Представители же латинского духовенства не считали выполнение этой энциклики обязательным. Отметим также, что Л. Фёдоров являлся сторонником сохранения чистоты византийского обряда и юлианского календаря [3; 7, с. 22].

Некоторые римско-католические священнослужители подвергали критике самого экзарха и его сподвижников. Так, настоятель церкви Св. Екатерины в Петрограде прелат К. Будкевич называл Л. Фёдорова, равно как и московского греко-католического священника В. Абрикосова «фанатиками восточного обряда» [3].

Однако, несмотря на тяжёлые условия, Российская Католическая церковь восточного обряда продолжала существовать. В мае 1922 г. на территории Советской России насчитывалось 3 общины греко-католиков: в Москве (100 человек), в Санкт-Петербурге (70 членов) и в Саратове (15 членов). В Петрограде были основаны женский Орден Святого Семейства, община сестер Святого Духа и «Общество Иоанна Златоуста», которые возглавлял Л. Фёдоров. В Москве под руководством священника В. Абрикосова и матери Екатерины (Абрикосов-

вой) действовала община сестёр-доминиканок, активно занимавшихся благотворительностью. Кроме того, появились греко-католические общества мирян: «Общество Св. Иосафата» и «Русско-католическое братство во имя св. Иоанна Златоуста», ставившие целью «религиозно-нравственное просвещение», а также заботу о благолепии церквей, их содержании, организации хоров и т.д. [6, с. 351].

Образование Греко-Католического Экзархата в России оказало влияние на развитие греко-католического движения и в других регионах бывшей Российской империи. В мае 1922 г. Л. Фёдоров дважды посетил Могилёв, где его встречали очень торжественно, как епископа. Проповеди и выступления Л. Фёдорова, по отзывам современников, являвшегося хорошим оратором, нашли отклик среди верующих и способствовали активизации движения сторонников унии в городе. Несколько римско-католических священников дали своё согласие перейти в восточный обряд (А. Сак, А. Ярмолевич, Концевич) [6, с. 489–493].

Однако в 1922–1923 гг. в результате открытого преследования со стороны государства, деятельность Российской Католической церкви византийского обряда была запрещена. В 1923 г. в Петрограде была арестована и отправлена на Соловки сестра Юлия Данзас (1879–1942). В ноябре 1923 г. в Москве власти арестовали игуменью Екатерину Абрикосову (1882–1936) и сестёр-доминиканок византийского обряда. Проводились аресты и членов «Русско-католического братства во имя св. Иоанна Златоуста» [8], о котором шла речь ранее.

В феврале 1923 г. по делу архиепископа И. Цепляка, обвиняемого в контрреволюционной деятельности, был арестован и сам глава российских греко-католиков Л. Фёдоров. Находясь в заключении, он не исключал, что может быть расстрелян властями. В письме А. Шептицкому он писал: «если дело дойдёт до расстрелов, то жертвой будет сам преосвященный Цепляк, Буткевич и ещё кто-нибудь, а может быть и я, чего бы мне, каюсь Вам, очень бы хотелось. Я убеждён, что если прольётся наша кровь, и притом в возможно большем количестве, то это будет самый лучший фундамент Русской Католической Церкви, иначе мы будем не жить, а прозябать среди нашего темного, беспросветного, «советского» быта...». Л. Фёдорову в какой-то мере «повезло» — он избежал смертной казни, однако был приговорён к 10 годам лишения свободы [6, с. 517]. Таким образом, деятельность Российской Католической церкви византийского обряда в тех условиях фактически оказалась парализованной.

Список использованных источников и литературы

1. Назарко, І. Київські і Галицькі митрополити: біографічні нарис (1590–1960) / о. Іриней Назарко, ЧСВВ. – Рим, 1962. – 272 с.
2. Свирид, А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / А. Н. Свирид. – Брест : БрГУ, 2012. – 218 с.
3. «С терпением мы должны нести крест свой...»: документы и материалы о жизни и деятельности блаженного священномученика экзарха Леонида (Федорова) сб. документов / сост.: П. А. Парфентьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krofov.info/history/20/iz_istori/fedor_3.htm.
4. Парфентьев, П. Служение блаженного Леонида Фёдорова в России [Электронный ресурс] / П. Парфентьев. – Режим доступа: <http://www.cerkva.od.ua/leonid-feodorov>.
5. Пospelовский, Д. Русская Православная церковь в XX веке / Д. Пospelовский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
6. Василий, диакон. Леонид Фёдоров: жизнь и деятельность / диакон Василий ЧСВ. – Рим, 1966. – 824 с.
7. Блаженный Экзарх // Дом Непорочного Сердца. Спец. номер, посвящ. 80-й годовщине мученической кончины о. Леонида Федорова (1879–1935). – 2014. – №6 (27). – 59 с.
8. Колупаев, Р. Российская Католическая церковь византийского обряда (краткий исторический очерк) [Электронный ресурс] / отец Р. Колупаев. – Режим доступа: <http://www.rkcvo.ru/node/390>

УДК 947. 073. 1 + 94(47). 084. 1.2 + 321. 911

Е. В. Корень

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Революционные события первой четверти XX в. способствовали усилению в интеллектуальных кругах дискуссий по поводу причин и истоков революционных настроений в России, о роли интеллигенции в культурном, социальном и политическом развитии страны, в нарастании революционной ситуации. В русле ретроспективного

анализа освободительного движения (в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, Г. П. Федотова, Ю. В. Готье и др.) рассматривалась тема декабристов как вехи в эволюции революционности интеллигенции, в развитии противостояния передовой общественности и власти, приведшего к ряду революционных взрывов и гражданской войной.

Первые десятилетия XX в., ознаменовавшиеся тремя революциями и гражданской войной, были для русского общества эпохой напряженного переосмысления исторических судеб страны, острых дискуссий о причинах и истоках революции, о роли интеллигенции в развитии революционных идей. Анализу общественно-политической и культурной деятельности интеллигенции в России были посвящены исследования известных мыслителей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, С. Л. Франка, Г. П. Федотова и др., публиковавшиеся в таких популярных сборниках, как «Вехи» (с марта 1909 г. переиздавался 9 раз!), «В защиту интеллигенции» (М, 1909), «Интеллигенция в России» (СПб., 1910), «Куда мы идем?» (М., 1910), «Из глубины» (М.; Пг., 1918) [1, с. 297]. В адрес интеллигенции высказывалось много обвинений в разжигании революции, но также много было и выступлений в её защиту. Ф.А. Степун в книге «Бывшее и несбывшееся», вышедшей за границей много лет спустя после революций и гражданской войны, вспоминая об этих дискуссиях, констатировал: «Можно по-разному относиться к борьбе русской интеллигенции с монархией: с монархистски-синодальной точки зрения её можно считать безумием; с либерально-гуманитарной и революционно-социалистической – в ней нельзя не видеть основного смысла новой русской истории. Об одном только как будто бы невозможен спор: о грандиозном размахе и даже вдохновенности нашего за сто лет до октябрьского переворота начавшегося освободительного движения» [2, с. 323].

Профессор Ю. В. Готье, непосредственно наблюдавший развитие событий от февраля 1917 г до Октябрьской революции, и считавший долгом историка «записывать свои впечатления и создавать этим... исторический источник», утверждал, что основная причина революции «столетнее растление старого режима. Он вызвал своим падением отклонение маятника влево и господство сил, развившихся в подполье и годных только для разрушения. Разрушение армии, предпринятое во имя подпольных лозунгов, рассчитанных на борьбу с царизмом, дало именно те плоды, которые оно должно было дать... Россия погибает, подточенная Николаем II и добитая собственной революцией» [3, № 6, с. 155].

Анализируя сложившуюся историческую ситуацию, причины социальных катастроф, философы, историки, публицисты обращались к социально-политической истории России, к истокам революционного движения, в том числе и к политическому наследию декабристов, предпринявших первое открытое выступление против самодержавия [4, с. 150, 240, 251, 263]. Декабрь 1825 г. рассматривался как точка отсчета в истории противостояния интеллигенции и самодержавия.

С точки зрения П. Б. Струве, прозвучавшей еще в сборнике «Вехи», «после пугачевщины и до революции 1905 г. все российские политические движения» были «движениями образованной и привилегированной части России», как «офицерская революция декабристов» [5, с. 155]. Вообще Струве оценивал декабризм как попытку «перевести шляхетские замыслы XVIII в. на язык передовой европейской политической мысли» и «дополнить постановку политических задач проблемами социальными (освобождение крестьян)» [6, с. 239–240]. Трагедия разлада интеллигенции и власти, на его взгляд, состояла в том, что политические реформы слишком запоздали. События декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г. положили начало этой трагедии.

Надо отметить, что еще в первое время после восстания декабристов высказывались суждения о его объективных причинах и значении для общества. Так, П. А. Вяземский находил истоки декабризма в господстве реакции, порочности общественного строя России. Он назвал 14 декабря днем «бедственным для России», потому, что за ним последовала «эпоха кровавая» и что все это было «страшным судом для дел и мнений и помышлений настоящих и давно прошедших» [7, с. 329]. По наблюдению поэта, вся Россия «страданиями, потом участвовала делом или помыслами, волею или неволею в заговоре, который был не что иное, как вспышка общего недовольства» [7, с. 78]. Декабристов, по его мнению, судила «мнимая Россия, ниспровержение которой» и было «целию голов нетерпеливых, молодых и пламенных» и преобразование которой остаётся «целью всех верных и рассудительных сынов России» [7, с. 78–79].

Историк Г. В. Вернадский считал, что «14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге разыгралась едва ли не первая в императорской России попытка бессловесного гласного политического движения с осознанными целями и программой. Прежде работала преимущественно тайная интрига, неожиданно для непосвященных совершался глухой ночью дворцовый переворот или вспыхивал яростный и бессознательный народный бунт. Тайные общества времени Александра I попытались создать на новых для России началах широкую политическую партию. Поэтому именно «декабристы» сделали родоначальниками политической культуры новой России» [8, с. 82–83].

Н. А. Бердяев видел величайшую заслугу дворянских революционеров в их самоотречении, в отказе от своих сословных привилегий, в свободном подчинении общенародной и общечеловеческой идее [9 с. 75–76]. «Необыкновенную честь русскому дворянству делает то, – писал Бердяев, – что в своем верхнем аристократическом слое оно создало движение декабристов, первое освободительное движение в России, открывшее революционный век», что «богатые помещики и гвардейские офицеры не могли примириться с тяжелым положением крепостных крестьян и солдат». Декабристы «представляли самый культурный слой русского дворянства» [10, с. 61]. Н. А. Бердяев, отмечал, что «в поколении декабристов было больше цельности и ясности», чем в следующих поколениях интеллигенции, для которых «был закрыт опыт политической деятельности». За ними стоял «ужас жестоко подавленного Николаем I восстания декабристов» [10, с. 61].

С Сенатской площади и суда над декабристами начался раскол внутри русского общества. В сущности, произошел разрыв интеллигенции и власти: «14 декабря 1825 г. – писал Г. П. Федотов, – почти незаметное в политической истории государства Российского, неизгладимая веха в истории русской интеллигенции. Здесь совершается ее отрыв от самодержавия, отныне и навсегда покидает она царские дворцы» [11, с. 422].

Интеллектуальная часть общества была отстранена от власти. Философ русского зарубежья С. А. Левицкий в «Очерках по истории русской философии», писал, что «восстание декабристов знаменовало собой в культурном отношении разрыв между элитой общества и правящим слоем». Общество «стало менее патриотичным», а правящий слой все более бюрократизировался. Дворянская монархия уступило место монархии бюрократической [12, с. 43].

Обедневшая и задвинутая на второй план властью интеллектуальная часть дворянства явилась мощной революционной силой [11, с. 17]. Это в свое время отмечал и А. С. Пушкин в записках «о народном воспитании» [13, т. 11, с. 45–47] и «О дворянстве» [13, т. 12, с. 205–206]. А. И. Герцен в середине XIX в. также высказал наблюдение, что в среднем слое образованного дворянства «таится зародыш и умственный центр грядущей революции», что именно «в нем зародилось и выросло» 14 декабря 1825 г., которое Герцен назвал «полным отпущением грехов (*indulgentia pluralia*)» «всей касты, её расчет за целый век» [14, т. 6, с. 215–216].

Н. А. Бердяев выразил мнение, что русская общественная мысль («русская идея») приобрела социальную окраску именно после поражения декабристов. Русские писатели XIX в. творили «не от радостного

творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества и всего мира, от печалования и страдания о неправде и рабстве человека» [10, с. 62–63]. В статье «Философская истина и интеллигентская правда» он доказывал, что в развитии революционного движения виновата сама верховная власть, «калечившая и роковым образом толкавшая интеллигенцию на борьбу против политического и экономического гнета». Возлагая на интеллигенцию ответственность за ее революционные устремления, Н. А. Бердяев вместе с тем подчеркивал, что «русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции» [15, с. 25].

Похожего мнения придерживался и С. Н. Булгаков, полагавший, что формирование характера русской интеллигенции определило «непрерывное и беспощадное» давление «полицейского прессы, способное расплющить, совершенно уничтожить более слабую духом группу». То, что интеллигенция не пала «под этим прессом, свидетельствует... о совершенно исключительном ее мужестве и жизнеспособности». Изолированность от жизни, в которую ставила интеллигенцию вся атмосфера старого режима, усиливала черты её «подпольной» психологии, подогревала ненависть к самодержавию. Интеллигенция развивалась «в атмосфере непрерывного мученичества, начавшегося с расправы над декабристами» [16, с. 29–30].

После подавления декабристского движения преследование властями всех подозреваемых в политическом свободомыслии, а также непоследовательная социальная политика самодержавия (от режима Николая I до первой четверти XX в.) немало способствовали радикализации освободительного движения. А. И. Герцен и Н. П. Огарев, возглавившие идейную борьбу с самодержавием из эмиграции, ещё отдавали предпочтение «разумной реформе». А. И. Герцен был убежден, что «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» [14, т. 20. с. 585, 590]. Но Лозунг «цель оправдывает средства» постепенно перестал быть отталкивающим, а понятия нравственности и патриотизма следующими поколениями профессиональных революционеров всецело подчинялись идее революции. Еще во второй половине XIX в. декабрист М. А. Фонвизин, тщательно изучавший развитие революционных идей в России, писал о социалистах, что «способы, которыми они думают исправить общество и восстановить его в состояние нормальное, часто ошибочны... самые попытки осуществить подобные меры угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончатся властною диктатурою одного лица, как необходимым последствием

анархии» [17, Т. 2, с. 281–282]. Это мнение оказалось пророческим. Череда революционных взрывов от 1905 до октября 1917 г. и последующая гражданская война не только привели к разрушению Российской империи, но сопровождались гибелью и страданиями миллионов людей, нанесли огромный ущерб культуре, хотя и способствовали такой ценой решению ряда социальных и политических проблем.

Ю. В. Готье, записывая свои наблюдения за событиями 1917 г. и следующих лет, недоумевал: «Все время неотвязная мысль: почему сметен событиями цвет русской деловой интеллигенции, например, земские деятели, дельцы земского и городского союзов, из которых, конечно, вышли бы наилучшие деятели на первое время русской свободы?». Причины происходящего историк связывал с психологическим состоянием общества, якобы вследствие разрушительной деятельности «фанатиков и провокаторов», которые «полвека поднимали народ против преступного и глупого правительства» [3, с. 158]. Причины революций и последующего террора Готье связывал, как с неудовлетворительной внутренней и внешней политикой самодержавия, так и с деятельностью «революционеров от 1860 до 1917 г. [3, с. 160].

Таким образом, в переломный революционный период истории России многие деятели культуры в поисках причин национальной и социальной трагедии, исследовали ход политических событий в стране за столетие. Философы, историки, общественные деятели, стараясь выявить истоки революции, большое внимание уделяли анализу характера революционности интеллигенции. Было высказано много замечательных и верных наблюдений о судьбах русского общества и власти, о роли интеллигенции в культурном, социальном и политическом развитии страны, в формировании освободительной идеологии и нарастании революционной ситуации. В русле ретроспективного анализа освободительного движения в России Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, Г. П. Федотов, Ю. В. Готье и др. рассматривали тему декабристского восстания как первого открытого выступления против самодержавия. Разные мыслители характеризовали декабристов как родоначальников новой политической культуры России, а также осмысливали проблемы противостояния передовой общественности и самодержавной власти, приведшего к ряду революционных взрывов и гражданской войне.

Список использованных источников и литературы

1. Балугев, П. Б. Споры в конце XIX в. о роли интеллигенции в исторических судьбах России / П. Б. Струве // В раздумьях о России

(XIX век) / отв. ред. Е. Л. Рудницкая. – М.: Археогр. центр., 1996. – С. 297–324.

2. Степун, Ф. А. Бывшее и несбывшееся / Ф. А. Степун; послесл. Ю. И. Архипова. – М.; СПб.: Прогресс-Литера, Алетейя, 1995. – 656 с.

3. Готье, Ю. В. Мои заметки / Ю. В. Готье // Вопросы истории. – 1991. – № 6. – С. 150–175; №9/10. – С. 160–185.

4. Гессен, С. Я. Декабристы перед судом истории (1825–1925) / С. Я. Гессен. – М.; Л.: Петроград, 1925. – 296 с.

5. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция / П. Б. Струве // Вехи. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 148–165.

6. Струве, П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / П. Б. Струве // Из глубины. – М.: Изд. МГУ, 1990. – С. 235–250.

7. Вяземский, П. А. Записные книжки / П. А. Вяземский. – М.: Русская книга, 1992. – 381 с.

8. Вернадский Г. В. Два лика декабристов / Г. В. Вернадский // Свободная мысль. – 1993. – № 15. – С. 81–92.

9. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – М.: Канон, 1998. – 400 с.

10. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 43–271.

11. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 403–443.

12. Левицкий, С. А. Очерки по истории русской философии / С. А. Левицкий. – М.: Канон, 1996. – 496 с.

13. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. – М.: Воскресенье, 1996. – Т. 11. – 600 с.; Т. 12. – 588 с.

14. Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: АН СССР. – 1955. – Т. 6. – 551 с.; 1960. – Т. 20. – Кн. 2: 503–994 с.

15. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Вехи. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 6–25.

16. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 26–68.

17. Фонвизин, М. А. Сочинения и письма: в 2 т. – Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд., 1979. – Т. 1 – 480 с.; 1982. – Т. 2. – 431 с.

М. В. Брянцев

Брянск, «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского»

СУДЬБА РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Статья посвящена судьбе провинциального революционера, сыгравшего важную роль в становлении Советской власти в г. Трубчевске Орловской губернии. Показаны идеологические метания Д. М. Ракова, так и не определившего свою позицию в отношении большевиков. Судьба Ракова оказывается, во-многом, типичной для людей революционной эпохи. Окунувшись во власть, такие типы быстро в ней разочаровывались.

Исследование революционных событий начала XX века не обделено вниманием историков. Однако за грандиозностью событий нечасто увидишь конкретного человека, за исключением «больших» вождей. Следует согласиться с В. П. Булдаковым, что историку «следует изучать не столько «факты и цифры», а разочарования и надежды, слухи и иллюзии, сопровождающие их», т.е. реальных людей [2, с. 15]. Предметом статьи является трагическая судьба военного комиссара Трубчевского уезда Орловской губернии Д. М. Ракова.

Согласно анкете членов Трубчевского Уисполкома Дмитрий Митрофанович Раков — коммунист с 1911 г. [8, л. 594]. Однако говорить о его политических взглядах довольно сложно. Ясно одно: именно он стал организатором одной из первых ячейки РСДРП (б) в Трубчевском уезде в своем родном селе Усох в сентябре 1917 г. [3, л. 20].

Впоследствии после прихода к власти большевиков он стал одним из активнейших участников строительства новой жизни в Трубчевском уезде. Авторитет Д. М. Ракова был признан не только коммунистами Трубчевска, но и левыми эсерами. Так, на заседании Трубчевского Уисполкома 2 января 1918 г. по предложению народного комиссара левого эсера И.Ф.Черкасова среди кандидатов от фракции большевиков в Исполком Совета первым был назван Д. М. Раков [7, лл. 13-13 об.]. Он был избран товарищем Председателя Трубчевского Исполкома и членом президиума, членом Финансового и торгово-промышленного отдела [7, л. 60].

Имея авторитет среди левых социалистов, Раков был популярен и среди населения, обладая не только даром убеждения, но и

завоевывая его своими поступками. Так, в марте 1918 г. он был направлен в Краснослободскую волость «для расследования самовольного захвата гражд[анами] Краснослободской волости вагона пшеницы на ст. Холмечи». Но, «видя ужасный голод», Раков не решился отбирать зерно у голодающего населения. Путем переговоров и убеждения, он добился того, что граждане волости не только вернули захваченное зерно, но и взамен вагона пшеницы отдали вагон овса и уплатили разницу стоимости продуктов [7, л. 52 об.]. Такие действия Ракова не были характерными для руководителей того времени, когда многое решалось силой оружия. Он не был готов слепо подчиняться приказам сверху. В его характере очевидны были нотки анархизма. Вероятно, именно это послужит впоследствии к некоторому недопониманию между ним и членами Трубчевского Уисполкома.

В феврале 1918 г. в связи с приближением немцев к Трубчевскому уезду в городе был создан ВРК, членом которого стал Д. М. Раков. Членам ВРК и штаба удалось проделать большую работу по организации военных частей [3, л. 43]. К концу марта 1918 г. были созданы красноармейские части в количестве 759 человек, получившие название Трубчевские оперативные войска, а в апреле месяце, переформированные в отдельный батальон Красной Армии, который возглавил именно Раков [3, л. 45]. Очевидно, что такое назначение было признанием особых организаторских, а возможно и военных способностей Ракова.

Однако уже в мае 1918 г. Раков попросил отстранить его от должности командующего оперативными войсками, «так как он по своим убеждениям не может занимать поста начальника». Его уговорили остаться на своем посту [7, л. 76 об.]. В июне он находился на фронте. В это же время вместо него на должность товарища Председателя Трубчевского Исполкома был избран М. Ф. Присавакин [7, л. 80 об.]. Чем были продиктованы эти действия Уисполкома неизвестно. Возможно, это было попыткой устранить строптивого и авторитетного руководителя от советской работы, возможно и то, что таким образом его пытались удержать в районе боевых действий, используя его военно-организаторский талант.

Однако решение Ракова оказалось окончательным и в конце июня 1918 г. ему все же удалось добиться отставки. 30 июня 1918 г. он подал рапорт о своем увольнении с поста командира 1-го Трубчевского революционного батальона. Это решение было обосновано им в приказе № 40 от 30 июня 1918 г. по 1-му Трубчевскому революционному батальону: «далее пост этот не могу по своему убеждению

как анархист» [6, л. 43]. Это же он подтвердил в своем обращении, прощаясь с батальоном. Там Раков говорил, что, несмотря на свои убеждения анархиста, не позволявшие ему быть начальником, он в условиях угрозы со стороны «немецко-буржуазных полчищ», «считаясь с критическим моментом, с гибелью революции и с просьбами Трубчевского Исполнительного и Военного Комиссариата... стал во главе Вас славные борцы». Обрисовав весь путь и всю сложность формирования батальона, он все-таки указал, что его уход был вызван тем, что «являются к нам люди стоящие во власти на которых мы смотрим как на двигателей революции и из за их личного самолюбия вносят раздор в наше дело». Кто эти люди сложно сказать. Но очевидно – это представители местной власти. Далее в приказе он косвенно подтверждает это говоря: «сейчас заключен мир и мое место может занять другой, так как уже все в порядке и я могу отдаться идее анархиста». Решение было принято под давлением, вероятно, той политики, которую проводили большевики против своих союзников (эсеров, анархистов и т.д.). С тяжелым сердцем он прощался со своими боевыми товарищами: «Покидая вас мне слишком тяжело, сердце мое разрывается при мысли, что я покидаю то детище, которое создать мне стоило стольких трудов, но долг чести, долг анархиста заставляет это сделать». Но он заявил, что в трудные минуты он всегда будет со своими товарищами, призывая их быть «гордыми, вольными, смелыми борцами и не позволим никому связать себя и да ЗРАВСТВУЕТ БРАТСТВО, РАВЕНСТВО И СВОБОДА, опирающаяся на наши штыки» [6, лл. 43 об.-44].

Вероятно, чувство недоверия со стороны власти ощущалось, Раковым, что и послужило причиной его ухода. Однако это не было недоверием со стороны местных властей. Последние, как раз пытались опираться на популярность и, возможно, определенный военный талант Ракова. Что же касается губернских властей, то их в меньшей мере устраивала фигура анархистствующего военного комиссара. Явно Раков вызывал определенное недоверие в глазах губернских властей. Но и представления Ракова о будущем нового обществе расходились с реалиями жизни, которые вовсе не отвечала его видению. Так, в приказе по 1-му Трубчевскому революционному батальону № 2 он писал, что «под маской честного защитника права человека, проходят в ряды их люди корыстные, низкие шкурники, грабители мародеры стремящиеся не защищать революцию, а за личной наживой обливая грязью честных борцов.

До меня доходят слухи что отдельные личности вверенного мне батальона накладывают на населения контрибуцию и под угрозой смерти грабят народ без всякого на то права.

Товарищи немедленно приказываю выяснять таких подлецов обливающих несмываемым позором честных борцов и грабящих народное достояние лично для себя. Уличенных в таком действии буду расстреливать как контр-революционеров.

Командирам рот и начальникам команд и командирам взводов приказываю строго следить за порядком в ротах и командах, не нарушая прав свободной революционной армии, помня что мы гордая сила, сила самого свободного в мире народа, на которую опирается главный двигатель всемирной революции и на которую весь мир смотрит с гордостью, а потому в наших рядах не может быть не порядка и нет места слабым, но должна быть сплоченная сознанием ответственности перед революцией всего мира боевая армия, а не позорно бредущая толпа.

Поэтому тех, кто не выполняет приказаний начальников, приказываю немедленно арестовывать и препровождать в штаб батальона где они будут предаваться суду революционного трибунала...» [6, л. 3].

Таким образом, причиной отставки Д. М. Ракова было не только недовольство со стороны губернских властей его политической позиции, его разочарование в высоких идеалах революции, которые разбивались о низость повседневной жизни, но и принципиальные разногласия с той политикой, которую проводили большевистские власти в Москве.

3 июля Раков выступил на заседании Уисполкома с докладом о сдаче батальона своему помощнику Ефиму Ермольеву. Исполком, согласившись с отставкой Ракова, постановил: выразить ему «глубокую благодарность за понесенные труды при создании революционной боевой единицы, которая сыграла важную роль в деле обороны страны и сдержала напор гайдамацко-немецких полчищ» [7, л. 85].

Но в связи с мятежом левых эсеров в Москве Ракову было предложено «принять командование 1-м батальоном на Погарском фронте». Однако Раков отказался, сославшись на усталость и на то, что он «не видит ничего серьезного в дальнейшем, но в критическую минуту обещал прийти на помощь» [7, л.87 об.]. Здесь же была удовлетворена его просьба об отпуске ему трех бочонков цемента. Вероятно, он был занят строительными работами. Все это свидетельствует о доверии к нему уездных властей. Иначе о его персоне думали в Орле. Губернские власти для отстранения Ракова от командования вооруженными силами использовали выступление левых эсеров. Думается, что подтверждением этого служит приказ №49 нового командира батальона Ермольева от 8 июля 1918 г., в котором приводятся телеграммы

Орловского губернского военкома Зюзюлевича и военного руководителя Адамсона по поводу восстания левых эсеров в Москве. «Все мандаты и удостоверения за подписью бывшим командиром б-на РАКОВА, АБРАМЕНКО (адъютант батальона при Ракове. — М.Б.), а также и на не указанных по какой срок действительны отобрать и представить в штаб» [6, л.58 об.].

Однако уже в начале августа Д. М. Раков вернулся к работе и 2 августа 1918 г. решением Уисполкома он был кооптирован «на правах члена Исполкома» и назначен на пост «ответственного Военного Комиссара» [7, л.95]. Но только 30 августа, после добровольной отставки М.Дандыкина, Раков был назначен на должность Трубчевского военного комиссара [4, л.67 об.]. На этом посту он находился вплоть до своей гибели 18 июня 1919 г.

Этой трагедии предшествовали события, случившиеся 17 июня, когда по улицам Трубчевска носили досточтимую икону Челнской Божьей Матери. Процессия составляла человек 40–50 и 5 монахов со священником. Трубчевский военный комиссар Д. М. Раков и второй военком Н. М. Крючков возвращались со службы и встретили процессию возле своей квартиры. Был конец рабочего дня, и военный комиссар был изрядно выпивши. Когда проносили мимо икону, он снял шапку и пошел за ней, а Крючков отправился обедать в дом, как он потом показал [11, л. 55]. Затем Раков «попросил к себе в дом икону Челнской Божьей Матери с причтом для служения молебна».

После начала молебна, Раков, вынув револьвер, произвел два выстрела в икону и, когда икона упала на пол, стал топтать ее ногами. Причт разбежался. Комиссар Раков, выйдя на улицу, обратился к собравшейся публике, чтобы она забрала икону, но никто не осмелился. Только один из священников рискнул отправиться с Раковым. В комнате Раков кричал: «вы веками калечили мир, бога вашего я разбил, пусть он меня накажет, а вы идите и скажите народу, что это не бог а простая деревяшка». Все это время он размахивал револьвером, священник, испугавшись, убежал. О случившемся было сообщено в Президиум Уисполкома, который командировал на место происшествия заведующего отделом Управления А. В. Гончарова. По прибытии, Гончаров собрал обломки иконы и перенес к себе в дом [10, л. 69].

Последующие события развивались с поразительной быстротой. Раков, вероятно, понял последствия своих действий и пытался найти защиту у бойцов караульной роты, у которых он пользовался большой популярностью.

Попытки властей наладить диалог с Д. М. Раковым наткнулись на его нежелание прислушаться к советам товарищей, которые

предлагали ему возможные пути отступления: 1) арест с последующей отправкой в Орел, 2) остаться до разъяснения ситуации под надеждой охраной караульной роты и 3) «оставить город, если он не хочет быть убитым толпой» [11, л. 15]. Как видно из доклада, члены Исполкома пытались предотвратить возможную расправу над Раковым. Однако военный комиссар избрал самый опасный путь, а Исполком не смог отговорить его. На все попытки объяснить ситуацию, сложившуюся в городе, Раков отвечал: «Вы не политические деятели, а тряпки, которые поддаются влиянию толпы», «если имеете силу, арестуйте, если нет, то я отсюда уйду». Зная настроение красноармейцев гарнизона, которые стояли за военкома, Исполком не решился его арестовать. Тем более что во время переговоров присутствовали представители от красноармейцев (отряда по ловле дезертиров), которые также стали на сторону военкома.

Пока Исполком пытался наладить отношения с Раковым, в городе нарастало волнение толпы. Причем, как полагали члены комиссии, в это время «велась контр-революционная агитация». Именно невозможность успокоить толпу и стремление не довести дело до вооруженного столкновения и заставили Исполком разрешить отслужить молебен 18 июня.

Возмущенная толпа требовала выдачи военного комиссара, подозревая, что местные власти попустительствуют ему. Претензии населения к местным властям были небеспочвенны: Раков, получив проездные документы до Киева, попытался скрыться из города, но возле д. Темное он был окружен толпой и растерзан [1, с. 273–286].

В приказе по Трубчевскому уездному комиссариату по военным делам №169 от 23 июня 1919 г. говорится: «Растерзанного людьми зверьми 18 го сего июня с.г. Уездного Военного Комиссара товар[ища] РАКОВА, погребенного на площади Карла Маркса 20 сего июня, считать исключенным из списков Уездвоенкома с 18 июня с.г. Вечная память стойкому, преданному защитнику униженных и обездоленных» [5, без пагинации]. Семье Ракова, проживавшей в с.Усох, была назначена пенсия, которую она получала всего два года. И уже в 1926 г. Почепский Усобес по заявлению «гражданки с.Усох Трубчевской волости Раковой Веры Петровны о пенсии семье убитого бандитами военкома» было назначено пособие [9].

В судьбе Д. М. Ракова отразились многие процессы, протекавшие в довольно сложный период нашей истории. Человек «идейный», он искренне верил в идеалы однажды приобретенные. Как сын крестьянина, он был верующим человеком, его не изменило даже долгое пребывание в революции. Точнее сказать, он уверовал в идеи коммунизма с той же страстью, с какой русский человек верил в Христа.

Даже его смерть была связана с этой верой. Его же политические взгляды и пристрастия были неопределенными, они часто колебались в зависимости от эволюции его нравственных представлений. Несомненно, такие личности не были редки в такую эпоху, они постоянно трансформировались, не были устойчивы, они-то и оказывались не совсем удобными для власти.

Список использованных источников и литературы

1. Брянцев, М. В. «Дело... о восстании в гор. Трубчевске и уезде 17 и 18 июня 1919 г.» / М. В. Брянцев // Право: история, теория, практика: сб. статей и материалов. – Вып.11. – Брянск, 2007.
2. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930 гг. / В. П. Булдаков. – М., 2012.
3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.П-451. – Оп. 1. – Д. 89.
4. ГАБО. Ф.Р-156. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАБО. Ф.Р-156. – Оп. 3. – Д. 9.
6. ГАБО. Ф.Р-156. – Оп. 3. – Д. 53.
7. ГАБО. Ф.Р-269. – Оп. 1. – Д. 28.
8. ГАБО. Ф.Р-269. – Оп.1. – Д. 137. – Т. 2.
9. ГАБО. Ф.Р-274. – Оп.1. – Д. 265.
10. ГАБО. Ф.Р-507. – Оп.1. – Д. 48.
11. ГАБО. Ф.Р-594. – Оп.2. – Д. 150.

УДК 94:323.272(470+571)"1917"

С. А. Приходько

Новozyбков, «Новozyбковский краеведческий музей»

ГЛАВНЫЙ ЗАЩИТНИК ЗИМНЕГО ДВОРЦА (К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Г. АНАНЬЕВА)

Статья посвящена А. Г. Ананьеву, уникальному человеку, который оказался в центре драматических событий октября 1917 года. А. Г. Ананьев не только руководил обороной Зимнего дворца в момент его штурма большевиками, но и самоотверженно трудился на великих стройках коммунизма.

Мы часто вспоминаем белых и красных, но забываем военных специалистов – людей, всегда безупречно служивших своему Отечеству.

В 1918 г. военспецы составляли 75 процентов командного состава Красной Армии. О жизненном пути и свершениях одного из скромных патриотов своей Родины рассказывает настоящая статья.

Александр Георгиевич Ананьев родился 20 февраля 1877 г. в Черниговской губернии, в Новозыбкове, в дворянской семье. Отец Георгий Ананьев работал начальником Новозыбковской тюрьмы. Его супруга была фрейлиной царицы Марии Фёдоровны, супруги Александра III, и приехала в Новозыбков после свадьбы: замужняя женщина не имела права находиться при дворе. В 1882 г. Александра Александровна Ананьева стала начальницей (попечительницей) Новозыбковской женской прогимназии, преобразованной 1 июля 1883 г. в женскую гимназию. Проживала попечительница в великолепном особняке, расположенном вблизи гимназии, но учебное заведение посещала редко.

А. Г. Ананьев окончил Новозыбковское реальное училище и прошёл курсы прапорщиков, а в 1899 г. поступил в Николаевскую инженерную академию и в 1904 г. окончил её. Новоиспечённый инженер-гидротехник получил звание штабс-капитана и был переведён в военные инженеры. В том же году А. Г. Ананьев был командирован в Туркестанский военный округ и получил должность инженера. В 1906 г. он был произведён в капитаны.

В 1911 г. А. Г. Ананьев был зачислен в запас инженерных войск. В 1913 г. он получил отставку, но в период Первой мировой войны вследствие кадрового голода вернулся на службу и возглавил инженерную школу прапорщиков в Петрограде.

А. Г. Ананьев был женат на княжне Анне Николаевне Енгальчевой, но позднее овдовел. Чиновник XI класса А. Г. Ананьев был удостоен ордена святого Станислава III степени – маленького золотого креста, носимого на груди в петлице. А. Г. Ананьев владел французским языком благодаря домашнему образованию. Также в процессе работы в Средней Азии инженеру удалось изучить узбекский язык.

В дни Великого Октября полковник А. Г. Ананьев занимал должность начальника охраны (коменданта) Зимнего дворца, который с июля 1917 г. являлся резиденцией Временного правительства [1; 4].

25 октября (по новому стилю – 7 ноября) 1917 г. Зимний дворец был взят штурмом [2; 3]. В 2 часа 10 минут 26 октября (8 ноября) верные Советской власти матросы и солдаты, а также красногвардейцы уже полностью контролировали дворец.

К власти пришла партия большевиков. Было провозглашено новое государство – РСФСР. Вскоре военный специалист А. Г. Ананьев поддержал Советскую власть. 30 октября (12 ноября) 1917 г. народный

комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский объявил Зимний дворец и Эрмитаж государственными музеями.

В 1919 г. А. Г. Ананьев был мобилизован и находился в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В ноябре 1920 г. после разгрома РККА белых армий в Европейской части РСФСР. А. Г. Ананьев был демобилизован и командирован в Украинскую ССР. Он занимался налаживанием мирной жизни и восстановлением народного хозяйства, сильно пострадавшего в ходе гражданского противостояния и иностранной интервенции. В 1920–1924 гг. инженер А. Г. Ананьев трудился на различных постах в Житомире и Одессе.

В 1923 г. А. Г. Ананьев был награждён часами от Совета труда и обороны, которым в 1920–1924 гг. руководил Владимир Ильич Ленин.

В 1925–1930 гг. участник Гражданской войны А. Г. Ананьев проживал в Узбекской ССР. Он работал главным инженером водного хозяйства советской республики. В конце 1920-х гг. А. Г. Ананьев вышел на пенсию, проживал в Самарканде и мечтал спокойно наблюдать за жизнью молодой Советской страны, давать уроки физики и писать мемуары.

В 1930 г. он был принят в кандидаты в члены ВКП (б), но был исключён из числа претендентов, поскольку оказался под следствием.

В 1931 г. находившийся в Ташкенте А. Г. Ананьев был арестован. Обвинение было выдвинуто по статье № 58 (пункты № 7 и № 11) УК СССР. По приговору суда А. Г. Ананьев получил 10 лет тюрьмы.

В сопровождении 4 человек, в том числе уполномоченного ОГПУ, пенсионер выехал в Карельскую ССР на строительство Беломорско-Балтийского водного пути. Прибыв с конвоем на грандиозную стройку, А. Г. Ананьев оказался в заключении в Беломорско-Балтийском лагере, хотя ему было почти 60 лет.

Ни возраст, ни подорванное здоровье не мешали закалённому А. Г. Ананьеву досрочно выполнять задания партии. На северном участке строительства во всей полноте проявился его инженерный талант. А. Г. Ананьев стал начальником работ и получил почётный значок «Строитель Белморстроя». В 1932 г. А. Г. Ананьев был награждён почётной грамотой за работу на Беломорско-Балтийском канале. Вскоре его перевели в Дмитровский лагерь, созданный в том же году для строительства канала Москва – Волга имени И. В. Сталина. После завершения строительства длина канала составила 128 километров. В 1933 г. за ударный труд опытный и авторитетный инженер был досрочно освобождён.

Первые советские пятилетки требовали новых трудовых подвигов. Поскольку в том же году 227-километровый Беломорско-Балтийский путь был открыт, А. Г. Ананьев был направлен на сооружение

канала Москва – Волга. Судя по служебной карточке от 14 февраля 1934 г., инженер являлся начальником работ на 2-м участке в Волжском районе.

На следующий день, 15 февраля 1934 г., в соответствии с приказом № 58 по Дмитровлагу, А. Г. Ананьев занял должность помощника начальника работ в Северном районе.

В марте 1934 г. развернулись работы по созданию перемычки на Ивановской плотине, которая во что бы то ни стало должна быть закончена до наступления весеннего паводка. Работами по созданию перемычки успешно руководил А. Г. Ананьев. Невероятно быстрыми темпами, всего за полтора месяца, каналоармейцы под его руководством соорудили перемычку в полтора километра длиной до отметки 119 метров. В головной части сооружение достигло отметки 120 метров.

В 1934 г. за самоотверженный труд А. Г. Ананьев получил благодарность с выдачей месячного оклада [4]. Этот факт был зафиксирован в приказе № 37 по Дмитровскому исправительно-трудовому лагерю – крупнейшему лагерному объединению ОГПУ. В 1934 г. Дмитровлаг был переподчинён НКВД.

Постоянная тяжёлая работа подорвала здоровье А. Г. Ананьева. Однако до последней минуты инженер руководил аварийными работами по подготовке недостроенного объекта к весеннему паводку, стремясь как можно быстрее завершить великую коммунистическую стройку. 5 марта 1935 г. А. Г. Ананьев скоропостижно скончался.

Такой была жизнь Александра Георгиевича Ананьева. Беломорско-Балтийский канал и канал Москва – Волга, в строительстве которых талантливый инженер принимал участие, до сих пор являются важнейшими водными артериями нашей страны и путями подачи питьевой воды растущему населению мегаполиса.

Список использованных источников и литературы

1. Ефремов, А. И. Участие моряков Балтийского флота в борьбе за переход от революции буржуазно-демократической к социалистической в 1917 году в советской историографии: дисс. ...канд. ист. наук / А. И. Ефремов. – Л.: ЛГУ, 1985. – 226 с.

2. Зимин, И. Зимний дворец. Люди и стены. История императорской резиденции. 1762–1917 / И. Зимин. – М.: Центрполиграф, 2012. – 37 с.

3. Синегуб, А. П. Защита Зимнего дворца. 25 октября – 7 ноября 1917 г. / А. П. Синегуб. – М.: Терра, Политиздат, 1991. – 240 с.

4. Комендант Зимнего дворца. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.novozybkov.ru/viewtopic.php?t=300&p=10832>. – Дата обращения: 28.09.2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Российская революция 1917 года в исторических судьбах народов

Жихарев С. Б. Стратегия догоняющего развития (экономика России накануне революции 1917 года)	3
Бабков А. М. Беженцы Беларуси в Российской империи: проблемы регистрации и территориального размещения (1915–1917)	8
Лазько Р. Р. Беларускі нацыянальны рух і бальшавіцкія ўлады пасля разгону ўсебеларускага з'езда (1917)	17
Старовойтов М. И. Национально-политическая идентификация населения белорусско-российско-украинского пограничья и проблемы государственно-территориального определения Беларуси (1917–1922)	27
Елизаров С. А. Гомельский губревком (1919–1920)	34
Зеленкова А. И. Осуществление «культурной революции» (на примере Гомельщины 1920-х годов)	40
Сидоренко В. Н. Революционные настроения в творчестве польскоязычных писателей БССР (1920–1930-е годы)	47
Уваров И. Ю. Становление историко-краеведческой работы в Гомеле в 1923–1925 годах	50
Юрис Я. С. Отображение кооперативного законодательства Временного правительства России в правовых актах о промысловой кооперации в первой половине 1920-х годов	54
Мартинovich С. В. Национальный вопрос в Витебске накануне Октябрьской революции 1917 года	62

Историческая драма 1917 года: взгляд сквозь столетие

Меньковский В. И. 1917 год в современной русскоязычной историографии	69
Лавринович Д. С. 1917 год в современной белорусской историографии	80
Мезга Н. Н. Советская и польская историография межвоенного времени о роли Российской революции в восстановлении независимости Польши в 1918 году	86
Дубровко Е. Н. Февральская революция 1917 года в России и позиция военного кабинета Великобритании	93

Солдатенко В. Ф. Политические партии в борьбе за авангардную роль в революционных процессах 1917–1920 годов в Украине: оценка трансформации многопартийности в однопартийность	100
Веремеев С. Ф. Революция 1917 года и Российская Католическая церковь восточного обряда	113
Корень Е. В. Истоки и эволюция революционности русской интеллигенции в ретроспективных оценках деятелей культуры XIX – первой четверти XX века	119
Брянцев М. В. Судьба революционера	126
Приходько С. А. Главный защитник Зимнего дворца (к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 140-летию со дня рождения А. Г. Ананьева)	132

Научное издание

100 лет Российской революции: подведение итогов

Сборник научных статей

Подписано в печать 02.11.2017. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 8,14.

Уч.-изд. л. 8,9. Тираж 30 экз. Заказ 846.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.